

# ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал  
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2025. Том 23, № 1

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

### Теоретическая лингвистика

- Петрова М. В.* Новый взгляд на коммуникацию в контексте письменного речевого взаимодействия с автоматизированными системами 5

### Лингвокультурология и социолингвистика

- Ойроткинова Н. Р.* Зоонимы, обозначающие семейство беличьих, в алтайском языке 19
- Селеменова О. А.* «Гейша», «бюнад», «женневер»: экзотизмы как репрезентанты геокультурных образов в туристическом дискурсе 33

### Когнитивные исследования и межкультурная коммуникация

- Бобылева Т. В.* Madonna Mia... Идеал возлюбленной в раннем творчестве О. Уайльда 46
- Иванкова К. С.* Межкультурные различия в восприятии аффективных визуальных стимулов русскими и американцами 58
- Шмелёва Е. С.* Лингвокогнитивные особенности дистрибуции стилистических приемов в англоязычном медийном дискурсе (на материале качественной прессы 1990–1999 годов) 71

### Компьютерная и прикладная лингвистика

- Дмитриева К. А., Жолус М. Р.* Автоматическая саммаризация родительских чатов в WhatsApp 80
- Пименов И. С., Саломатина Н. В., Тимофеева М. К.* Компьютерный анализ приемов и стратегий аргументации в текстах научной коммуникации 93

### Славянская и русская лингвистика

- Заика Н. М.* Полипредикативные причинные конструкции в словацком языке 110

### Перевод и переводоведение

- Шамилов Р. М.* Сервисно-инструментальная сущность перевода как основание для выдвижения новой переводческой концепции 124

<i>Меркулова А., Соломоновская А. Л.</i> Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале мультсериала «Смешарики»)	139
Информация для авторов	155

# V E S T N I K

## NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal  
Since 1999, November  
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2025. Volume 23, № 1

---

---

### CONTENTS

#### **Theory of Language and Applied Linguistics**

- Petrova M. V.* A New Look at Communication in the Context of Written Speech Interaction with Automated Systems 5

#### **Linguoculturology and Sociolinguistics**

- Oinotkinova N. R.* Zoonyms Denoting the Squirrel Family in the Altai Language 19
- Selemenewa O. A.* “Geisha”, “Bunad”, “Gennever”: Exoticisms as Representatives of Geocultural Images in Tourist Discourse 33

#### **Cognitive Studies and Intercultural Communication**

- Bobyleva T. V.* Madonna Mia...The Ideal of Beloved Lady in Oscar Wilde’s Early Work 46
- Ivankova K. S.* Cross-cultural Differences in the Perception of Affective Visual Stimuli by Russians and Americans 58
- Shmelyova E. S.* Linguocognitive Features of Stylistic Devices’ Distribution in English-Language Media Discourse (Based on Quality Press Dated 1990-1999) 71

#### **Computer and Applied Linguistics**

- Dmitrieva K. A., Zholus M. R.* Automatic Summarization of Parental Chats on WhatsApp 80
- Pimenov I. S., Salomatina N. V., Timofeeva M. K.* Computer-based Analysis of Argumentation Patterns and Strategies in Scientific Communication Texts 93

#### **Slavonic and Russian**

- Zaika N. M.* Multiclausal Causal Constructions in Slovak 110

#### **Translation and Translation Studies**

- Shamilov R. M.* Translation Viewed as Service and Tool: Proposal of a New Translation Theory 124

<i>Merkulova A., Solomonovskaya A. L. Peculiarities of Transferring Proper Names in the Process of Audiovisual Translation (based on the material of the cartoon series “Smeshariki”/”Kikoriki”)</i>	139
Instructions for Contributors	155

*Editor-in-Chief* Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)  
*Deputy Editor-in-Chief* Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)  
*Executive Secretary* Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)  
*Secretary* Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

*Foreign Text Editor*

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

*Members of the Editorial Board*

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

*Editorial Board of the Series*

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999  
by Novosibirsk State University Press*

*The address for correspondence*

Institute of Humanities, Novosibirsk State University  
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

*Tel.* +7 (383) 363 42 23

*E-mail address:* [lingua@vestnik.nsu.ru](mailto:lingua@vestnik.nsu.ru)

*On-line version:* <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 004.5

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-5-18

## Новый взгляд на коммуникацию в контексте письменного речевого взаимодействия с автоматизированными системами

Мария Владимировна Петрова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова  
Москва, Россия

maria.wladimirowna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8723-3293>

### Аннотация

Исследование строится вокруг определения основных черт письменного вербального взаимодействия человека с автоматизированными системами в рамках понятий «коммуникация» и «диалог». Осуществляется оценка обоснованности применения термина «коммуникация» в контексте взаимодействия с чат-ботами, в ходе которой выделяются характерные черты данной формы коммуникации, такие как квазисинхронность, непосредственность, ориентация на интерактивность, отсутствие социальных взаимоотношений между собеседниками и жесткая формальная структура. Взаимодействие с чат-ботом на естественном языке в традиционной вопросно-ответной диалоговой форме позволяет пользователю достигать своих коммуникативных целей привычным и комфортным для него способом. На примере анализа речевых взаимодействий с чат-ботом ChatGPT-3.5 выявлено, что коммуникация с генераторами текстов обладает смешанной природой, включающей элементы как устной, так и письменной речи. Автоматизированные системы коммуникации, такие как чат-бот ChatGPT-3.5, представляют собой генераторы текстов и используются преимущественно для создания готового «текстового продукта» под конкретную задачу пользователя, что обуславливает текстоориентированную природу реплик чат-бота. Сгенерированный чат-ботом текст должен быть понятным, соответствовать языковым нормам и быть способным существовать вне текущего контекста взаимодействия. В то же время во взаимодействии с автоматизированными системами выявляются элементы устно-речевой деятельности, такие как диалогическая, интерактивная форма информационного обмена и спонтанный характер коммуникации. Спонтанность коммуникации проявляется здесь в допустимости эллиптических конструкций, опечаток и грамматических ошибок в репликах пользователя. Интерактивность – в возможности пользователя вмешаться и прервать или скорректировать процесс создания сообщения. Однако такую коммуникацию нельзя назвать синхронной, так как участники взаимодействия не могут реагировать на сообщения друг друга немедленно, а лишь после получения сообщения в готовом виде. Это позволяет квалифицировать данную форму коммуникации как квазисинхронную.

### Ключевые слова

коммуникация, диалог, автоматизированные системы, чат-боты, ChatGPT, квазисинхронная коммуникация

### Для цитирования

Петрова М. В. Новый взгляд на коммуникацию в контексте письменного речевого взаимодействия с автоматизированными системами // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-5-18

© Петрова М. В., 2025

# A New Look at Communication in the Context of Written Speech Interaction with Automated Systems

Maria V. Petrova

Moscow State University named after M. V. Lomonosov  
Moscow, Russian Federation

maria.wladimirowna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8723-3293>

## Abstract

The study is built around determining the main features of written verbal interaction between a person and automated systems within the framework of the concepts “communication” and “dialogue”. An assessment is made of the validity of using the term “communication” in the context of interaction with chatbots, during which the characteristic features of this form of communication are highlighted, such as quasi-synchrony, immediacy, focus on interactivity, lack of social relationships between interlocutors, and a rigid formal structure. Interaction with a chatbot in natural language in a traditional question-answer dialogue form allows the user to achieve their communication goals in a familiar and comfortable way. Using the example of analyzing speech interactions with the ChatGPT-3.5 chatbot, it was revealed that communication with text generators is of a mixed nature, including elements of both oral and written speech. Automated systems, such as the ChatGPT-3.5 chatbot, are text generators and are used primarily to create a ready-made “text product” for a specific user task, which determines the text-oriented nature of the chatbot’s remarks. The text generated by the chatbot must be understandable, comply with language norms, and exist outside the current context of interaction. At the same time, in interaction with automated systems, elements of oral speech activity are revealed, such as a dialogical form of information exchange and a spontaneous nature of communication. The spontaneity of communication is manifested in this case in elliptical constructions, typos and grammatical errors in the user’s remarks. Interactivity is the ability of the user to intervene and interrupt or correct the process of creating a message. However, such communication cannot be called synchronous since the participants in the interaction cannot respond to each other’s messages immediately, but only after receiving a message in the complete form. This allows us to qualify this form of communication as quasi-synchronous.

## Keywords

communication, dialogue, automated systems, chatbots, ChatGPT, quasi-synchronous communication

## For citation

Petrova M. V. A New Look at Communication in the Context of Written Speech Interaction with Automated Systems. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-5-18

## Введение

В условиях увеличивающегося влияния систем искусственного интеллекта на развитие информационно-коммуникационных технологий неизбежна необходимость пересмотра или, по меньшей мере, расширения трактовки фундаментальных понятий, используемых в области коммуникационных наук. Особое внимание следует уделить непосредственно понятию «коммуникация» и неразрывно связанной с ней диалогической речи как формы устно-речевого общения, поскольку понимание и интерпретация этих явлений снова и снова сталкивается с вызовами, порожденными современными технологическими достижениями. В особенности цифровая коммуникация как разновидность коммуникации подвержена постоянным технологическим изменениям, соответственно, модифицируются и расширяются и практики социального взаимодействия [Weißwenger, 2020. С. 291].

Устное и письменное речевое взаимодействие человека с автоматизированными системами коммуникации стало неотъемлемой частью медиа-коммуникационного ландшафта. В связи с этим целесообразно рассмотреть это взаимодействие как особую организационную форму коммуникации.

Объект данного исследования ограничивается исключительно письменным взаимодействием с автоматизированными системами.

Цель настоящей работы – определить значимые черты письменного вербального взаимодействия человека с автоматизированными системами в соотнесенности с понятием «коммуникация» и с диалогом как традиционной формой коммуникации.

Цель работы обусловила следующие задачи исследования:

1. Оценить обоснованность применения термина «коммуникация» в контексте письменного речевого взаимодействия с автоматизированными системами.
2. Определить основные черты данной формы коммуникации.
3. Выявить характерные черты взаимодействия с нейросетевыми чат-ботами в сопоставлении с формообразующими характеристиками диалога как формы устного речевого общения между людьми.

Структура исследования ориентирована на достижение его задач: сначала представляется терминологическая база, включающая трактовку ключевых терминов (раздел 1.1), затем описывается методология, применяемая в исследовании (раздел 1.2). Далее представлены отдельные точки зрения из лингвистической дискуссии о понятии «коммуникация», значимые в контексте данной работы, и дается характеристика речевого письменного взаимодействия с автоматизированными системами как разновидности коммуникации (раздел 2.1). Раздел 2.2 работы посвящен понятию «диалог» и чертам диалогового взаимодействия с автоматизированными системами. В заключении делаются выводы.

## 1. Теоретическая основа и методы исследования

### 1.1. Терминологическая база исследования

В современном научном дискурсе, в том числе в теории коммуникации, термины «машина», «искусственный интеллект», «системы автоматизированной коммуникации» употребляются в одном смысловом ряду и охватывают различные типы операционно-технических систем: от роботов с физическим обликом<sup>1</sup> до виртуальных автоматизированных систем, осуществляющих исключительно вербальное взаимодействие [Brommer, Dürscheid, 2021. С. 14–16]. Примером последних могут служить виртуальные ассистенты (голосовые помощники<sup>2</sup> и инструменты перевода и редактирования<sup>3</sup>), а также чат-боты, способные обрабатывать текст на естественном языке и предоставлять автоматизированные ответы на вопросы.

В теории коммуникации область исследования взаимодействия «человек – машина» (а также коммуникации «человек – машина») охватывает формы автоматизированных операционно-технических систем, направленных на коммуникацию и внедренных в цифровые инфраструктуры социальных практик человеческого взаимодействия [ср. Hepp et al., 2022. С. 456].

Термин «искусственный интеллект» (далее ИИ) передает и выделяет способность компьютерных систем выполнять задачи и осуществлять процессы, которые обычно требуют интеллектуальных способностей человека. Это может включать в себя такие задачи, как распознавание речи и/или образов, производство речи, перевод на другой язык, аналитика данных [Schönbächler, Himpl-Gutermann, Strasser, 2023; Berendt, Littlejohn, Blakemore, 2020; Wienrich, Döllinger, Hein, 2021].

Термин «автоматизированные системы коммуникации» указывает на самостоятельное (или с минимальным участием человека) достижение компьютерной программой определенных коммуникативных целей [Hepp et al., 2022. С. 452].

<sup>1</sup> Например, сервисные роботы в сфере обслуживания: роботы-официанты, роботы-библиотекари, роботы-промоутеры.

<sup>2</sup> Такие, как Алиса от Яндекса, Siri от Apple, Google Assistant или Amazon Alexa.

<sup>3</sup> Системы языковой помощи, направленные на грамматическое и стилистическое редактирование текста (DeepL Write) или на перевод текста на другой язык (Яндекс Переводчик, Google Translate, DeepL).

Автоматизация коммуникации, то есть использование технологий для выполнения коммуникационных задач без прямого участия людей, приводит к существенным изменениям в структуре и характере коммуникационных процессов в обществе. Технические средства стали составной частью коммуникативной практики и выступают не только средством, используемым для передачи информации (мобильный телефон, программы для проведения видеоконференций), но и непосредственным участником коммуникативного акта.

Автоматизированные системы коммуникации различаются по сложности. Простые чат-боты, работающие в узкоспециализированных областях, используют простые скрипты с предопределенными ответами и шагами алгоритма [Lotze, 2016. С. 74]. Сложные автоматизированные системы обладают способностью обучаться<sup>4</sup> и создавать тексты с уникальным содержанием [Прошина, 2022. С. 28].

Чат-боты – программы, которые вступают в диалоговое взаимодействие с пользователями на определенные темы, используя текст, речь или графику [Smutny, Schreiberova, 2020. P. 1]. Чат-боты как участники коммуникативного акта могут выполнять как функцию посредника в коммуникации между двумя или более людьми (системы автоматизированного обслуживания клиентов), так и выступать адресатом сообщения, когда пользователь напрямую обращается к чат-боту с вопросом или для выполнения иной коммуникативной задачи. Чат-боты, как например ChatGPT-3.5<sup>5</sup> и подобные языковые модели, в основном представляют собой инструменты для создания текста.

## 1.2. Материалы и методы исследования

Методологическая основа исследования включает обзор научных источников по теме работы. Эмпирическую базу исследования составили примеры письменных речевых взаимодействий между человеком и чат-ботом ChatGPT-3.5. В исследовании был выбран чат-бот ChatGPT-3.5, поскольку на момент его проведения он был наиболее доступной моделью для российских пользователей, хотя доступ к нему осуществлялся опосредованно через сторонние сервисы или VPN. Доступ к усовершенствованной версии, ChatGPT-4, был ограничен платной подпиской, которую было невозможно приобрести из-за санкционных ограничений на международные платежи. Другие открытые языковые модели, например BLOOM<sup>6</sup>, требовали для запуска значительных вычислительных ресурсов и специфических навыков. Чат-бот LaMDA<sup>7</sup> не был доступен публично, а использовался только в проектах Google.

В соответствии с основными задачами исследования анализируемые взаимодействия охватывали проблематику, типичную для бытового человеческого общения. Это темы повседневной жизни, отношений и личностных переживаний. Можно выделить три основные тематические группы промптов: тема «Личные отношения» (например, «Как попросить прощения у друга за обиду?», «Что подарить любимому человеку на день рождения?»), тема «Повседневные ситуации» («Как попросить руководство о внеочередном отпуске?», «Как запланировать отпуск на неделю?»), тема «Личная рефлексия» («Какие мои сильные и слабые стороны?», «Почему мне грустно?»). Важно при этом отметить, что в рамках данного исследования было решено отказаться от искусственного присвоения чат-боту определенных ролей в коммуникативной ситуации, таких как «друг», «коллега», «консультант» или «психолог», поскольку целью исследования было изучение естественного взаимодействия с чат-ботом, без искусствен-

<sup>4</sup> В контексте нейронных сетей или ИИ это указывает на способность системы изменять свои параметры на основе опыта и/или обучающих данных, что позволяет ей справляться с более сложными задачами или генерировать более точные результаты.

<sup>5</sup> ChatGPT-3.5 – языковая модель ИИ компании ОпенЭйАй (OpenAI). URL: <https://chat.openai.com/>

<sup>6</sup> BLOOM (англ. BigScience Large Open-science Open-access Multilingual Language Model), URL: <https://huggingface.co/bigscience/bloom>

<sup>7</sup> LaMDA (англ. Language Model for Dialogue Applications) – предшественник чат-бота Bard AI (с февраля 2022 Gemini) от Google.

ных ограничений, а не воссоздание и имитация различных ролевых моделей человеческого общения. Исследование охватило 100 взаимодействий по указанным темам. С использованием описательного метода были выделены основные характеристики этой формы коммуникации в сравнении с характерными чертами диалогового взаимодействия между людьми.

## 2. Результаты исследования и их обсуждение

### 2.1. Характеристики коммуникации в контексте взаимодействия с автоматизированными системами

Несмотря на то что устоявшееся понятие «коммуникации» в своей широкой трактовке включает в себя технико-кибернетический компонент и предполагает взаимный обмен информацией с использованием вербальных и невербальных знаков как между живыми существами (людьми и животными), так и между людьми и машинами [Busmann, 2002. С. 392], появление чат-ботов, оснащенных технологиями обработки естественного языка (NLP) и понимания естественного языка (NLU)<sup>8</sup>, стало поводом для нового обсуждения вопросов взаимодействия с машинами как типа дискурса.

Прежде чем сравнивать человеческую коммуникацию с взаимодействием человека и автоматизированной системы, требуется обозначить основные характеристики коммуникации.

Ключевыми и обязательными чертами коммуникации выступают *обмен информацией и наличие коммуникативного намерения* [ср. Морозов, 2023. С. 209; Rusu, 2023. С. 220–223]. В соответствии с коммуникативным намерением участники взаимодействия осуществляют отбор языковых (или иных знаковых) форм и выстраивают свою коммуникативную стратегию.

*Наличие ответа*, напротив, не обязательно для характеристики коммуникации как состоявшейся: некоторые формы коммуникации ограничиваются только передачей информации и не предполагают непосредственный речевой ответ как обязательную составляющую коммуникативного акта (например, телефонные или смс-уведомления [Морозов, 2023. С. 210–211]). В контексте взаимодействия с чат-ботами человек инициирует акт коммуникации с целью получения информации от автоматизированной системы и ожидает ответа. Соответственно, акт коммуникации будет завершённым только при появлении ответного сообщения от чат-бота. Дополним, что в данном случае можно говорить о непосредственной (прямой) коммуникации, поскольку взаимодействие происходит напрямую между человеком и автоматизированной системой без посредников или третьих лиц.

*Темпоральность* коммуникации как ориентация на временные аспекты взаимодействия – это еще один значимый параметр оценки коммуникации. Темпоральность коммуникации включает в себя понимание и учет временных факторов при обмене информацией, таких как последовательность сообщений, временные интервалы между ними, а также изменения в актуальности данных с течением времени, что отражено понятием «темпоральная релевантность» [Ларина, 2023. С. 46].

Еще в 1998 году ученые Гарсия и Джейкобс ввели в научную дискуссию термин «квазисинхронная компьютерная коммуникация» в отношении компьютерно-опосредованной коммуникации в чатах [Garcia, Jacobs, 1998]. Этот термин нашел отражение во многих научных исследованиях, посвященных интернет-коммуникации [Beißwenger, 2020; Zitzen, Stein, 2004; Чухарев, 2009]. Квазисинхронная коммуникация очень близка к синхронной по минимальной задержке в передаче сигналов, однако отличается тем, что процесс создания сообщения оста-

<sup>8</sup> Технологии обработки естественного языка (англ. Natural Language Processing, NLP) и понимания естественного языка (англ. Natural-language understanding, NLU) представляют собой «теоретически обоснованный набор вычислительных методов для автоматического анализа и представления человеческого языка» [Cambria, White, 2014. С. 1].

ется скрытым от адресата. Адресант формирует сообщение и отправляет его получателю уже в завершённой форме [ср. Чухарев, 2009. С. 9; Weißwenger, 2020. С. 295]. Здесь следует отметить, что в некоторых мессенджерах и социальных сетях пользователь может наблюдать процесс набора сообщения, однако содержание сообщения остается скрытым до момента его получения. При использовании генератора текстов ChatGPT-3.5 пользователь имеет возможность видеть набор текстового сообщения, сразу имея доступ к его содержанию, что можно расценить как проявление синхронности данного взаимодействия. Тем не менее, хотя пользователь видит набор текста сообщения и имеет немедленный доступ к его содержанию, такую коммуникацию нельзя назвать полностью синхронной, так как оба участника данного взаимодействия не могут реагировать на сообщения друг друга немедленно, а лишь после получения сообщения в готовом виде.

Коммуникация в чатах, блогах, форумах, социальных сетях и мессенджерах как разновидность опосредованной интернет-коммуникации представляет собой «интерактивно-ориентированное письмо» [Storrer, 2014], т. е. такую форму коммуникации, которая «придерживается традиций письма, но <...> следует целям взаимодействия» [Weißwenger, 2020. С. 295]. Бейсвенгер предлагает рассматривать интернет-коммуникацию как «третье» явление, но не в дополнение к устной и письменной коммуникации, а, скорее, представляющее собой что-то отдельное, отличное от взаимодействия и текста [Weißwenger, 2020. С. 295]. Двойственная, интерактивно-ориентированная, содержащая ряд признаков устной речи, но при этом текстовая природа свойственна также взаимодействию человека и автоматизированной системы. Подробнее о диалогическом характере взаимодействия с автоматизированными системами см. раздел 3.2. данной работы.



Рис. 1. Коммуникация в мессенджере WhatsApp на тему «потерянная вещь»

Fig. 1. Communication in the WhatsApp messenger on the topic «lost item»

Исследование *социального аспекта* человеческой коммуникации, включающее анализ влияния таких факторов, как возраст, пол, уровень образования, профессиональная принадлежность и другие социокультурные параметры, предоставляет более глубокое понимание динамики межличностных взаимодействий [Abbas, Mahmood, 2023; Picot A. et al., 2023; Sumipo, 2020; Momand, Dubrowski, 2020]. В этой связи интересно отметить, что в отечественной научной традиции часто разграничивают термины «коммуникация» и «общение» [Морозов, 2023; Гусева, 2019; Мартынова, 2007]. Термин «общение» обычно используется для описания более широкого спектра социальных аспектов, включая социальные нормы, личностные особенности взаимодействующих субъектов, характер социальной связи между ними, эмоциональные стороны коммуникации и другие параметры взаимодействия. В то время как термин «коммуникация» ориентирован на процесс обмена информацией и значениями. Оставаясь в рамках данного разграничения, можно сказать, что в терминологическом смысле общение осуществимо исключительно между людьми, взаимодействие же между чело-

веком и машиной может быть определено как коммуникация, но не общение, поскольку оно фокусируется на обмене информацией, содержит коммуникативное намерение, но не включает в себя полноценные социальные отношения.

Отсюда следует следующее ограничение взаимодействия человека и автоматизированной системы: хотя пользователь может запрашивать информацию у системы, она, в отличие от человека, не обладает способностью выражать личные чувства или мнения [ср. Dürscheid, 2022. С. 17]. Если в компьютерно-опосредованной человеческой коммуникации использование специальных символов, таких как эмодзи, служит графическим способом компенсации ограничения возможности передачи невербальных сигналов, характерных для устной речи [Чухарев, 2009. С. 20], для взаимодействия с автоматизированными системами использование эмодзи не характерно, поскольку взаимодействие с автоматизированными системами не направлено на установление социальных отношений или выражение эмоций, а сконцентрировано на создании готового текста и/или на передаче информации. В этом контексте использование эмодзи не является типичной или необходимой практикой.

Кроме того, человеческой коммуникации присуще такое качество, как *свободное развитие темы*, рождающееся в активном взаимодействии партнеров по коммуникации [ср. Dürscheid, 2022. С. 17]. Коммуниканты способны органично расширять обсуждение, вносить новые идеи, развивать аспекты темы, что может указывать на их способность к адаптивности в разговоре и креативному мышлению (см. рис. 1). Напротив, взаимодействие с автоматизированными системами ограничено жесткой формальной структурой чередования вопроса и ответа (см. рис. 2).

 **You**

Как найти вещь, которая потерялась?

 **ChatGPT**

Потерянные вещи могут быть найдены, следуя нескольким шагам:

1. **Помните место последнего использования:** Попробуйте вспомнить, где и когда вы последний раз видели потерянную вещь. Это может помочь сузить область поиска.
2. **Пройдитесь по местам, где вы были:** Вернитесь к местам, которые вы посещали, с тем, чтобы внимательно осмотреть их. Иногда вещи могут быть упавшими или забытыми в неожиданных местах.
3. **Организируйте систематический поиск:** Разделите место поиска на сектора и исследуйте их поочередно, чтобы ничего не упустить.
4. **Спросите других:** Возможно, кто-то из ваших друзей, соседей или коллег видел вашу вещь или случайно подобрал её.
5. **Проверьте утерянные и найденные вещи:** Местные учреждения, такие как офис безопасности или утерянные и найденные отделения, могут содержать вашу вещь.
6. **Используйте технологии для поиска:** Если у вас есть доступ к GPS-трекеру или приложению

*Рис. 2. Пример взаимодействия с чат-ботом ChatGPT-3.5 на тему «потерянная вещь»*

*Fig. 2. An example of interaction with the ChatGPT-3.5 chatbot on the topic «lost item»*

Таким образом, письменное взаимодействие с автоматизированными системами можно определить как непосредственную, квазисинхронную, интерактивно-ориентированную коммуникацию, ограниченную жесткой формальной структурой чередования реплики-стимула и ответа и лишенную социальных аспектов взаимоотношений между участниками. Эта форма коммуникации обладает смешанной природой, включая черты как устной, так и письменной речи.

### 3. Диалогическое взаимодействие человека и машины

В качестве «отправной точки» анализа диалогических черт взаимодействия человека и машины возьмем каноническое определение диалога как «непосредственного обмена высказываниями между собеседниками, носящего спонтанный и ситуативный характер» [Девкин, 1981. С. 4]. Человеческому диалогу присуща intersubjectивность как «область соприкосновения между двумя субъектами, которые взаимодействуют друг с другом (эмоционально и коммуникативно), таким образом делая возможным общий опыт, коммуникативный обмен и совместное конструирование смысла» [Lück, 2019. С. 13]. Обмен смыслами в диалоге осуществляется не только коммуникативно, но и невербальными средствами (за счет характера и интенсивности движений, поз, ритма речи) и регулируется эмоциями, которые испытывают общающиеся индивиды [ср. Trevarthen, 2012. С. 84]. Оба участника коммуникации могут оказывать влияние на развитие диалога. Для обеспечения взаимопонимания в диалоге существенную роль играют процессы обратной связи, на основе которых производится коррекция информации или речевых действий [Nöth, 2012. С. 168].

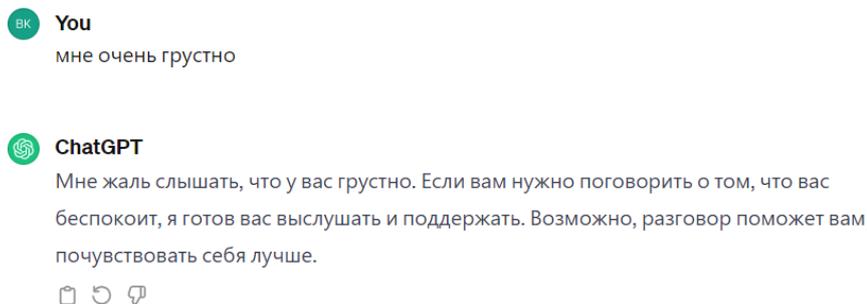
При взаимодействии с генераторами текстов, такими как ChatGPT-3.5, мы наблюдаем устно-письменную природу коммуникации. С одной стороны, письменная форма применяется для диалогического и спонтанного информационного обмена, перенося тем самым область разговорной речи с ее специфическими лингвистическими особенностями в письменную среду [ср. Weißwenger, Storrer, 2012. С. 92], что отражается в использовании пользователем эллиптических конструкций и разговорных выражений, возможном несоблюдении им правил орфографии и пунктуации или в наличии опечаток. Вместе с тем, в отличие от коммуникации в чатах или мессенджерах между людьми, где нет жестких требований к форме и структуре языка, автоматизированные системы в большинстве случаев используются для создания готового текста под конкретную задачу пользователя, так называемого «текстового продукта». Такой текст должен быть понятным, соответствовать языковым нормам и способным существовать вне текущего контекста взаимодействия [Weißwenger, 2013. С. 337]. Другими словами, это диалогическая, но текстоориентированная коммуникация.

Intersubjectивность обычно связывается с взаимодействием между субъектами, имеющими сознание или индивидуальную психологическую реальность. В коммуникации с чат-ботами можно формально выделить определенные элементы intersubjectивности в зависимости от уровня сложности и функциональности системы. Так, чат-бот ChatGPT-3.5 ограниченно принимает во внимание предыдущий информационный контекст взаимодействия с пользователем, что способствует совместному конструированию смыслов. Однако количество учитываемых знаков составляет 4096 токенов (символов), что эквивалентно порядка 500 словам<sup>9</sup>. Кроме того, чат-бот не способен учитывать ситуативный контекст. Ситуативность в коммуникации означает влияние обстоятельств, в которых происходит общение, на ход коммуникационного процесса [ср. Избаева, Кадырова, 2021. С. 148].

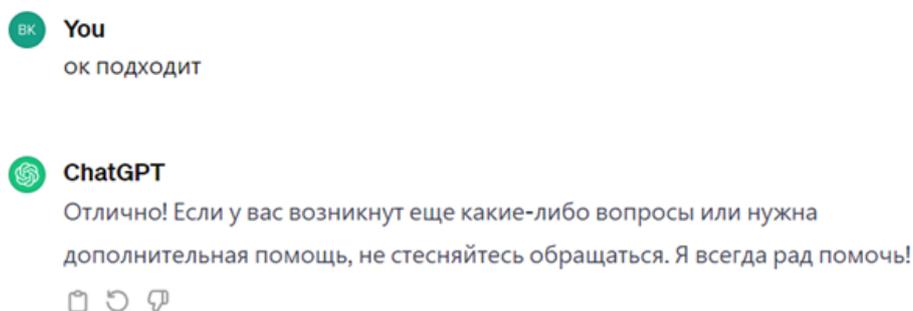
Форма и структура взаимодействия с автоматизированными системами обладает семантической и прагматической связностью коммуникативных ходов, образуя диалогическое единство. Диалогическое единство характеризуется совокупностью сменяющихся реплик, коррелирующих между собой функционально и образующих тематически взаимосвязанное целое [ср. Блох, Поляков, 1992. С. 10].

Эмоциональное взаимодействие в случае автоматизированных систем носит условный и формальный характер. Если эмотивность естественной диалогической речи отражает способность использовать язык для передачи эмоций и личного отношения к обсуждаемой теме, то модель ChatGPT-3.5 лишь конвенционально воспроизводит отдельные эмоциональные аспекты коммуникации. Например, выражает сожаление или удовлетворение (рис. 3, рис. 4):

<sup>9</sup> Данное ограничение указано в различных аналитических и научных источниках по ChatGPT-3.5, например [Helfrich-Schkarbanenko, 2023].

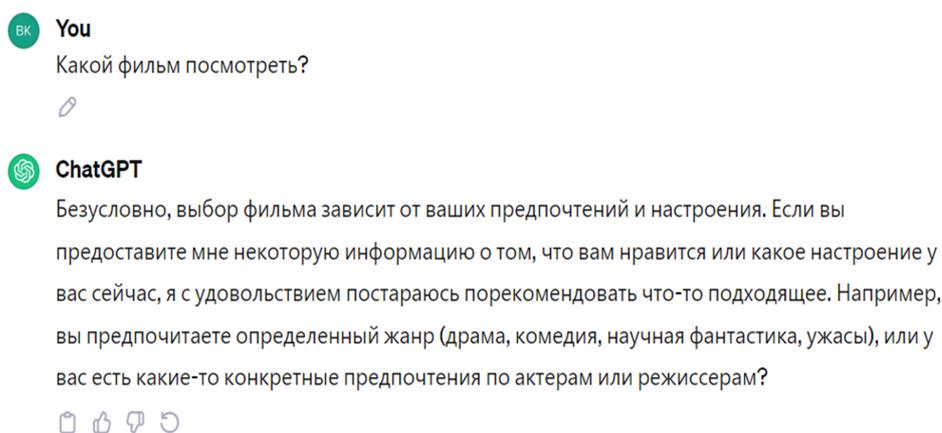


*Рис. 3. Пример выражения сожаления чат-ботом ChatGPT-3.5*  
*Fig. 3. An example of expressing regret by a chatbot ChatGPT-3.5*



*Рис. 4. Пример выражения удовлетворения чат-ботом ChatGPT-3.5*  
*Fig. 4. An example of expressing satisfaction by a chatbot ChatGPT-3.5*

Возможности чат-бота в интерпретации и передаче эмоций существенно ограничены: во-первых, он оперирует только данными, на которых был обучен и по своей природе не в состоянии пережить эмоциональный опыт. Во-вторых, его ответы соответствуют общепринятым правилам речевого этикета и выдержаны по умолчанию в нейтральном стиле. Наконец, такие аспекты невербального общения, как мимика, интонация, громкость, которые обычно используются для выражения эмоций в устной речи, невозможно отразить в письменном тексте.



*Рис. 5. ChatGPT-3.5 запрашивает дополнительную информацию у пользователя*  
*Fig. 5. ChatGPT-3.5 requests additional information from the user*

Взаимная обратная связь между человеком и автоматизированной системой зависит от функциональных возможностей последней. В случае с чат-ботом ChatGPT-3.5 пользователь может выразить свое мнение об ответе системы, используя символику: «хороший ответ» (поднятый большой палец) или «плохой ответ» (опущенный большой палец). Кроме того, пользователь может вносить корректирующие замечания по ходу коммуникации. Со своей стороны, автоматизированная система в случае нечеткости запроса может предложить уточнение или запросить дополнительные детали (рис. 5).

Таким образом, отличительной особенностью диалогового взаимодействия с автоматизированными системами служит смешанная устно-письменная природа коммуникации, обусловленная, с одной стороны, переносом ряда особенностей устной речи в письменную среду, с другой стороны, текстоориентированной направленностью такого взаимодействия. По структуре, семантической и прагматической связности реплик, возможности непосредственного и спонтанного коммуникативного акта взаимодействие с чат-ботом ChatGPT-3.5 соотносимо с диалогом. Однако при этом существенно ограничены такие значимые аспекты диалогической речи, как ситуативность и эмотивность. Допустимо сделать предположение, что конвенционализированная форма диалога позволяет пользователям взаимодействовать с чат-ботом естественным и привычным для них способом, достигая своих коммуникативных целей.

### Заключение

К письменному речевому взаимодействию с автоматизированными системами, такими как генератор текстов ChatGPT, обосновано можно применить термин «коммуникация» и считать его видом компьютерно-опосредованной интернет-коммуникации, поскольку такое взаимодействие предполагает наличие коммуникативного намерения, заключающегося в получении информации, что, в свою очередь, является отличительной чертой коммуникации как процесса передачи и восприятия информации.

Данный вид коммуникации имеет гибридный характер и сочетает в себе элементы как устной, так и письменной речи. Использование языковых элементов, характерных для устной речи, в письменном взаимодействии свидетельствуют об элементах диалогичности в данной форме коммуникации. Вместе с тем автоматизированные системы в первую очередь служат для создания информационных продуктов в виде текстов, созданных с учетом конкретных задач или потребностей пользователя. Эти текстовые продукты должны быть понятными, обладать целостностью вне контекста взаимодействия и соответствовать языковым нормам, что обуславливает ориентацию на текст как смысловую и грамматически организованную структуру.

### Список литературы

- Блох М. Я., Поляков С. М.** Строй диалогической речи: монография. М.: Прометей, 1992. 153с.
- Гусева Д. И.** «Коммуникация» и «общение»: соотношение понятий // Вестник науки и образования. 2019. № 20-2 (74). С. 84–87.
- Девкин В. Д.** Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской: Для ин-тов и факультетов иностранных языков: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1981. 160 с.
- Избаева Н. М., Кадырова Г. С.** Диалог как форма проявления языка и речи: свойства и структура // Вестник магистратуры. 2021. № 5-6 (116). С. 147–149.
- Ларина О. В.** Имплицитная темпоральность с позиции теории релевантности // Филологические науки в МГИМО. 2023. Т. 9, №. 4. С. 42– 54. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-42-54>
- Мартынова Н. А.** Межкультурная коммуникация как особый вид общения // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). С. 148–151.

- Морозов В. Э.** Общение в чате как вид дискурса // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования. 2023. С. 207–219.
- Прошина М. В.** Современные методы обработки естественного языка: нейронные сети // Экономика строительства. 2022. № 5. С. 27–42.
- Чухарев Е. М.** Лингвостатистические корреляты спонтанности в компьютерно-опосредованном дискурсе (на материале русскоязычного чата): автореф. ... дис. канд. филол. наук, СПб., 2009. 23 с.
- Abbas A. M., Mahmood L. A.** A Race-Based Approach to the Study of Slang Expressions in American Movies and TV Series // Diyala Journal for Human Researches, 2023. P. 541–553. URL: <http://148.72.244.84:8080/xmlui/handle/xmlui/11932> (дата обращения: 24.02.2024).
- Beißwenger M.** Internetbasierte Kommunikation als Textformen-basierte Interaktion: ein neuer Vorschlag zu einem alten Problem // Deutsch in Sozialen Medien. Interaktiv–multimodal–vielfältig. 2020. P. 291–318. <https://doi.org/10.1515/9783110679885-015>
- Beißwenger M.** Das Dortmunder Chat-Korpus // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2013. Vol. 41, № 1. P. 161–164. <https://doi.org/10.1515/zgl-2013-0009>
- Beißwenger M., Storrer, A.** Interaktionsorientiertes Schreiben und interaktive Lesespiele in der Chat-Kommunikation // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik, 2012. Vol. 168. P. 92–124. <https://doi.org/10.1007/BF03391261>
- Berendt B., Littlejohn A., Blakemore M.** AI in education: Learner choice and fundamental rights // Learning, Media and Technology. 2020. Vol. 45, № 3. P. 312–324. <https://doi.org/10.1080/17439884.2020.1786399>
- Brommer S., Dürscheid C.** Mensch. Maschine. Kommunikation. Unterschiede und Gemeinsamkeiten // Beiträge zur Medienlinguistik. Tübingen: Narr, 2021. P. 7–27. <https://doi.org/10.24053/9783823394716>
- Bussmann H.** Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner, 2002. 904 p. <https://doi.org/10.1515/infodaf-1985-125-613>
- Cambria E., White B.** Jumping NLP curves: A review of natural language processing research // IEEE Computational intelligence magazine. 2014. Vol. 9, № 2. P. 48–57. <https://doi.org/10.1109/MCI.2014.2307227>
- Dürscheid C.** Von der Schriftlichkeit zur Mündlichkeit. Kommunikation mit Menschen und Maschinen. Vortrag anlässlich der Verleihung des Konrad-Duden-Preises der Stadt Mannheim am 16.03. 2022. // Zurich Open Repository and Archive. 2023. URL: [https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/253073/1/Konrad\\_Duden\\_Preis\\_Durscheid\\_Von\\_der\\_Schriftlichkeit\\_zur\\_Mundlichkeit.pdf](https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/253073/1/Konrad_Duden_Preis_Durscheid_Von_der_Schriftlichkeit_zur_Mundlichkeit.pdf) (дата обращения: 24.02.2024).
- Garcia A., Jacobs J. B.** The interactional organization of computer mediated communication in the college classroom // Qualitative Sociology. 1998. Vol. 21. P. 299–317. <https://doi.org/10.1023/A:1022146620473>
- Helfrich-Schkarbanenko A.** Erstellen eines Vorlesungsskripts: Mathematik und ChatGPT: Ein Rendezvous am Fuße der technologischen Singularität. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2023. 304 p.
- Hepp, A., Loosen, W., Dreyer, S. et al.** Von der Mensch-Maschine-Interaktion zur kommunikativen KI // Publizistik. 2022. Vol. 67, № 4. P. 449–474. <https://doi.org/10.1007/s11616-022-00758-4>
- Lotze N.** Chatbots: eine linguistische Analyse. Peter Lang International Academic Publishers, 2016. 443 p. <https://doi.org/10.3726/b10402>
- Lück S.** Das Zwischen im Dialog. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2019. 197 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25833-7>
- Momand B., Dubrowski A.** Addressing Social Context in Health Provider and Senior Communication Training: What Can We Learn From Communication Accommodation Theory? // Cureus. 2020. Vol. 12, № 12. <https://doi.org/10.7759/cureus.12247>

- Nöth W.** Zeichen und Semiose. / Braun O. [et al.] Sprache und Kommunikation. Behinderung, Bildung, Partizipation (Enzyklopädisches Handbuch der Behindertenpädagogik). Stuttgart: Kohlhammer, 2012. Vol. 8. P. 161–176.
- Picot, A., Reichwald, R., Wigand, R.T., Möslin, K.M., Neuburger, R., Neyer, A.K.** Basic Models of Human Information and Communication Behavior // *The Boundaryless Enterprise: Information, Organization & Leadership*. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2023. P. 37–69. [https://doi.org/10.1007/978-3-658-40054-5\\_3](https://doi.org/10.1007/978-3-658-40054-5_3)
- Rusu M.** Aspects of interpersonal communication—the exchange of communicative intentions // *Review of Artistic Education*. 2023. № 26. P. 220–228.
- Schönbächler E., Himpl-Gutermann K., Strasser T.** (2023). Vom Chat zum Check. Informationskompetenz mit ChatGPT steigern // *Medienimpulse*. 2023. Vol. 61, № 1. 51 p. <https://doi.org/10.21243/mi-01-23-18>
- Smutny P., Schreiberova P.** Chatbots for learning: A review of educational chatbots for the Facebook Messenger // *Computers & Education*. 2020. Vol. 151. № 103862. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103862>
- Storrer A.** Sprachverfall durch internetbasierte Kommunikation?: Linguistische Erklärungsansätze – empirische Befunde // *Sprachverfall?: Dynamik–Wandel–Variation*. 2014. P. 171–196. <https://doi.org/10.1515/9783110343007.171>
- Sumipo J. M.** He’s a man and she’s a woman: A Conversation Analysis on Linguistic Gender differences // *International Journal of English Literature and Social Sciences (IJELS)*. 2020. Vol. 5. № 2. P. 441– 450. <https://doi.org/10.22161/ijels.52.19>
- Trevarthen C.** Intersubjektivität und Kommunikation / Braun O. [et al.] Sprache und Kommunikation. Behinderung, Bildung, Partizipation (Enzyklopädisches Handbuch der Behindertenpädagogik). Stuttgart: Kohlhammer, 2012. Vol. 8. P. 82–160.
- Wienrich C., Döllinger N., Hein R.** Behavioral framework of immersive technologies (BehaveFIT): How and why virtual reality can support behavioral change processes // *Frontiers in Virtual Reality*. 2021. Vol. 2, № 627194. <https://doi.org/10.3389/frvir.2021.627194>
- Zitzen M., Stein D.** Chat and conversation: a case of transmedial stability? *Linguistics*. 2004. Vol. 42, № 5. P. 983–1021. <https://doi.org/10.1515/ling.2004.0352004>

## References

- Abbas A. M., Mahmood L. A.** A Race-Based Approach to the Study of Slang Expressions in American Movies and TV Series. *Diyala Journal for Human Researches*, 2023, pp. 541–553. Available at: <http://148.72.244.84:8080/xmlui/handle/xmlui/11932> (accessed Februar 24, 2024).
- Beißwenger, M.** Internetbasierte Kommunikation als Textformen-basierte Interaktion: ein neuer Vorschlag zu einem alten Problem. *Deutsch in Sozialen Medien. Interaktiv–multimodal–vielfältig*. de Gruyter, 2020, pp. 291–318. <https://doi.org/10.1515/9783110679885-015>
- Beißwenger M.** Das Dortmunder Chat-Korpus Zeitschrift für germanistische Linguistik, 2013, vol. 41, no. 1. pp. 161–164. <https://doi.org/10.1515/zgl-2013-0009>
- Beißwenger M., Storrer, A.** Interaktionsorientiertes Schreiben und interaktive Lesespiele in der Chat-Kommunikation. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 2012, vol. 168, pp. 92–124. <https://doi.org/10.1007/BF03391261>
- Berendt B., Littlejohn A., Blakemore M.** AI in education: Learner choice and fundamental rights. *Learning, Media and Technology*, 2020, vol. 45, no. 3, pp. 312–324. <https://doi.org/10.1080/17439884.2020.1786399>
- Bloh M.Ya., Polyakov S. M.** Stroy dialogicheskoy rechi: monografiya [The structure of dialogical speech: monograph]. Moscow, Prometei publ., 1992, 153 p. (in Russ.).

- Brommer S., Dürscheid C.** Mensch. Maschine. Kommunikation. Unterschiede und Gemeinsamkeiten. Beiträge zur Medienlinguistik. Tübingen, Narr, 2021, pp. 7–27. <https://doi.org/10.24053/9783823394716>
- Bussmann H.** Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, Kröner, 2002, 904 p. <https://doi.org/10.1515/infodaf-1985-125-613>
- Cambria E., White B.** Jumping NLP curves: A review of natural language processing research. *IEEE Computational intelligence magazine*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 48–57. <https://doi.org/10.1109/MCI.2014.2307227>
- CHuharev, E. M.** Lingvostatisticheskie korrelyaty spontannosti v komp'yuterno-oposredovannom diskurse (na materiale russkoyazychnogo chata) [Linguistic and statistical correlates of spontaneity in computer-mediated discourse (based on Russian-language chat) Cand. philol. sci. thesis diss]. St. Petersburg, 2009, 23 p. (in Russ.).
- Devkin V. D.** Dialog. Nemeckaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoj: Dlya in-tov i fakul'tetov inostrannyh yazykov [Dialogue. German colloquial speech in comparison with Russian: For institutes and departments of foreign languages: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1981, 160 p. (in Russ.).
- Dürscheid C.** Von der Schriftlichkeit zur Mündlichkeit. Kommunikation mit Menschen und Maschinen. Vortrag anlässlich der Verleihung des Konrad-Duden-Preises der Stadt Mannheim am 16.03. 2022. Zurich Open Repository and Archive, 2023. Available at: [https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/253073/1/Konrad\\_Duden\\_Preis\\_Dürscheid\\_Von\\_der\\_Schriftlichkeit\\_zur\\_Mündlichkeit.pdf](https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/253073/1/Konrad_Duden_Preis_Dürscheid_Von_der_Schriftlichkeit_zur_Mündlichkeit.pdf) (accessed: 24.02. 2024).
- Garcia A., Jacobs J. B.** The interactional organization of computer mediated communication in the college classroom. *Qualitative Sociology*, 1998, vol. 21, pp. 299–317. <https://doi.org/10.1023/A:1022146620473>
- Guseva D. I.** “Kommunikatsiya” i “Obshchenie”: sootnoshenie ponyatiy [Communication and Interaction: the relationship of concepts]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 20-2 (74), pp. 84–87 (in Russ.).
- Helfrich-Schkarbanenko A.** Erstellen eines Vorlesungsskripts. Mathematik und ChatGPT: Ein Rendezvous am Fuße der technologischen Singularität. Berlin, Heidelberg, Springer Berlin Heidelberg, 2023, 304 p.
- Hepp A., Loosen W., Dreyer S. et al.** Von der Mensch-Maschine-Interaktion zur kommunikativen KI. *Publizistik*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 449–474. <https://doi.org/10.1007/s11616-022-00758-4>
- Izbaeva N. M., Kadyrova G. S.** Dialog kak forma proyavleniya yazyka i rechi: svoystva i struktura [Dialogue as a form of manifestation of language and speech: properties and structure]. *Vestnik magistratury*, 2021, no. 5-6 (116), pp. 147–149 (in Russ.).
- Larina O. V.** Implicitnaya temporal'nost' s pozicii teorii relevantnosti [Implicit temporality from the perspective of relevance theory]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 42–54 (in Russ.) <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-42-54>
- Lotze N.** Chatbots: eine linguistische Analyse. Peter Lang International Academic Publishers, 2016. 443 p. <https://doi.org/10.3726/b10402>
- Lück S.** Das Zwischen im Dialog. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 2019, 197 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25833-7>
- Martynova N. A.** Mezhekul'turnaya kommunikatsiya kak osobyj vid obshcheniya [Intercultural communication as a special type of communication]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2007, no. 2 (54), pp. 148–151 (in Russ.).
- Momand B., Dubrowski A.** Addressing Social Context in Health Provider and Senior Communication Training: What Can We Learn From Communication Accommodation Theory? *Cureus*, 2020, vol. 12, no. 12. <https://doi.org/10.7759/cureus.12247>

- Morozov V. E.** Obshchenie v chate kak vid diskursa [Chatting as a type of discourse]. *Slovo. Tekst. Istochnik: Metodologiya sovremennogo gumanitarnogo issledovaniya*, 2023, pp. 207–219 (in Russ.).
- Nöth W.** Zeichen und Semiose. In: Braun O. et al. *Sprache und Kommunikation. Behinderung, Bildung, Partizipation (Enzyklopädisches Handbuch der Behindertenpädagogik)*. Stuttgart, Kohlhammer, 2012, vol. 8, pp. 161–176.
- Picot A. et al.** Basic Models of Human Information and Communication Behavior. *The Boundaryless Enterprise: Information, Organization & Leadership*. Wiesbaden, Springer Fachmedien Wiesbaden, 2023, pp. 37–69. <https://doi.org/10.22161/ijels.52.19>
- Proshina M. V.** Sovremennye metody obrabotki estestvennogo yazyka: neyronnye seti [Modern methods of natural language processing: neural networks]. *Ekonomika stroitel'stva*, 2022, no. 5, pp. 27–42 (in Russ.).
- Rusu M.** Aspects of interpersonal communication—the exchange of communicative intentions. *Review of Artistic Education*, 2023, no. 26, pp. 220–228.
- Schönbächler E., Himpl-Gutermann K., Strasser T.** Vom Chat zum Check. Informationskompetenz mit ChatGPT steigern. *Medienimpulse*, 2023, vol. 61, no. 1, 51 p. <https://doi.org/10.21243/mi-01-23-18>
- Smutny P., Schreiberova P.** Chatbots for learning: A review of educational chatbots for the Facebook Messenger. *Computers & Education*, 2020, vol. 151, no. 103862. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103862>
- Storrer A.** Sprachverfall durch internetbasierte Kommunikation?: Linguistische Erklärungsansätze – empirische Befunde Sprachverfall?: Dynamik–Wandel–Variation, 2014, pp. 171–196. <https://doi.org/10.1515/9783110343007.171>
- Sumipo J. M.** He's a man and she's a woman: A Conversation Analysis on Linguistic Gender differences. *International Journal of English Literature and Social Sciences (IJELS)*, 2020, vol. 5, no. 2. <https://doi.org/10.22161/ijels.52.19>
- Trevarthen C.** Intersubjektivität und Kommunikation. In: Braun O. [et al.] *Sprache und Kommunikation. Behinderung, Bildung, Partizipation (Enzyklopädisches Handbuch der Behindertenpädagogik)*. Stuttgart, Kohlhammer, 2012, vol. 8, pp. 82–160.
- Wienrich C., Döllinger N., Hein R.** Behavioral framework of immersive technologies (BehaveFIT): How and why virtual reality can support behavioral change processes. *Frontiers in Virtual Reality*, 2021, vol. 2, no. 627194. <https://doi.org/10.3389/frvir.2021.627194>
- Zitzen M., Stein D.** Chat and conversation: a case of transmedial stability? *Linguistics*, 2004, vol. 42, no. 5, pp. 983–1021. <https://doi.org/10.1515/ling.2004.035>

### Информация об авторе

**Петрова Мария Владимировна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры медиалингвистики факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

### Information about the Author

**Maria V. Petrova**, Candidate of Sciences (Philology), Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;  
одобрена после рецензирования 04.07.2024; принята к публикации 12.07.2024*

*The article was submitted 01.03.2024;  
approved after reviewing 04.07.2024; accepted for publication 12.07.2024*

Научная статья

УДК 811.512.151

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-19-32

## Зоонимы, обозначающие семейство беличьих, в алтайском языке

Надежда Романовна Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет

Горно-Алтайск, Россия

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

### Аннотация

Цель статьи – выявление этнокультурной семантики зоонимов, обозначающих представителей семейства беличьих, в алтайском языке. В анализе лексических единиц применялись сравнительно-сопоставительный метод, а также методики семантического, компонентного и контекстуального анализа. Материал для анализа зоонимов извлекался из словарей, фольклорных, художественных текстов, а также из речи носителей алтайского языка. Новизна исследования заключается в рассмотрении семантических и мотивировочных признаков зоолексем, обозначающих представителей семейства беличьих, а также в выявлении принципов их номинаций.

Метафоры и метонимии, связанные с беличьими, возникли в охотничьем лексиконе для косвенной номинации животных на основе определенных денотативных признаков их внешности и стереотипов поведения, местообитания, а также на основе метафоризации и коннотации. Одним из способов репрезентации зоонимов является образная номинация животных по звукам, издаваемым ими. Для номинации животных используются эвфемизмы, звукоподражательные глаголы и междометия. Другим способом номинации животных является их наименование по окрасу, обладающее метафорической образностью и эмоциональной оценочностью. Метафорическое отождествление животных из семейства беличьих с другими представителями животного мира придает яркую образность этим эвфемизмам.

В контексте антропоцентризма языка в функционировании зоонимов-беличьих наблюдается, с одной стороны, явная зооморфизация человека, с другой – антропоморфизация и мифологизация животных. При антропоморфизации образа животного перенос происходит на основе семантических признаков – морально-этических, эмоционально-психических, социальных: «жадный» (о бурундуке), «обидчивый» и «хитрый» (о суслике). Социальные метафоры возникли на основе отождествления белки с «собирателем дани», сурка с «хозяином» степи, имеющим «слуг».

При зооморфизации перенос признаков животного на человека основывается на оценке его морально-этических, физических и интеллектуальных качеств. Метафорические номинации белки и суслика обозначают быстрого, шустрого, трудолюбивого человека, метафорические номинации сурка – ленивого. Образу суслика уподобляется хитрый, глупый, вороватый человек, захватывающий чужое; образу бурундука – жадный, а также наивный, доверчивый человек; с бобротом отождествляется мудрец, уважаемый старец.

Можно сделать вывод, что зоонимы, обозначающие отдельные виды семейства беличьих, широко представлены в алтайском языке, о чем свидетельствуют материалы различных текстов. Они образуют особое лексико-семантическое пространство и составляют важный фрагмент языковой картины мира алтайцев со всей совокупностью приобретенных ими ассоциаций и оценочных коннотаций.

### Ключевые слова

алтайский язык, зооним, зооморфизм, денотативное и коннотативное значения, семантический признак, языковая картина мира, лингвокультурология, метафора

### Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда по проекту № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая».

© Ойноткинова Н. Р., 2025

*Для цитирования*

Ойноткинова Н. Р. Зоонимы, обозначающие семейство беличьих, в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 19–32. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-19-32

## Zoonyms Denoting the Squirrel Family in the Altai Language

Nadezhda R. Oinotkinova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai,  
Russian Federation

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

*Abstract*

The purpose of this article is to identify ethnocultural semantics of zoonyms denoting species of the squirrel family in the Altai language. In the analysis of lexical units, a comparative method was used, as well as methods of semantic, component and contextual analyses. The material for the analysis of zoonyms was extracted from dictionaries, folklore, literary texts, as well as from the Altai native speakers' discourse. The novelty of the study lies in the consideration of the semantic and motivational features of zoolexemes denoting the squirrel family species as well as in identifying principles of their nomination.

Metaphors and metonyms associated with squirrels appeared in the hunting lexicon on the basis of certain denotative signs of their look and behaviour stereotypes, habitat, as well as on the basis of metaphorization and connotation. One of the ways of representing zoonyms is figurative characterization of animals by the sounds they make. Euphemisms, onomatopoeic verbs and interjections are used to nominate the animals. Another way to nominate animals is their color designation, which has metaphorical figurativeness and emotional evaluation. Metaphorical identification of the squirrel family animals with other animals gives vivid imagery to these euphemisms.

In view of anthropocentric nature of language, squirrel zoonyms functioning, shows a clear zoomorphization of a person on the one hand, and anthropomorphization and mythologization of animals, on the other. When anthropomorphizing the image of an animal, transference occurs on the basis of semantic features – moral, ethical, emotional, mental, social: “greedy” (about a chipmunk), “touchy” and “cunning” (about a gopher). Social metaphors are based on the identification of a squirrel with a “collector of tribute”, a marmot with a “master” of the steppe, who has “servants”. In zoomorphization, transference of animal traits to humans is based on an assessment of their moral, ethical, physical, and intellectual qualities. Metaphorically, a squirrel and a ground squirrel both mean a fast, nimble, hardworking person, a marmot describes someone lazy. The image of a gopher is likened to a cunning, stupid, thieving person, capturing someone else's; the image of a chipmunk is that of a greedy, naive, and gullible person; a sage, a respected elder, is identified with the beaver.

To conclude, animal names denoting species of the squirrel family are widely represented in the Altai language, as a variety of texts shows. They make up a special lexico-semantic field and are a significant fragment of the Altai world view with a large number of associations and evaluative connotations they acquired in the process of their functioning.

*Keywords*

Altai language, zoonym, zoomorphism, denotative and connotative meanings, semantic feature, language world view, cultural linguistics, metaphor

*Funding*

The study was carried out under the project of the Russian Science Foundation, No. 23-28-10028 “Language world view of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna”.

*For citation*

Oinotkinova N. R. Zoonyms denoting squirrel-like rodents in the Altaic language world view. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 19–32. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-19-32

### Введение

Наименования животных в языке отражают специфику национальных представлений об окружающем мире и человеке. Цель данной статьи – выявить этнокультурную семантику

зоонимов, входящих в лексико-семантическую группу беличьих в алтайской языковой картине мира. В отечественной лингвистике проблема языковой картины мира рассматривалась такими лингвистами, как Ю. Н. Караулов, С. А. Васильев, Г. В. Колшанский, Е. С. Яковлева, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, А. Вежицкая, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Е. С. Кубрякова и др. В их трудах отмечается, что языковая картина мира обусловлена этническим языком и репрезентирована в нем, поэтому она не имеет глобального характера, хотя общечеловеческие элементы, безусловно, в ней присутствуют. Актуальность темы и цели нашего исследования определяются ее недостаточной разработанностью в языкознании, а также отсутствием исследовательских работ по комплексному изучению зоонимической лексики алтайского языка, отражающей языковую картину мира этноса. Изучение национально-культурных особенностей этих языковых единиц является значимым для понимания универсальности или специфичности языковых картин мира.

В работе применялся сравнительно-сопоставительный метод, а также методики семантического, контекстуального и компонентного анализа. Провести семантический анализ алтайских зоонимов означает определить элементарные смыслы, денотативные и коннотативные признаки лексем, выявить закономерности их сочетания в семантической структуре зоонима. В лингвистике при иерархическом подходе к лексическому значению слова, принятом в семиологии, выделяются макрокомпоненты – крупные лексические блоки, которые определяют семантику слова: денотативный и коннотативный. «Денотативный макрокомпонент, основной для большинства слов, представляет собой предметно-понятийную или чисто понятийную информацию, связанную с отражением внеязыковой действительности, объективной или субъективной. Коннотативный макрокомпонент выражает отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата» [Стернин, 1985. С. 34].

Зооморфизмы, переносные наименования животных, относятся к эмоционально-оценочной лексике языка, поскольку с помощью них выражается эмоциональная оценка говорящих к предмету речи. Семантика некоторых зооморфизмов (*такаа* ‘курица’, *пѳтѳк* ‘петух’, *бѳрѳ* ‘волк’, *айу* ‘медведь’) в алтайской лингвокультуре рассмотрена в статьях Л. Н. Тыбыковой [Тыбыкова, 2006, 2008, 2022]. Коннотативный компонент значения слова связан со своеобразием национального языкового сознания, он может не совпадать с семантической структурой слов в других языках.

Изучая структуру лексического значения слова, мы также рассматриваем принципы номинации. Номинация – это процесс обозначения языковыми номинативными единицами предметов или явлений действительности (денотатов). В основе наименования денотата лежит определенный мотивировочный признак предмета. По мнению В. Г. Гака, «любой предмет, как известно, характеризуется множеством признаков, свойств, отношений... Беря за основу наименования разные признаки, можно для одного и того же класса предметов образовать различные наименования» [Гак, 1972. С. 17]. «Принцип номинации – это исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых именовании... Так, например, на основе обобщения мотивировочных признаков формируется принцип номинации» [Блинова, 1972. С. 99]. Принцип номинации – это обобщение, типизация конкретных мотивировочных признаков номинации.

Материалом нашего исследования послужили опубликованные фольклорные и художественные тексты, а также фразы из разговорной речи, записанные во время полевых исследований в районы Республики Алтай. При выяснении лексических значений зоонимов в алтайском языке мы опирались на различные словари, грамматики и труды исследователей. В тюркологии одной из важных является статья А. М. Щербак «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [Щербак, 1961], в которой даны этимологические и сравнительно-сопоставительные сведения о наименованиях животных. Названия животных наряду с другими лек-

сико-семантическими группами в целях реконструкции лексики для пратюркского состояния представлены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [СИГТЯ, 2001].

### Исследование

В алтайском языке белкообразные грызуны обозначаются лексемами *тийин* ‘белка’, *өркө* ‘суслик’, *тарбаган* ‘сурок’, *көрүк* ‘бурундук’, *бабырган/багырган* ‘белка-летяга’, *кумдус* ‘бобёр’. Существующие отыменные глаголы *тийинде* = ‘охотиться на белку’, *өркөлө* ‘охотиться на суслика’, *тарбаганда* = ‘охотиться на сурка’ указывают на то, что эти звери являлись объектами охоты. Охотничий промысел в прошлом занимал значимое место в традиционной культуре алтайцев. Многие поведенческие установки и правила во время охоты восходят к мифу о том, что в горах хозяевами являются духи, поэтому все живое принадлежит им, следовательно, результат охоты зависит от расположения духов-хозяев. Для того чтобы охота прошла удачно, совершались определенные ритуалы задабривания духов-хозяев. Кроме того, охотники соблюдали определенные правила поведения: не сжигали шерсть и шкуру добытых животных, не выбрасывали их кости, закапывали останки в землю или прятали в дупло дерева. По представлениям алтайцев, многие животные слышат и понимают человеческую речь, поэтому их называли иносказательными именами и соблюдали определенные речевые и поведенческие ограничения – табу.

**Тийин** [tiyij] – ‘белка’ (лат. *Sciurus*). Лексема относится к общетюркскому пласту лексики – \*deqij [СИГТЯ, 2001. С. 164–165]. Диалектные варианты лексемы в алтайском языке: алт., теленг., телеут. *тийин* [АРС, 2018. С. 675], чалк. *тийын/тийин* [Кандаракова, 2007. С. 28], туб. *тыйин* [РТС, 2019. С. 11], кум. *тийиң, сакыл* [РКС, 2021. С. 21].

Мотивировочные признаки «строение тела» и «окрас», выделенные в метонимиях, обозначающих белку, отражают денотативные признаки образно-лексических единиц: *чырбак/чырбык/шарбак* ‘растопыра, с торчащими ребрами’ (ср. *шарбак кабыргалу мал* ‘животное с торчащими ребрами’; тув. *сырбак* ‘белка-самец’), *сөök баш* ‘костлявая голова’ [Яимова, 1990. С. 112]. На основе метафоры *чырбык* ‘белка’ произошли мужское имя Чырбык и фамилия Чырбыков. Острые когти на длинных задних ногах позволяют белке легко перемещаться, прыгать и цепляться за дерево: *Кырга чыкса, кыйбадак, / Төрт таманы тайбадак (Тийин)*. ‘Побежит вверх – цепкие ноги, / Четыре лапки растопыренные’ (Белка). В кумандинской загадке белку называют *майрач* ‘кривоногий’: *Тегриден түшкен төрт майрач (Тийин)*. ‘С неба прыгнуло четверо кривоногих’ (Белка) [АЗ, 1981. С. 160].

Метафора *эрмен* ‘красивый, красавец’ (о белке) содержит в себе эстетическую оценку и определяется как единица, относящаяся к экспрессивно-оценочной лексике. Другое метафорическое название белки – *сакыл* ‘(рыжая) лиса’. В его основе лежит перенос названия с одного животного на другое по мотивировочному признаку «рыжий», поскольку этот зверек, как и лиса, может обретать рыжеватый окрас меха (ср. эвенк. *сахел, сахил* ‘лиса’, як. *сахыл* ‘лиса’, *сахыл* ‘рыжеватый, как лиса’ [Яимова, 1990. С. 112]. Метафорический перенос наименования животного и его признака на другое животное является одним из средств образной номинации.

На белок охотятся в основном осенью. Белке с белым окрасом (*ак тийин*) приписывается положительная оценка, так как ее шкурка использовалась в качестве талисмана удачи [ПИМА 5]. В прошлом беличьими шкурками платили подать, поэтому в языке появились социальные метафоры: *салык* ‘подать’, ‘налог’, ‘дань’, *темичи* ‘собиратель дани’. Метафорический перенос наименования, обозначающего социальную роль человека, на животное основан на антропоморфизации животного-зоонима: *Сыргактын бажында сыдыр темичи отуры (Тийин)*. ‘На вершине сухого дерева сидит Сыдыр, собиратель дани’ (Белка) [АЗ, 1981. С. 43].

При зооморфизации образ белки используется для метафорической номинации человека. В ходе полевого опроса было установлено, что в основе метафоры *тийинг* ‘белка’ (о человеке) лежат семантические признаки *капиуун* ‘быстрый’, *јенгил* ‘легкий (на подъем)’, *чекчил* ‘прыткий’: *Тийиндий чекчил болзын, агаи-ташты кырлып јүретен* [ПМА 1]. ‘Пусть будет как белка прытким, лазающим по деревьям’. *Агашка чыгала, кузуктаган уулдарды тийинг деп айдарга јараар* [ПМА 1, 5]. ‘Мальчиков, которые, поднявшись на дерево, спускают кедровые шишки, можно называть белками’. В сравнении *Тийиндий иштенкей бол* ‘Будь как белка работающим’ [ПМА 3] белка характеризуется как «работающее», «шустрое» животное. Мотивировочным признаком метафорического переноса стал признак «действие».

При определении возраста людей белке уподобляется молодой человек, т. е. выделяются семантические признаки «молодой», «быстрый»: *Он – ийт, јирме – тийинг, одус – бөрү, төртөн – төө* ‘Десять – собака, двадцать – белка, тридцать – волк, сорок – верблюд’ [ПМА 1]. С волком сравнивается тридцатилетний (т. е. человек, набравшийся жизненного опыта), с верблюдом – сорокалетний (т. е. трудолюбивый).

Словообразовательный потенциал у зоонима *тийинг* ‘белка’ невелик: на его основе в языке образовано наименование ягоды *тийинггат* ‘брусника’ [АРС, 2018. С. 675].

**Өркө** [örkō] – ‘суслик’ (лат. *Spermophilus*), алт. *өркө*, тув. *өркэ*, хак. *өркэ – өркээ*, якут. *өркө*. Слово распространено в сибирских тюркских и некоторых угорских языках (ср. венг. *ürge*) [Щербак, 1961. С. 148]. По мнению А. М. Щербака, слово *örgä* происходит от тюркского глагола *үрк-*, *хүрк-* ‘быть боязливым’, ‘пугаться’ (монг. письм. *ürgü-, hürgü-*); ср. узб. *хурк-*, *хуркi* [Там же. С. 148]. Фонетические варианты слова в алтайском языке: алт., теленг. *өркө* [АРС, 2018. С. 530], туб. *өрке* [РТС, 2019. С. 325]. Детеныша суслика, впервые вышедшего на свет из норы, называют *сокса*.

Существуют диалектные названия суслика: *јумуран/јумран, јокулдай, чыбырган* [Яимова, 1990. С. 113]. В русском языке слово *емуран, емуранка* заимствовано из тюркских языков: тат. *jömrän*, башк. *jätgran* ‘суслик’, теленг. *jumran* – ‘маленькое животное, обитающее в степи’, чаг. *jumran* ‘крыса’, узб. *jumrān* ‘суслик’ < тюрк. \**jumran* [Аникин, 2000. С. 199]. Иносказание *јумуран* употребляется в речи алтайцев Шебалинского района [ПМА 1, 2, 4]. Суслика также называют именем другого зверька – *јыду ас* ‘вонючий зверь (букв. горностай)’ [РКС, 2021. С. 437].

Отметим, что на суслика охотились часто. О пользе этого животного повествуется в произведениях многих алтайских писателей, поскольку благодаря ему в годы войны люди смогли выжить, питаясь мясом зверька. Большим счастьем для охотника считалось добыть яйцеобразный безоар суслика, из которого делался амулет. Существовало поверье о том, что человек, нашедший такой камень, станет удачливым [Каинчин, 1984. С. 58].

Одним из средств номинации суслика является описание животного по издаваемым им звукам. Денотативные признаки зоонима выражены звукоподражательными глаголами и междометиями: *чаттылдаиш* = ‘кричать, издавать звуки’ в форме совместного залога, «*сойт/кейт/чыт*» *эт* = ‘издавать звуки «сойт/кейт»’: *Ондо-мында корымдар содойыжат, борјон-кујурлар агарыжат, тейлеген айланыжат, өркөлөр чаттылдажат* [Каинчин, 1984. С. 94]. ‘Там-тут скалы виднеются, солончаки белеют, коршун кружит, суслики кричат»; *Содон, содон «сойт» эдет, / Кедес, кедес «кейт» эдет, / Бир көрзө, отурат, / Бирде дезе «чыт» эдет (Өркө)*. ‘Вытянувшись вверх, издает звук «сойт», / Оглядываясь по сторонам, издает звук «кейт». Раз посмотришь – сидит, / Второй раз глянешь – его уже нет’ (Суслик).

Следующие примеры иллюстрируют коннотативные значения лексем. При номинации зоонима по цветовому признаку характеризуется окрас животного. Так, окрас бурундука летом желтый, светло-оранжевый, поэтому алтайцы образно-метафорически называют его *кула тай* ‘саврасый жеребец’, т. е. светло-гнедой, красновато-рыжий жеребец: *Кула тайыс култус этти, / Куйругынын бажы сырас этти (Өркө)*. ‘Саврасый жеребчик вдруг исчез, / Лишь кончик хвоста мелькнул (Суслик)’ [АЗ, 1981. С. 47].

Зоониму *өркө* ‘суслик’ приписываются коннотативно-оценочные признаки *сүмелү* ‘хитрый’ и *аамай* ‘глупый’, характеризующие интеллектуальные качества человека: *Кезикте жан-жангы каскан уйдада, өркөлөр жок болотон эмей. Кезик жоон өркөлөр өнөтийин сүрекей жаман ичегенде жадар. ...Сен сүмелү болзон, мен де сүмелү деп айдар керек* [Каинчин, 1984. С. 57]. ‘Иногда в только что вырытых норах сусликов не бывает ведь. Иногда крупные суслики нарочно лежат в очень плохих норах. ...Если ты хитрый, то и я хитер, так говорится’.

Метафорическое выражение *аамай соксо* ‘глупый детеныш суслика’ [ПИМА 3] употребляется по отношению к человеческому дитя. В аллегорическом рассказе «Суслик» (Өркө) Л. В. Кокышева [ЧЧ, 2021. С. 13–16] метафора *өркө* ‘суслик’ используется для иносказательной характеристики вора, который берет то, что принадлежит обществу. Отождествление человека с этим зверьком объясняется тем, что животное, делая запасы на зиму, перетаскивает зерно с полей к себе в норку.

Зооним *өркө* ‘суслик’ участвует в словообразовании некоторых топонимов и названий растений, что указывает на его участие в вегетативном коде языка. Так образованы наименования многолетних растений: *өркө-мангыр* ‘лук-слизун’, *өркө-үркене* ‘змеевик живородящий’, *өркөлөн-чечек* ‘касатик низкий’ [АРС, 2018. С. 530]. Путем сочетания существительного *өркө* ‘суслик’ с аффиксом обладания *-лу* и апеллятивов *төн* ‘холм’ и *кобы* ‘лог, ложбина’ образованы топонимы *Өркөлү-Төн* ‘Холм, где обитают суслики’, *Өркөлү Ак* ‘Поляна с сусликами’ [ПИМА 3 – Торусев], *Өркөлү-Кобы* (Ёркёлю-Кобы) (букв. ‘лог с сусликами’) [ТРА, 2022. С. 108]. Эти оронимы образованы на основе мотивировочного признака местонахождения животных в определенном локусе.

**Тарбаган** [tarbagan] – ‘сурок’ (лат. *Marmota*). Фонетические варианты: алт., теленг., телеут. *тарбаган/тарбаан* [АРС, 2018. С. 654]; кум., туб. *тарбаан*, чал. *тарваан* [РТС. С. 325; РКС. С. 437]. Слово считается заимствованным из монгольского: < монг. *tarbayan* [Рассадин, 2019. С. 158]. В Усть-Канском районе детеныша сурка называют *бардан* [ПИМА 3], в Кош-Агачском районе – *мөндөлө* (заим.), ср. тув. *мөнделе* ‘детёныш сурка’ [ТРС, 1968. С. 301], *möndül* (\**möndü-l?*) халх. *мөндөл* ‘детёныш тарбагана’ (сурка) [ЭСМЯ, 2016. С. 177].

Эвфемизмы выражают внешние денотативные значения, характерные для зоонима: *чумаш/шумаш*; *кылчыр* ‘косой’, *тырмакту кой* ‘когтистая овца’ [Яимова, 1990. С. 112–113]. Метафора *тырмакту кой* ‘когтистая овца’ появилась на основе сходства строения тела сурка и овцы, а метафора *кара кас* ‘черный гусь’ – на основе того, что сурки живут семьями, данный признак позволяет уподоблять их стае гусей: туб. *Кара кас кангырап ийди, / Палдары жунап келди (Тарбаган)*. ‘Черный гусь крикнул, / Гусята его собрались (Сурок)’ [АЗ, 1981. С. 145]. У сурков окраска меха серовато-палевая, с желтым оттенком. За счет коричневатых окончаний остевых волос общий окрас может выглядеть слегка коричневатым или буроватым.

Охотничье иносказание сурка *анкыйт/танкыйт* (от звукоподражательных глаголов *танкылда* = // *түнкүлде* ‘стучать’) возникло на основе звука, издаваемого этим животным: *Жердин алдында неме түнкүлдейт (Тарбаган)*. ‘Из-под земли слышен чей-то глухой стук (Сурок)’ [АЗ, 1981. С. 43]; *Чөлдин ээзи – тарбаган. Отура түжүп сыгырап, Жууктап келген, жажынар* [КТ, АЖА. С. 14]. ‘Хозяин степи – сурок. / Присев, свистит, / Приблизись, спрячется’. Глаголы *түнкүлде* = ‘стучать’ и *сыгыр* = ‘свистеть’ также указывают на мотивировочный признак характеристики животного по издаваемым им звукам.

В пространственном коде языка зооним участвует в образовании топонимов. Сурки на Алтае обитают и в таежной местности, поэтому мотивировочный признак «местонахождение животного» послужил основой для образования оронимов *Тарбаганду-Кобы* (букв. ‘лог с сурками’), зафиксированных в разных районах Горного Алтая [ТРА, 2022. С. 109, 182].

Метафора «хозяин степи» указывает на персонификацию образа животного. Сурки ведут себя как разумные существа: они закрывают свои норы изнутри и снаружи. Помощника, который закрывает нору снаружи, охотники называют *жалчызы* ‘их слуга’. Данная социальная метафора основана на признаке социальной иерархии в «обществе»: *Ичегенин оозын бök-*

*төптран не ол, тарбаан, жоонмойын эш кирбезин деп. Ичегенин тапса, кышкыда жоонмойын киреле, үзе жипкойтран не. Таштарла бөктөптран. Алдынан бөктөн жат, тыштынан бөктөн жат. Тыштындагы тарбаан-жалчызы бөктөйлө, жүре бержат* [ПМА 4 – Бачиков]. ‘Вход в нору закрывают они, сурки, чтобы хорек не зашел. Если тот найдет нору, если зимой хорек зайдет, то всех съест. Камнями закрывают. Изнутри закрываются, снаружи закрывают. Тот сурок, что снаружи, слуга, закрыв, уходит’.

Согласно мифу «Сурок» (Тарбаган), сурок – это обиженный охотник, не сумевший попасть в летящую птицу. Он проклял себя, отрезав себе большой палец, и превратился в сурка. Сурок, когда готовит нору, щели замазывает мокрой глиной: «Чтобы в нору сурка вода не попадала, он ход в сторону роет. Его пять пальцев точно такие, как у человека» [НПА, 2011. С. 440, 441].

Зооморфизм *тарбаган* ‘сурок’ репрезентирует ленивого человека (*жалку* ‘ленивый человек’) или любящего поспать (*уйкучыл* ‘любящий поспать’): *Ол тарбагандый уйуктап жаткан* [ПМА 3]. ‘Он спит как сурок’; *Тарбаган жадала, семирер* [ПМА 4]. ‘Сурок лежа жиреет’. Данное выражение находит сходство в русском языке: *Спит как сурок*. Пословица с образом сурка часто характеризует сборище лентяев: «*Көп тарбаган ичеген каспас*» – *дежетен*. – *Көп улус нени эдер. Бой-бойларына адаркажыт, көлзөп базып турганча, күн ажыт, түн кирип калатан туру* [Чунижеков, 1957. С. 142]. ‘Много сурков нору не выроют» – говорят. Много людей что сделают. Пока другу другу завидуют, толпой ходят, солнце сядет, ночь наступит’.

**Көрүк** [körüк] – ‘бурундук’ (лат. *Tamiini* или *Tamiina*), алт. *көрүк*, тув. *хөрүк*, узб. *күрик*, хак. *көрик*, якут. *көрдүгэс* (*көрдүгэс*) ‘бурый’, ‘с темными полосами’ [Щербак, 1961. С. 145]. Диалектные варианты лексемы: алт., туб., теленг., телеут. *көрүк* [АРС, 2018. С. 383; ТРС, 1995, 46; РТС, 2019. С. 18]; кум. *көрөк*, *күрөк* [РКС, 2021. С. 27; КРС, 1995. С. 34]; чал. *күрек/көрөк/көрык* [Баскаков, 1985. С. 168]. В других тюркских языках, так же как и в русском, употребляется слово «бурундук»: азерб., кирг. – *бурундук*, тат. *борүндик*, узб. *бурундик*. Этимология слова восходит к тюркскому *бурун* ‘нос’ [Там же. С. 145–146].

В народном календаре чалканцев на основе данного зоонима образован хрононим *көрүк ай* ‘месяц бурундука’, обозначающий месяц апрель, поскольку бурундуки выходят из нор в конце марта – начале апреля.

Метонимические иносказания о бурундуке основаны на денотативных признаках животного, включающих особенности его строения тела и окраса: *шорур/чокур* ‘полосатый, пестрый’, *бултак жаак* ‘надутая щека’ [Яимова, 1990. С. 113, 118]. Бурундук переносит пищу в своей пасти и прячет ее в определенном месте, потому его иносказательно называют *бултак жаак* ‘надутая щека’. Происхождение фразеологизма *манжалайга тажыткан* ‘медведем отшлепанный’ объясняется известным мифом: медведь исцарапал спину бурундуку, когда тот жадно заготавливал себе на зиму кедровые орехи. Куда в облике медведя, приблизившись к бурундуку, схватив, попытался поговорить с ним. Бурундук хотел вырваться из его лап, но медведь успел исцарапать спину маленькому животному. С тех пор бурундук издает крики, похожие на плач [НПА, 2011. С. 160–163].

Следующий контекст иллюстрирует принцип номинации животного по звуку. При приближении человека бурундук издает отрывистое «цыканье» или свист и бросается бежать: *Каан күнде көрүк — «Күрк-күрк!» — деп эдип турган болзо, жүт болор* [АКК, 1993. С. 310]. ‘Если в ясную погоду бурундук «кюрк-кюрк!» кричит, то ненастье будет’. Этот зверек обладает развитой сенсорикой, что позволяет ему ощущать малейшие изменения окружающей среды и предчувствовать опасные погодные явления. Существует поверье: если бурундук кричит в ясную погоду, то наступят ненастные дни. Во время грозы эти зверьки прячутся в своих норах. В фольклоре алтайцев такое поведение мифологизируется: «Молния бьет в бурундука. Тенгре (букв. ‘Небо’) мстит ему за то, что он выколол глаза младшему сыну Тенгре» [Потанин, 1883. С. 141], т. е. совершил плохой поступок. Поэтому в прошлом охотники делали чучело из бурундука, чтобы шаман в своем ритуале показывал божеству, что провинившийся пойман и наказан: «Бурундука алтайцы убивают и бросают, потому что он что-то на небе неприятное

сделал, и Тэнгри-буркан (Небо-бог) прогнал его на землю. Его натыкают на палочку и, вложив в рот траву, вешают на дерево с западной стороны ствола» [Там же. С. 181]. Траву кладут в пасть животного для того, чтобы он на том свете не смог пожаловаться божееству Нижнего мира Эрлику.

В языке образу бурундука приписываются такие черты человека, как обидчивость, наивность и жадность. Зооморфизм *көрүк* ‘бурундук’ обозначает наивного, доверчивого человека: *Көрүкти көкүдип ийзен, алдына мантап ла келер* [ПИМА 4]. ‘Бурундука подбодришь, он прибежит к тебе’. Среди охотников существует побасенка об обиженном бурундуке, повесившемся на дереве из-за того, что медведь съел его запасы: *Көрүк жаантайын оозында неме сугала жүртран неме не ол. Кышка ла белетенип, жаагы бултук жүрер. Көрүктинг күлтелеп койон курсагын айу табала, чачар, жікойор. Чачса, көрүк ого ачынала, агашка илинеле өлөр деп анай айдар. Та чын, та төгүн неме... Курсагына коршту карам ан дежер* [ПИМА 2]. ‘Бурундук, всегда в своей пасти что-то спрятав, бежит. Готовясь к зиме, с набитыми щеками бегаёт. Медведь, говорят, найдя дупло бурундука, все раскидает, съест пищу. Когда раскидает, бурундук, рассердившись на него, зацепившись за дерево, умирает, так говорят. То ли правда, то ли ложь. Очень жадный на еду зверек, так говорят’. В тексте глагол *ачын* = ‘сердиться’ и прилагательное *карам* ‘жадный’ придают зоониму экспрессивно-оценочную семантику.

**Бабырган/багырган** [babırgan] – ‘белка-летяга’, ‘летучая белка, или полетуха’ (лат. *Pteromys Volans*). Диалектные варианты лексемы: алт., теленг. *бабырган/багырган* [АРС, 2018 с. 97], чал. *бабырган* [Баскаков, 1985. С. 142], кум. *табырган* [КРС, 1995. С. 72]; туб. *параан, паарган* [РТС, 2019. С. 116]. Слово встречается лишь в южносибирских тюркских языках (ср. кирг. *бабырган* ‘сыч’ [КРС, 1985. С. 81]): тув. *авырган* ‘белка-летяга’ [Щербак, 1961, С. 153], хак. *пабырган – табырган* ‘белка-летяга’ [ХРС, 2006. С. 334, 570]. Алтайцы называют летягу *багырган* букв. ‘кричащий’, от глагола *багыр* – ‘кричать’, видимо, из-за ее низкого голоса, издающего стрекотание поздним вечером.

На белку-летягу не охотятся, поскольку мясо ее не едят. Летяга большую часть жизни проводит на деревьях, в дуплах которых вьет себе гнезда. В своих рассказах носители языка называют на внешность, место их обитания, образ жизни летяги: *Бабырган түнде жүрер анычак, боро өндү* [ПИМА 4]. ‘Белка-летяга – зверек, летающий ночью, с серым окрасом’.

Этот зверек ведет ночной образ жизни, поэтому человек мало встречает его в дневное время, из-за чего образ животного подвергается мифологизации. В прошлом этот зверек был небожителем, небесное божество преследовало его из-за проступка. Летяга случайно пнула в глаз сына верховного божества (в варианте мифа украли колокольчик). Кан-Джаик (божество Верхнего мира) бросился за белкой-летягой, сошел на землю, но не смог найти ее. Белка осталась на земле и стала невидимым духом – *кёрмёсом*. За поимку белки божество обещало вознаграждение, и теперь те, кто обращаются к божеству за благословением или помощью, должны сначала «поймать» белку и привести на суд. Поэтому шаманы перед совершением обряда камлания или охотники перед началом охоты, чтобы она была удачной, приносят белку-летягу в жертву верховному божеству. <...> Считается, что летяга прячется в кедре, так как небо (Ульген) часто мечет в него свои молнии [НПА, 2011. С. 435–436, 144–147].

**Кумдус** [qumduz] – ‘бобёр’ (лат. *Castor fiber*). Лексема относится к общетюркскому пласту лексики – \*qunduz [СИГТЯ, 2001. С. 162]. А. М. Щербак также выделял тюркское происхождение этого зоонима [Щербак, 1961. С. 146–147]. Варианты слова в алтайских диалектах: алт., теленг., телеут., туб., чал., кум. *кумдус* [АРС, 2018. С. 398; Баскаков, 1985. С. 170; Кандаракова, 2007. С. 19; РТС, 2019. С. 14], туб. *камчат* [РТС, 2019. С. 14].

Бобёр – крупный грызун, приспособленный к полуводному образу жизни, обитает в глубоких водоемах с медленным течением, в лесных озерах, ручьях, прудах. В песнях алтайцев с длиной хвоста бобра сопоставляется борода мудрого старца: *Кулаш полгон куйрукту / Кундусты айтсын кылганду. / Курчана түшкен сагалду / Көкиүнди айтсын алкышту. ‘С хвостом в сажень / Бобёр невыразимо [красив] шерстью. / С бородой, спущенной до пояса, / Почтенный*

старец невыразимо благословенен' [МАЭ, ф. 11, д. 12, л. 470]. Алтайцы не охотились на бобров, в связи с чем образно-метафорических употреблений в литературе встречается мало.

### Заключение

Зоонимы, обозначающие представителей семейства беличьих, являются универсальным средством языка: в процессе означивания они приобрели словообразовательные дериваты, различные ассоциации и коннотации, и участвуют в формировании своеобразного лексико-семантического пространства, представляющего собой фрагмент языковой картины мира алтайцев.

В данной работе были выявлены денотативные и коннотативные значения алтайских зоонимов, их семантические и мотивировочные признаки, а также принципы их номинаций. Денотативные признаки беличьих указывают на особенности строения их тела, окрас, местообитание, повадки. Одним из способов номинации зоонимов является образная характеристика животных по издаваемым ими звукам. Язык зафиксировал определенные звукоподражательные глаголы и междометия, характерные для тех или иных животных. По звукам, издаваемым животными, человек ориентировался в пространстве и времени. Другим способом номинации животных является их наименование по окрасу. Метафоры, указывающие на окрас беличьих (например, *сакыл* 'рыжая лиса' – о белке, имеющей рыжеватый окрас), относятся к эмотивно-оценочной лексике алтайского языка. Особая ценность приписывается белке с белым окрасом, ее шкура наделялась магическим смыслом. Продуктивным также является способ номинации беличьих по месту их обитания. Топонимы с названиями животных (типа *Örkölü-Kобы* 'Лог с сусликами'), вошедшие в топонимию Горного Алтая, свидетельствует о важной роли рассмотренных зоонимов в алтайском языке. В отличие от топонимов названия растений, образованные от этих зоонимов, немногочисленны. Но и они подтверждают важную функциональную роль рассмотренных языковых единиц в означивании языка.

Метафоры и метонимии, обозначающие животных из семейства беличьих, возникли в охотничьем лексиконе для косвенной номинации и оценки животных на основе определенных их семантических и мотивировочных признаков внешности, стереотипов поведения и места обитания. Метафорическое отождествление беличьих с представителями животного мира придает яркую образность и иносказательность речи охотников.

В контексте антропоцентризма языка в функционировании зоонимов-беличьих, с одной стороны, наблюдается зооморфизация образа человека, с другой – антропоморфизация и мифологизация образов животных. В качестве семантических признаков в антропоморфизации следует указать семантические признаки, свойственные для денотата человека: «жадный», «наивный» (о бурундуке), «обидчивый» и «хитрый» (о суслике). Так, метафоры о белке возникли на основе отождествления ее с «собирателем дани», о сурке – с «хозяином» степи, имеющим «слуг». Социальные метафоры являются проекцией «образа» человека на характеристику животного.

Зооморфные *метафоры*, использующие образы животных из семейства беличьих для эмоционально-оценочной характеристики человека, немногочисленны. Это объясняется тем, что об особенностях повадок, среде обитания этих животных знает не каждый. Метафорический перенос признаков представителей семейства беличьих используется для оценки физических, морально-этических и интеллектуальных качеств человека. Метафорические номинации белки и суслика обозначают быстрого, шустрого, трудолюбивого человека, метафорические номинации сурка – ленивого. Образу суслика уподобляется хитрый, глупый, вороватый человек, захватывающий чужое; образу бурундука – жадный, а также наивный, доверчивый человек; с бобром отождествляется мудрец, уважаемый старец. Несомненно, включение знаний о животном мире в систему образных средств характеристики человека, поиски сходства с образами реальных мира природы – важный этап развития человеческого знания. Зоохарактери-

стики человека, возникшие на основе образного представления о том или ином животном, наиболее ярко отражают национальную самобытность алтайского языка через систему оценочных образов, характерных для данного этноса.

### Список литературы

- Аникин А. Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- Алтайско-русский словарь [АРС] / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- Баскаков Н. А.** Диалект кумандинцев (куманды-кижи): грамат. очерк, тексты, пер., слов. / Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1972. 279 с.
- Баскаков Н. А.** Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): грамат. очерк, тексты, пер., слов. / отв. ред. К. М. Мусаев; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1985. 231 с.
- Блинова О. И.** Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Ленинград: Наука, 1972. С. 92–104.
- Гак В. Г.** К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1972. № 5. С. 12–22.
- Кумандинско-русский словарь [КРС] / сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийск. котельщик, 1995. 150 с.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.
- Русско-кумандинский словарь [РКС] / сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов; ред. Н. А. Дьбайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.
- Русско-губаларский словарь [РТС] / сост. А. С. Кучукова; ред. С. Б. Сарбашева Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Стернин И. А.** Лексическое значение слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.
- Топонимика Республики Алтай. Кн. 2. Онгудайский район. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2022. 202 с.
- Телеутско-русский словарь [ТРС] / сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.
- Тыбыкова Л. Н.** К вопросу о семантической структуре зооморфного образа «собака» в алтайском и русском языках // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории государства Российского: тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сентября 2006 г.). Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2006. С. 115–124.
- Тыбыкова Л. Н.** Этнокультурная специфика зооморфного образа «медведь» в алтайском языке в сопоставительном аспекте // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы III Всерос. тюркологической конф., посвященной 110-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева (Уфа, 27–28 июня 2008 г.). Т. 1. Языкознание, Литературоведение. Уфа, 2008. С. 252–260.
- Тыбыкова Л. Н.** Символика красоты в алтайских зооморфизмах // Этнокультурное наследие народов Алтая: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022. С. 339–353.
- Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 646 с.

Хакасско-русский словарь [ХРС] / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.

**Щербак А. М.** Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.

**Яимова Н. А.** Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1990. 169 с.

ЭСМЯ – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН; гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G–P. 232 с.

### Список архивных и полевых материалов

Архив МАЭ РАН, фонд 11, дело 12, опись 1. Песни. Бийский у. Томской губ. На телеутском и русском яз. 30.07. – 03.08.1910.

ПМА 1 – Чырбыкова В.Т., 1947 г.р., из рода ак кёбёк, образование среднее специальное; с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай (РА).

ПМА 2 – Чырбыков В.А., 1972 г.р., из рода кыпчак, образование среднее; с. Яконур Усть-Канского района РА.

ПМА 3 – Торушев И.Т., 1950 г.р., из рода сойонг, работал разнорабочим; с. Козюль Усть-Канского района РА.

ПМА 4. – Бачиков Т.Б., 1959 г.р., из рода тодош, образование среднее специальное; с. Мендюр-Соккон Усть-Канского района РА.

ПМА 5 – Санин Г.Д., 1966 г.р., из рода саал, разнорабочий; с. Кара-Кудьюр Улаганского района РА.

### Список источников

АЗ – Алтайские загадки = Алтай табышкактар / Сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.

АФ – Алтайский фольклор / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.

Каинчин Д.Б. Живем в одном селении = Айлыбыс јаныс ۆзөктө. Рассказы. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1984. 232 с.

КТ, АЈА – Тепуков К. Алтай јерис агару. Горно-Алтайск: Лит.-изд. дом «Алтын Туу». URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (дата обращения: 24.04.2023)

ЛСА – Легенды Северного Алтая / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1994. 88 с.

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30)

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 1026 с.

ЧЧ – Чактырбайлы чалканга / Сост. К. Тепуков. Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2021.

Чунижеков Ч. Мундузак. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1957.

### References

**Anikin A. E.** Etimologičeskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, al'tajskikh i paleoaziatskikh jazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleoasian languages]. 2nd ed. Moscow, Novosibirsk, Nauka publ., 2000, 768 p. (in Russ.)

- Altaisko-russkii slovar' [Altai-Russian Dictionary]. Ed. A. E. Chumakaev. Gorno-Altaiisk, 2018, 936 p. (In Alt. and Russ.)
- Baskakov N. A.** Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov. [Dialect of the Kumandins (Kumandy-Kizhi): grammar. essay, texts, trans., words]. Moscow, Nauka publ., 1972, 279 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A.** Severnye dialekty altaiskogo (oirotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov. [Northern dialects of the Altai (Oiro) language: the dialect of the Lebedinsky Tatar-Chalkans (Kuu-Kizhi): grammar. essay, texts, trans., words]. Ch. in. Ed. K. M. Musaev; In-t yazykoznanania AN SSSR. Moscow, Nauka publ., 1985, 231 p. (In Russ.)
- Blinova O. I.** Leksicheskaya motivirovannost' i nekotorye problemy regional'noi leksikologii [Lexical motivation and some problems of regional lexicology]. *Voprosy izucheniya leksiki russkikh narodnykh govorov [Issues of studying the vocabulary of Russian folk dialects]*. Leningrad, Nauka publ., 1972, pp. 92–104. (in Russ.)
- Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. [Etymological dictionary of the Mongolian languages: in 3 vol.]. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; ch. ed. G. D. Sanzheev, red. L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. Moscow, IV RAN publ., 2016. Vol. II, G-P, 232 p.
- Gak V. G.** K probleme sootnosheniya yazyka i deistvitel'nosti [To the problem of correlation of language and reality]. *Voprosy yazykoznananiya [Questions of linguistics]*. Moscow, Nauka publ., 1972, № 5, pp. 12–22. (In Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Ed. in Ch. O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka publ., 2006, 1111 p. (in Russ. and Khak.)
- Kumandinsko-russkii slovar': ok. 10 000 slov [Kumandin-Russian Dictionary: approx. 10,000 words]. Comp. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva. Biysk, Biys. Kotelshchik, 1995, 150 p. (In Kum.)
- Rassadin V. I.** Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoi yazykovoi obshchnosti [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community]. Ed. in Ch. V. Dybo. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 608 p. (in Russ.)
- Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira [The role of the human factor in language. Language and picture of the world]. Ed. in ch. B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka publ., 1988, 216 p. (in Russ.)
- Russko-kumandinskii slovar' [Russian-Kumandin Dictionary]. Comp. M. B. Petrushova, V. M. Danilov, ed. N. A. D'ayim. Gorno-Altaiisk, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (in Russ. and Kum.)
- Russko-tubalarskii slovar' [Russian-Tubalarian Dictionary]. Comp. A. S. Kuchukova; ed. S. B. Sarbasheva. Gorno-Altaiisk, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (in Russ. and Tub.)
- Shherbak A. M.** Nazvaniya dikih i domashnih zhivotnykh v turkskikh yazykakh [Names of wild and domestic animals in the Turkic languages]. *Istoricheskoe razvitie leksiki turkskikh yazykov [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]*. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, pp. 82–172 (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev. 2nd ed., add. Moscow, Nauka publ., 2001, 822 p. (in Russ.)
- Sternin I. A.** Leksicheskoe znachenie slova [Lexical meaning of the word]. Voronezh, Voronezh Uni. Publishing House, 1985, 170 p. (in Russ.)
- Teleut-Russian Dictionary / Comp. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva Kemerovo, Kemerovo book publ. house, 1995, 119 p. (In Russ. And Tel.)

- Toponimika Respubliki Altay: Kniga 2. Ongudayskiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai: Book 2. Ongudaysky district]. BNU RA "Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov. Gorno-Altaysk, 2022, 202 p. (in Russ.)
- Tybykova L. N.** K voprosu o semanticheskoy strukture zoomorfnoogo obraza «sobaka» v altayskom i russkom yazykakh [On the issue of the semantic structure of the zoomorphic image "dog" in the Altai and Russian languages]. *Sotsiokul'turnoe vzaimodeystvie altayskogo i russkogo narodov v istorii gosudarstva Rossiyskogo. Trudy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Biysk, 27–30 sentyabrya 2006 g.) [Sociocultural interaction of the Altai and Russian peoples in the history of the Russian state. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Biysk, September 27–30, 2006)].* Biysk, BGPU im. V.M. Shukshina, 2006, pp. 115–124 (In Russ.)
- Tybykova L. N.** Etnokul'turnaya spetsifika zoomorfnoogo obraza «medved'» v altayskom yazyke v sopostavitel'nom aspekte [Ethno-cultural specifics of the zoomorphic image "bear" in the Altai language in a comparative aspect]. *Ural-Altay: cherez veka v budushchee. Materialy III Vserossiyskoy tyurkologicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya N.K. Dmitrieva (Ufa, 27–28 iyunya 2008 g.) [Ural-Altai: through the centuries into the future. Materials of the III All-Russian Turkological Conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of N.K. Dmitrieva (Ufa, June 27–28, 2008)].* Vol 1. Ufa, 2008, pp. 252–260 (In Russ.)
- Tybykova L. N.** Simvolika krasoty v altayskikh zoomorfizmakh [Beauty symbolism in Altai zoomorphisms]. *Etnokul'turnoe nasledie narodov Altaia [Ethno-cultural heritage of the peoples of Altai].* Gorno-Altaysk, 2022, pp. 339–353. (In Russ.)
- Tuvinsko-russkii slovar' [Tuva-Russian Dictionary]. Ed. E.R. Tenisheva. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1968, 646 p. (in Russ. and Tub.)
- Yaimova N. A.** Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altayskom yazyke [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya tipogr., 1990, 169 p. (In Russ.)

### List of Sources

- Altayskie zagadki [Altai riddles]. Comp. K. E. Ukachina. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd-nie alt. kn. izd-va, 1981, 176 p. (In Alt.)
- Altayskii fol'klor [Altai folklore]. Comp. E. P. Kandarakova. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskoe otdlenie Altayskogo knizhnogo izdatel'stva, 1988, 216 p. (In Chalk.)
- Chunizhekov Ch.** Munduzak. Gorno-Altaysk, Knizhnoe otd. Altayskogo knizhnogo izd-va, 1957. (In Alt.)
- Kainchin D. B.** Zhivem v odnom selenii. Rasskazy. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskoe otdelenie Altayskogo knizh. zd-va, 1984, 232 p. (In Alt.)
- Legendy Severnogo Altaya [Legends of Northern Altai]. Comp. E. P. Kandarakova. Gorno-Altaysk, 1994, 88 p. (in Russ.)
- Neskazochnaya proza altaytsev [Non-folktale prose of the Altaians]. Comp. by N. R. Oinotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamayeva. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (in Altay and Russ.) (Pam'atniki folkloru narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30) (In Alt. and Russ.)
- Potantin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii [Essays on Northwestern Mongolia]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 2005, 1026 p. (In Russ.)
- Tepekov K.** Chaktyrbaily chalkanga [Don't get burned by nettles]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai Printing House, 2021. (in Alt.)
- Tepekov K.** Altai jeris agaru [Altai is our sacred land]. Gorno-Altaysk, Altyn Tuu publ. URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (date of access: 24.04.2023). (in Alt.)

**Информация об авторе**

**Ойноткинова Надежда Романовна**, доктор филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета

**Information about the Author**

**Nadezhda R. Oynotkinova**, Doctor of Philology, Associate Professor at Gorno-Altai State University

*Статья поступила в редакцию 21.08.2023;  
одобрена после рецензирования 13.07.2024; принята к публикации 19.07.2024*

*The article was submitted 21.08.2023;  
approved after reviewing 13.07.2024; accepted for publication 19.07.2024*

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-33-45

**«Гейша», «бюнад», «женневер»:  
экзотизмы как репрезентанты геокультурных образов  
в туристическом дискурсе**

**Ольга Александровна Селеменова**

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина  
Елец, Россия

ol.selemeneva2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

*Аннотация*

Статья посвящена экзотизмам как средствам лексической экспликации геокультурных образов территорий в туристическом дискурсе. Материалом исследования послужил отечественный журнал-тревелог «Russian Traveler». Из выпусков за 2023–2024 гг. методом сплошной выборки было извлечено 238 экзолексем, интерпретированных путем привлечения лексикографических и этнографических источников, опоры на контекст. Экзотизмы классифицированы на 12 тематических групп, соотносящихся с 4 базовыми фрагментами национальных картин мира. Автор приходит к выводу, что одновременное использование различных тематических групп экзотических апеллятивов, реалонимов и мифонимов позволяет формировать геокультурные образы территорий в совокупности их физико-географической, социокультурной, традиционно-бытовой, этномировоззренческой и других составляющих. Экзотизмы в туристическом дискурсе журнала-тревелога актуализируют фоновые знания читателя об «иных» странах, регионах и городах, поддерживают гетеростереотипы, способствуя продвижению туристического продукта.

*Ключевые слова*

геокультурный образ, туристический дискурс, журнал-тревелог, экзотизм, апеллятив, оним, этностереотип

*Для цитирования*

Селеменова О. А. «Гейша», «бюнад», «женневер»: экзотизмы как репрезентанты геокультурных образов в туристическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 33–45. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-33-45

© Селеменова О. А., 2025

## “Geisha”, “Bunad”, “Gennever”: Exoticisms as Representatives of Geocultural Images in Tourist Discourse

Olga A. Selemeneva

Bunin Yelets State University  
Yelets, Russia

ol.selemeneva2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

### Abstract

This article deals with the issue of lexical explication of geocultural territory images in tourist discourse. As a linguistic tool for creating authentic images of spaces in “other cultures”, the author considers exotic lexemes functioning in the relatively new magazine “Russian Traveler” as a written alternative of tourist discourse. By continuous sampling of the issues for the period 2023–2024 a selection of 238 exotic words was made. These words were interpreted with the help of lexicographic and ethnographic sources as well as contextual analysis. In the process of systematising the linguistic material, 12 thematic groups of exoticisms with different frequency were identified: “Natural geographical objects”, “Food and drinks”, “Mythology”, “Plant world”, etc. These groups describe basic fragments of the ethnic world view. The use of various thematic groups of exoticisms-appellatives as well as simultaneous functioning of realonyms and mythonyms, among which there are theonyms, hydronyms, anthroponyms, demononyms, toponyms, and other semantic subgroups of the above lexicon, makes it possible to create geocultural images of territories at the verbal level of the analysed texts in conjunction with their physical and geographical, sociocultural, traditional and domestic, ethnic, and other components. In general, exotic vocabulary in tourist discourse actualises readers’ background knowledge about “other” countries, regions, towns and cities, explicates ritual meanings, supports ethnostereotypes, thus contributing to the promotion of a tourist product.

### Keywords

geocultural image, tourist discourse, travelogue magazine, exoticism, appellative, onym, ethnostereotype

### For citation

Selemeneva O. A. “Geisha”, “Bunad”, “Gennever”: Exoticisms as Representatives of Geocultural Images in Tourist Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 4, pp. 33–45. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-33-45

## Введение

Туристический дискурс как самостоятельный вид дискурса, хотя и гибридный по природе, характеризуется не только конкретной тематической направленностью – отдых, путешествия, адресностью – турист, целью – информирование о месте, маршруте, но и «специфичным набором языковых средств» [Филатова, 2012. С. 41]. Наиболее привлекательным предметом анализа в лингвистических работах отечественных и зарубежных ученых первой четверти XXI в. становится лексика туристического дискурса, своеобразие которой – диффузность и регулярная обновляемость англицизмами, терминами, профессионализмами, словами-гибридами и иными пластами слов – обуславливается процессами интернационализации и глобализации, установкой на формирование системы ценностей адресата [Катермина, 2023; Kiss, 2018; Thurlow, Jaworski, 2011].

Новый импульс изучение лексического состава языка туристического дискурса получает в связи с популяризацией в последние годы концепции «национального брендинга мест» британского политолога С. Анхолта [Mityagina et al., 2018. P. 541] и сложного понятия «геокультура» американского социолога И. Валлерстайна, трактуемого в культурной географии как «процесс и результат развития географических образов в конкретной культуре» [Замятин, 2002. С. 5].

В отечественном языкознании к исследованию лексико-фразеологического способа экспликации геокультурных образов территорий в научном, рекламном, художественном, газетно-публицистическом дискурсах уже обращались Ю. Н. Варфоломеева [2021], М. В. Голомидова [2015; 2023], Ю. А. Кривошапова [2017; 2020], Н. А. Купина [2016] и некоторые другие

ученые. К маркерам геокультурных образов разных регионов и населенных пунктов России были отнесены аппеллятивы некоторых лексико-семантических групп, онимы, преимущественно топонимы, словосочетания с различной степенью идиоматичности компонентов. Так, М. В. Голомидова урбанонимы называет тем «вербальным материалом», в котором отражается образ города Екатеринбурга [Голомидова, 2023. С. 30], а имена золотых приисков – «ключом» к уникальному культурному «портрету» территории Урала [Голомидова, 2015. С. 101]. Ю. Н. Варфоломеева в системе эргоурбонимов, выполняющих имиджевую и навигационную функции, видит отражение особенностей «истории и культуры» Улан-Удэ [Варфоломеева, 2021. С. 3758]. У Н. А. Купиной топонимы типа *Новоалексеевское*, *Флюс*, *Старые Решеты*, *Билимбай*, *Черемша* и др. создают «местный колорит» Первоуральска [Купина, 2016. С. 14–15]. Ю. В. Кривошапова в качестве «лингвистической составляющей регионального культурного бренда» Русского Севера [Кривошапова, 2017. С. 93] рассматривает устойчивые словосочетания с оттопонимическим прилагательным (*каргопольская игрушка*, *мезенская роспись* и др.), а минералогическую лексику (*уральский агат*, *тагильский малахит* и др.) считает инструментом формирования «региональных микробрендов» Урала [Кривошапова, 2020. С. 241].

В зарубежной лингвистике тоже обнаруживаются исследования лексической составляющей геокультурных образов пространств. Хотя подобные работы встречены нами sporadически, выполняются они, что следует отметить особо, на материале именно туристического дискурса. Например, М. А. М. Салима и А. П. Мат Сома к средствам экспликации геокультурного образа территории индонезийского округа Тана-Тораджи относят слова и словосочетания типа *relaxing ambiance*, *calm* и *beautiful* [Salim, Mat Som, 2018. P. 367].

В силу малоизученности вопроса лексических средств репрезентации геокультурных образов в туристическом дискурсе, но несомненном интересе ученых к постоянно меняющемуся и обновляющемуся языку текстов сферы туризма в целом, объектом анализа в статье становится письменная разновидность туристического дискурса, а предметом – экзотическая лексика. Целью статьи является рассмотрение экзолексем в контексте проблемы лингвистической составляющей геокультурных образов.

Выбор источника исследования – журнала-тревелога «Russian Traveler» – обусловлен двумя причинами: во-первых, на информационном рынке России подобные журналы «представляют один из наиболее активно развивающихся и перспективных сегментов прессы путешествий», отражающей проявление процесса глокализации [Лучинская, 2009. С. 4]; во-вторых, журнал «Russian Traveler» выступает относительно новым периодическим изданием, выпускаемым с апреля 2022 г. в связи с приостановкой деятельности международного журнала «National Geographic» в России.

Обращение к экзотизмам как предмету анализа мотивировано особенностями их семантики и функционального потенциала. Они несут «в своих значениях указание на определенную специфику культуры народа, особенности его обычаев, его менталитета» [Крысин, 2007. С. 84], поэтому выступают «идеальным маркером аутентичности» [Thurlow, Jaworski, 2011. P. 291] и служат инструментом усиления «ощущения территориальности» (перевод наш. – О. С.) [Meluzzi, Balsamo, 2021. P. 5].

Всего из журнальных выпусков за 2023–2024 гг. методом сплошной выборки было извлечено 238 экзотизмов. Оставляя в стороне вопросы неоднородности корпуса заимствованной лексики в русском языке, степени ее освоения, признаков, отграничивающих экзотизмы от других групп заимствований, отметим, что при формировании авторской картотеки примеров под экзотизмами понимались лексемы, обозначающие уникальные для принимающей культуры и языка (в нашем случае – русского) реалии – географические, бытовые, исторические, религиозные и т. д. Для интерпретации экзолексем использовались лексикографические и этнографические источники: словари, энциклопедии, историко-этнографические справочники и очерки [Бойко, 2019; БРКС; БРМС; БУРС; Волкова, Дементьев, 2006; Крысин, 2006; МНМ, 1998; МЭС, 1990; НЗЕ, 1965; НЭС, 2000; РКС, 1940; СГНЗС, 1986; ХРС, 2006; Шагда-

ров, Черемисов, 2010]. При отсутствии слова в словарях для определения значения привлекался контекст, материалы путеводителей, кулинарных книг, веб-сайтов о путешествиях.

### Результаты исследования

Поскольку «Russian Traveler» позиционирует себя «лучшим путеводителем» не только по России, но и «популярным среди российских путешественников странам и направлениям»<sup>1</sup>, в контексте экзолексемы маркируют геокультурные образы ряда государств Ближнего Востока (Турция, Грузия), Азии (Тайланд, Япония, Шри-Ланка, Индия и др.), Скандинавского полуострова (Норвегия), Африки (Кения, Танзания, Эфиопия), Океании (Папуа – Новая Гвинея), Европы (Сербия, Голландия, Испания и др.) и субъектов Российской Федерации (республики Бурятия, Удмуртия, Ингушетия, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Дагестан и др.).

Например: *Если в любой точке мира в бар идут, чтобы выпить, то испанцы делают это, чтобы закусить. Что именно будет плескаться в бокалах – пиво, вино, игристая кава или фруктовая сангрía – не так уж важно, популярность заведения определяет не выбор напитков, а ассортимент тапас. <...> Тапас-бары можно найти в любом уголке Испании. В Мадриде тапепарить обычно отправляются в район Ла-Латина, в Барселоне наибольшей народной любовью пользуются заведения на рынке Бокерия (boqueria.barcelona), но особенно развита тапас-культура на юге страны, в Андалусии [Russian Traveler, март – апрель 2024, № 1 (10). С. 60]. В приведенном примере встречается несколько экзотических апеллятивов: ка́ва (исп. *cava*, ‘разновидность высококачественных игристых вин, произведенная традиционным способом’ [Волкова, Дементьев, 2006. С. 138]), сангрíа (исп. *sangría*, ‘традиционный слабоалкогольный прохладительный напиток’ [Там же. С. 517]) и *тапас* (исп. *tapa*, т. е. ‘крышка’; ‘любые закуски, подаваемые в Испании к вину или пиву’ [Там же. С. 541]). Они служат средством маркирования такой важной аксиологической составляющей геокультурного образа Испании, как «Гастрономическая культура». Экзотизмы активизируют фоновые знания читателя о стране и поддерживают гетеростереотипы: простота испанской гастрономической традиции, разнообразие и высокое качество продуктов, хлеб и вино как «базовые элементы испанской гастрономии» [Раевская, Киселева, 2015. С. 82]. А глагольная экзолексема *тапепарить*<sup>2</sup> (исп. *tappear*) в значении ‘совершать поход по барам с целью отведать с вином и пивом разнообразные закуски’ [Волкова, Дементьев, 2006. С. 541], слова-композиции *тапас-бар* и *тапас-культура* отсылают уже к поведенческому аспекту испанской национальной идентичности – высокому уровню общительности.*

Все зафиксированные в текстах экзолексемы можно дифференцировать на 12 тематических групп, коррелирующих с 4 фрагментами картины мира «другого» этноса:

- I. «Природно-физический и природно-антропогенный национальный ландшафт»;
- II. «Материальный мир повседневности этноса»;
- III. «Интеллектуально-духовная жизнь народа»;
- IV. «Социокультурные аспекты жизни этноса».

#### I. Природно-физический и природно-антропогенный национальный ландшафт

Первый фрагмент «Природно-физический и природно-антропогенный национальный ландшафт» представлен 3 тематическими группами (*далее* – ТГ) разной частотности:

- 1) ТГ «Природные географические объекты» – 19 %;
- 2) ТГ «Административно-территориальные единицы» – 16,4 %;
- 3) ТГ «Растительный мир» – 2,5 %.

<sup>1</sup> О нас. Russian Traveler. URL : <https://rtraveler.ru/about/#rtraveler> (дата обращения: 11.04.2024).

<sup>2</sup> Пример глагольной экзолексемы единичен. 99,3 % экзотизмов авторской картотеки составляют субстантивы.

Первая и вторая ТГ аккумулируют проприальную топонимическую экзолексическую семантическую подгруппу – комонимы, астионимы, гидронимы, оронимы, инсулонимы и др., а третья ТГ – экзотические апеллятивы: *Каишкэйи* (порт. *Cascais*; ‘город и морской порт в Португалии’ [СГНЗС, 1986. С. 157]), *Эрджиес* (тур. *Erciyes*, ‘стратовулкан в Турции’ [Там же. С. 449]), *Маха-Ойя* (синг. මහ මය, т. е. ‘Великая река’, ‘крупный водоток в провинции Сабарагамува на Шри-Ланке’<sup>3</sup>), *сакура* (яп. 桜, т. е. ‘цветущая вишня’; ‘вишневое дерево, служащее символом Японии’ [Крысин, 2006. С. 689]) и др.

Именуя населенные пункты, природные водные потоки, участки суши естественного происхождения, формы рельефа и геологические образования, районы, улицы и т. д., экзолексемы отсылают к ключевым точкам «собственной территории» этносов и репрезентируют физико-географический и антропогенно-урбанистический компоненты геокультурных образов европейских и азиатских городов и стран, представленных в туристическом дискурсе журнала как рекомендуемые отечественным туристам направления для путешествий.

Например: *Деревянная церковь-ставкирка в городе Урнес – старейшая в Норвегии, ее возвели приблизительно в 1130 году. <...> Ставкирок в Норвегии осталось меньше 30. <...> В каждом регионе Норвегии – своя вариация костюма бюнад... <...> Деревушка Шольден стоит на берегу Согне-фьорда, самого длинного в Европе – его протяженность составляет 204 км [Russian Traveler, август 2023, № 3 (7). С. 73]. В приведенном примере геокультурный образ самой северной страны Европы Норвегии создается совокупностью экзолексем: ойконимами *Шольден* (норв. *Skjolden*) и *Урнес* (норв. *Urnes*), обозначающими, исходя из контекста, населенные пункты в составе норвежской коммуны Лустер; пелагонимом *Согне-фьорд* (норв. *Sognefjorden*), именующим фьорд на территории Согн-ог-Фьюране [СГНЗС, 1986. С. 341]; апеллятивами *бюнад* (норв. *bunad*) со значением ‘норвежский традиционный костюм’ [НЗЕ, 1965. С. 50] и *ставкирка* (норв. *stavkyrkje*) со значением ‘каркасный деревянный средневековый храм в Скандинавии’<sup>4</sup>. Экзолексемы, будучи ситуативно и тематически связаны с языковой доминантой – топонимом Норвегия, создают геокультурный образ страны в единстве физико-географического, антропогенно-урбанистического и традиционно-бытового компонентов.*

## II. Материальный мир повседневности этноса

Второй фрагмент инокультурной картины мира – «Материальный мир повседневности этноса» – в анализируемых текстах журнала-тревелога «Russian Traveler» маркируется экзотизмами, относящимися к 3 тематическим группам:

- 1) ТГ «Еда и напитки» – 17,2 %;
- 2) ТГ «Одежда и обувь» – 2,1 %;
- 3) ТГ «Помещения» – 4,6 %.

Экзолексемы перечисленных ТГ эксплицируют, с одной стороны, неповторимое своеобразие картины мира жителей «иных» стран – испанцев, китайцев, японцев, голландцев, гвинейцев, индийцев, турок и др., с другой – народов, входящих в состав России: бурят, татар, башкир, удмуртов, дагестанцев, чеченцев и др.: *женневер* (нидерл. *jenever*, ‘нидерландский джин, перегоняемый с ячменем и выдержанный в деревянных бочках’<sup>5</sup>), *идзакая* (яп. 居酒屋, ‘тип японского неформального питейного заведения’<sup>6</sup>), *подкóгыльо* (мар. *подкóгыльо*, ‘пельмени-вареники с разными начинками’ (БРМС)) и др.

<sup>3</sup> Шри-Ланка: реки. URL: <https://www.fao.org/4/T0028E/T0028E02.htm> (дата обращения: 12.04.2024).

<sup>4</sup> Urnes Stave Church. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/58/> (дата обращения: 21.03.2024).

<sup>5</sup> Вадим Ф. Крепкие спиртные напитки. Как правильно пить и получать от этого удовольствие. М.: Астрель; СПб.: Полигон, 2011. С. 184.

<sup>6</sup> What Is Izakaya?: Japanese Way of Drinking // Japan Wonder Travel Blog. URL: <https://blog.japanwondertravel.com/izakaya-a-different-way-to-drink-889> (дата обращения 23.04.2024).

Например: *Сегодня Британию невозможно представить без пабов. <...> Но появились они здесь благодаря древним римлянам: на завоеванных островах легионеры построили не только дороги, но и придорожные таверны... Римляне ушли, но постоянные дворы остались, предлагалось в них уже не вино, а эль, и заведения стали называть эльхаусами. <...> Эльхаусы стали настоящими общинными центрами, куда приходили поболтать и решить дела за пинтой пива. Так и появилось слово «паб», сокращение от *public house* – «общественный дом» [Russian Traveler, март – апрель 2024, № 1 (10). С. 64]. Экзотизмы эль (англ. *ale*, ‘светлое английское пиво’ [Крысин, 2006. С. 918]), а также *паб* (англ. *Pub*, ‘род пивной, трактира в Англии и некоторых других странах’ [Там же. С. 555]) и *эльхаус* (англ. *ale-house*, в контексте – ‘традиционные пивные заведения Великобритании и Ирландии’) позволяют адресанту эксплицировать один из важных стереотипов британской культуры, исторически и социально обусловленный: англичане регулярно посещают пабы, которые для них становятся не просто местом для приятной беседы, а вторым домом, где можно пренебречь правилами сдержанности и всякого рода условностями [Фокс, 2008. С. 111–113].*

Состав ТГ «Еда и напитки», самой значительной по объему, сформирован примерно на 67 % экзотизмами из языков финно-угорских народов (удмурты, марийцы, коми-зыряне), монгольских (буряты, калмыки), тюркских (кумыки, хакасы). Мы фиксируем присутствие в текстах туристического дискурса:

- мариизмов (*команмелна́* от мар. *коман* – ‘слоеный’, *мелна* – ‘блин’; ‘слоеные блины в марийской кухне из разных видов муки’ (БРМС));

- удмуртизм (*посятэм* от удм. *пöсятэм*; ‘алкогольный напиток, подогретая кумышка’ (БУРС));

- бурятизм (*буузы*, *пöзы* от бур. бууза; ‘большие пельмени, сваренные на пару’ (Шагдаров, Черемисов, 2010. С. 159));

- калмыцизм (*дүтур*, *дöтур* от калм. *доотр* – ‘внутри’; ‘традиционное калмыцкое блюдо, готовящееся из внутренностей барана путем варки’ (РКС, 1940. С. 38));

- экзолексем из коми-зырянского (*саламат*, у коми – *саламат*; ‘каша, поджаренная на масле или сале’ (БРКС)) и кумыкского языков (*урбеч* от кум. *урбеч*; ‘паста из семян или орехов, измельченных почти до степени однородности’ [Ибрагимова, 2018. С. 34]).

Перечисленная кулинарно-гастрономическая лексика используется для репрезентации локальных субобразов регионов и создания геокультурного образа России как страны со множеством этнических единиц, сохраняющих свою самобытность. Например: *Национальный хакасский продукт – талган, ячменная крупа, которую мелют на больших каменных жерновах. Из талгана, яиц и жирной сметаны варят ритуальную кашу потхы для почитания духов. <...> Пирожки коптиргес с начинкой из молотого кедрового ореха со сливочным маслом, лепешка чалбах из теста на опаре, кровяная колбаса хан с добавлением риса и лука, суп чарба-угре с сечкой и бараньими кишками – всех традиционных яств и не перечислить!* [Russian Traveler, март – апрель 2024, № 1 (10). С. 54]. В приведенном примере актуализирована не составляющая «Мекка сибирской археологии» в геокультурном образе Хакасии, а «Крупный центр гастротуризма, сибирского гостеприимства». Она эксплицирована совокупностью экзотизмов, у которых в контексте актуализируются семы ‘национальный’, ‘самобытный’: *талган* (хак. *талган*, ‘мелко смолотый обжаренный ячмень или пшеница, употребляемые в пищу с молоком, маслом или абыртхы’ [ХРС, 2006. С. 582]), *потха́* (хак. *потхы*, ‘хакасская каша на сметане, которая варится до появления масла’ [Там же. С. 385]), *коптиргес* (хак. *көптіргес* – ‘коржик’ [Там же. С. 204]; в контексте слово имеет значение ‘маленькие пирожки с начинкой из обжаренных кедровых орехов и сливочного масла’), *чалба́х* (хак. *чалбах* – ‘ширина’ [Там же. С. 933], в контексте – ‘лепешки из дрожжевого теста’), *ча́рба-угре́* (от хак. *чарба* – ‘крупа’ [Там же. С. 944] и *үгре* – ‘суп’ [Там же. С. 744], в контексте – ‘традиционный хакасский суп из внутренностей барана, в котором используются зерна ячменя крупного помола’) и *ха́н* (хак. *ха́н* – ‘кровяная колбаса, приготовленная из плазмы крови скота’ [Там же. С. 797]).

### III. Интеллектуально-духовная жизнь народа

Третий фрагмент картины мира «иноного» этноса – «Интеллектуально-духовная жизнь народа» – в туристическом дискурсе представлен экзотизмами 3 тематических групп:

- 1) ТГ «Религиозные верования и народные обряды» – 8 %;
- 2) ТГ «Мифология» – 9,2 %;
- 3) ТГ «Музыкальная культура» – 4,6 %.

Экзолексемы перечисленных ТГ связаны с мировоззрением народа, его религией, философией, фольклором, искусством: *карт* (мар. *карт* – ‘жрец’ [БМРС]; в контексте – ‘жрец у марийцев, творящий религиозно-мифологические идеи и распространяющий их среди соплеменников’), *Семьк* (мар. *семьк*, рел. [Там же], в контексте – ‘день поминовения родителей, обряд ритуального кормления умерших у марийцев’), *йоухикко* (карел. и фин. *jouhikko*, ‘карело-финский трехструнный смычковый инструмент’ [МЭС, 1990. С. 221]), *Калевала* (карел. и фин. *Kalevala*, ‘мифическая страна, где действуют герои карело-финского эпоса’ [НЭС, 2000. С. 463]) и др.

Ядром самой объемной из перечисленных выше ТГ становится экзотическая проприальная лексика из этнических мифологий – теонимы, демонимы, мифотопонимы. Интертекстуальная природа экзотических мифонимов актуализирует легендарно-историческую составляющую геокультурных образов, представленную как сакрально-мифологический компонент и/или религиозно-философский. Эта составляющая образа территории особо важна, поскольку транслирует систему ценностей этноса, специфику его самоидентификации.

Например: *Высочайшая гора Страны восходящего солнца Фудзияма – активный стратовулкан, который стал одним из самых узнаваемых и культовых символов Японии наряду с сакурой и гейшами. Она высится на острове Хонсю... По преданию, здесь обитает множество божеств, но главной богиней горы является принцесса Коноханасакуя. Фудзи воснепа в бесчисленных хокку, ее силуэт красуется на самых знаменитых японских гравюрах* [Russian Traveler, март – апрель 2024, № 1 (10). С. 29]. В приведенном примере геокультурный образ Японии формируется совокупностью экзолексем – реалонимами, мифонимами, апеллятивами. Инсулоним *Хонсю* (яп. 本州, ‘наиболее крупный остров Японского архипелага’ [НЭС, 2000. С. 1320]), ороним *Фудзияма* (яп. 富士山, ‘действующий вулкан на о. Хонсю’ [Там же. С. 1300]) и фитоним *сакура* эксплицируют собственно географический компонент геокультурного образа Японии. Апеллятивы *гейша* (яп. 芸者, ‘женщина, обученная музыке, танцам, умению вести светскую беседу и приглашаемая на роль гостеприимной хозяйки на приемы, банкеты и т. п.’ [Крысин, 2006. С. 183]) и *хокку* (яп. 俳句, ‘древняя национальная форма японской поэзии в виде трехстрочного лирического стихотворения’ [Там же. С. 859]) отвечают за ценностную социально-культурную составляющую геокультурного образа Японии; а теоним *Коноханасакуя* (яп. 木花開耶姫, 木花咲耶姫 или 木花開耶姫, в синтоистской мифологии – дочь бога гор Ооямацуми, старшего брата солярной богини Аматаэрасу, богиня цветов сакуры и горы Фудзияма, символ мимолетности жизни [МНМ, 1998. С. 165]) – за его сакрально-мифологический компонент. В тексте введение теонима сразу превращает географический объект – гору Фудзи – в культовый, который, очевидно, выполнял для японцев консолидирующую (условный центр территории) и медиаторную (посредник между богами и людьми) функции.

### IV. Социокультурные аспекты жизни этноса

Фрагмент картины мира «Социокультурные аспекты жизни этноса» воплощается в экзолексемах тоже 3 тематических групп:

- 1) «Этническая общность» – 3,7 %;
- 2) «Наименования знаковых систем» – 3 %;
- 3) «Личное имя представителя этноса» – 9,7 %.

К этим ТГ относятся этнонимы, именующие этнические сообщества как биологический и социальный феномен; антропонимы, выступающие средством идентификации человека как представителя определенного этнического коллектива; названия этнических языков, обеспечивающих социальную связь: *ливвик* (карел. *liygiläine* – ‘карел-ливвик’ [Бойко, 2019. С. 148], ‘один из крупных субэтносов в составе карельского этноса’); *Бунчай Бенчаронгкулу* (тайск. บุญชัย เบนচারองกุล, англ. *Boonchai Bencharongkul*, антропоним именуется тайского бизнесмена-миллионера и коллекционера произведений искусства’); *ток-писин* (самоназвание – *Tok Pisin*, ‘креольский язык, распространенный в Папуа – Новой Гвинее’, в лингвистической литературе известен как неомеланезийский [Дьячков и др., 1981. С. 8]) и др.

Из перечисленных экзолеммов особая роль в текстах туристического дискурса отводится антропонимам: на первый план выдвигаются познавательная функция, отсылающая к историко-культурной среде возникновения, и аксиологическая, связанная со значимостью индивиду-носителя имени [Шенкао, 2002. С. 12–13]. На уровне микроконтекстов экзотические антропонимы связаны с другими экзотическими онимами – преимущественно с топонимами, гидронимами, экклезионимами. Так создаваемый на страницах журнала «Russian Traveler» образ территории предстает в единстве физико-географического, философско-религиозного и социокультурного компонентов. Например: *Святынище Симмалака на озере Бейра спроектировал уроженец острова, основоположник тропического модернизма Джеффри Бава* [Russian Traveler, март – апрель 2024, № 1 (10). С. 69]. В приведенном высказывании при репрезентации геокультурного образа крупнейшего города Шри-Ланки Коломбо использовано сразу три экзотических онима: экклезионим *Симмалака* (синг. සීමා මාලකය, англ. *Seema Malaka*, ‘буддийский храм в Коломбо’<sup>8</sup>), лимноним *Бейра* (синг. බේරේ චූච්ච, англ. *Beira Lake*, ‘озеро в центре Коломбо’<sup>9</sup>) и, наконец, антропоним *Джеффри Бава* (синг. ජේෆ්ෆ්‍රි බාවා, англ. *Geoffrey Bawa*, имя азиатского архитектора из Шри-Ланки, известного таким стилем, как тропический модернизм<sup>10</sup>). Они становятся, с одной стороны, средствами аттракции, привлечения внимания адресата к сообщению, с другой – экспликации ряда идей, важных для повышения туристско-рекреационного потенциала Шри-Ланки: «экзотичность острова», «уникальность историко-культурного наследия», «сочетание многовековых традиций и современности».

## Заключение

Подводя итог, отмечаем, что заметным пластом лексики, функционирующей в туристическом дискурсе, являются экзотизмы. Их присутствие обнаружено более чем в 60 % текстов, размещенных в выпусках журнала-тревелога «Russian Traveler» за 2023–2024 гг. Семантика экзотизмов и способность служить знаками аутентичности обуславливает возможность их включения в систему лексических средств репрезентации различных геокультурных образов.

Двенадцать выделенных ТГ экзотизмов разной частотности эксплицируют все основные фрагменты картины мира «чужого» народа: от географического ландшафта до особенностей социокультурных аспектов жизни и мифолого-религиозных представлений. Одновременное использование различных ТГ экзотических апеллятивов, реальных и мифологических онимов, среди которых отмечены ойконимы, гидронимы, антропонимы, теонимы, демононимы и единицы иных семантических подгрупп проприальной лексики, позволяет формировать на вербальном уровне анализируемых текстов геокультурные образы территорий в совокупности

<sup>7</sup> Boonchai Bencharongkul & family // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/profile/boonchai-bencharongkul/?sh=6e29dbfd2e84> (дата обращения: 02.04.2024).

<sup>8</sup> 36 Hours in Colombo, Sri Lanka // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/15/travel/36-hours-in-colombo-sri-lanka.html> (дата обращения: 03.04.2024).

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же.

физико-географической, антропогенно-урбанистической, социокультурной, этномировоззренческой составляющих.

Особое место в журнале «Russian Traveler» занимает геокультурный образ России. Он эксплицирован совокупностью экзолексем из языков народов финно-угорской, тюркской, монгольской, нахско-дагестанской и иных языковых групп и представлен как синкретичный, аккумулирующий ряд локальных образов регионов (Бурятия, Удмуртии, Марий Эл, Хакасии и т. д.), этнокультурных идентичностей.

### Список сокращений

Языки: англ. – английский, бур. – бурятский, исп. – испанский, калм. – калмыцкий, карел. – карельский, кум. – кумыкский, мар. – марийский, норв. – норвежский, порт. – португальский, синг. – сингальский, тайск. – тайский, тур. – турецкий, удм. – удмуртский, фин. – финский, хак. – хакасский, яп. – японский.

### Список литературы

- Варфоломеева Ю. Н.** Имиджевая и навигационная функции текстов городской среды (на материале эргоурбонимов г. Улан-Удэ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 3758–3763. DOI 10.30853/phil20210613
- Голомидова М. В.** Названия золотых приисков Урала как часть культурного капитала территории: лингвокультурологический аспект // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 2. С. 101–104.
- Голомидова М. В.** Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 1. С. 29–53. DOI 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Дьячков М. В., Леонтьев А. А., Торсуева Е. И.** Язык ток-писин (неомеланезийский). М.: Наука, 1981. 73 с.
- Замятин Д. Н.** Понятие геокультуры: образ и его интерпретация // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5–12.
- Ибрагимов З. Б.** Урбеч – традиционный дагестанский продукт питания // ACTA HISTORICA: тр. по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. № 1. С. 34–37.
- Катермина В. В.** Новые тенденции в туристическом дискурсе (на материале английских неологизмов) // Известия Волгоград. гос. социально-пед. ун-та. Филологические науки. 2023. № 2 (2). С. 95–99.
- Кривошапова Ю. А.** Региональные символы Русского Севера: на материале устойчивых словосочетаний с топонимическим компонентом // Научный диалог. 2017. № 11. С. 93–105. DOI 10.24224/2227-1295-2017-11-93-105
- Кривошапова Ю. А.** Имена камней как лингвокультурный символ Урала // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 241–262. DOI 10.15826/vopr\_onom.2020.17.3.042
- Крысин Л. П.** Заимствованные слова как знаки иной культуры // Русский язык в школе. 2007. № 4. С. 83–87
- Купина Н. А.** От города-завода к современному передовому городу: стилистические приметы и ценностные ориентиры газеты «Вечерний Первоуральск» // Известия Урал. федерального ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки, культуры. 2016. Т. 150, № 2. С. 13–25.
- Лучинская С. Ю.** Журналы-травелогги в условиях глобализации медиа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 23 с.
- Раевская М. М., Киселева Л. Н.** Испанская гастрономическая традиция как элемент социокультурной идентичности // Вестник Москов. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 77–87.

- Филатова Н. В.** Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестн. МГОУ. Серия: Лингвистика. 2012. № 3. С. 41–46.
- Фокс К.** Наблюдая за англичанами / пер. с англ. И. П. Новоселецкой. М.: РИПОЛ классик, 2008. 512 с.
- Шенкао Г. Х.** Имя как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Черкесск, 2002. 35 с.
- Kiss I.** The persuasive discourse function in the language of tourism // Argumentum. 2018. Vol. 14. P. 150–162.
- Meluzzi C., Balsamo S.** The language of food and wine tourism on the web // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2021. № 11(2). P. 1–11. DOI 10.30935/ojcm/10821. URL: [https://www.researchgate.net/publication/350614925\\_The\\_Language\\_of\\_Food\\_and\\_Wine\\_Tourism\\_on\\_the\\_Web](https://www.researchgate.net/publication/350614925_The_Language_of_Food_and_Wine_Tourism_on_the_Web) (дата обращения: 10.02.2024).
- Mityagina V. A., Novikova E. Yu., Charfaoui E., Opalkova J.** Linguistic brand management of tourist destination // X Linguae Journal. 2018. Vol. 11. Iss. 3. P. 541–556. DOI 10.18355/XL.2018.11.02.44
- Salim M. A. M., Mat Som A. P.** Shaping Tourist Destinations Through Language and Visual Elements on Tourism Websites A Tourism Discourse Perspective // International Journal of Engineering & Technology. 2018. № 7. P. 364–369. DOI 10.14419/ijet.v7i4.34.26874
- Thurlow C., Jaworski A.** Tourism discourse: Languages and banal globalization // Applied Linguistics Review. 2011. Vol. 2. P. 285–312. DOI 10.1515/9783110239331.285

### Список словарей

- Бойко Т. П.** Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Периодика, 2019. 351 с.
- БРКС** – Большой русско-коми словарь // Онлайн словари FU-Lab: лексикографический ресурс. URL: <https://dict.fu-lab.ru/about> (дата обращения: 01.04.2024).
- БРМС** – Большой русско-марийский словарь // Онлайн словари FU-Lab: лексикографический ресурс. URL: <https://dict.fu-lab.ru/about> (дата обращения: 06.03.2024).
- БУРС** – Большой удмуртско-русский словарь // Онлайн словари FU-Lab: лексикографический ресурс. URL: <https://dict.fu-lab.ru/about> (дата обращения: 12.03.2024).
- Волкова Г. И., Деметьев А. В.** Испания. Учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник. М.: Высш. шк., 2006. 656 с.
- Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
- МНМ** – Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. К–Я / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 720 с.
- МЭС** – Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Советская энцикл., 1990. 672 с.
- НЗЕ** – Народы зарубежной Европы. Этнографические очерки. В 2 т. Т. 2 / Под ред. С. А. Токарева, В. И. Козлова, О. А. Ганцкой. М.: Наука, 1965. 999 с.
- НЭС** – Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.
- РКС** – Русско-калмыцкий словарь / сост. Б. Б. Басангов. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 329 с.
- СГНЗС** – Словарь географических названий зарубежных стран / отв. ред. А. М. Комков. М.: Недра, 1986. 460 с.
- ХРС** – Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 636 с.

## References

- Dyachkov M. V., Leontiev A. A., Torsueva E. I.** Yazyk tok-pisin (neomelaneziiskii) [The language of tok-pisin (Neomelanesian)]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 73 p. (in Russ.)
- Filatova N. V.** Turisticheskii diskurs v ryadu smezhnykh diskursov: gibridizatsiya ili polifoniya? [Tourism discourse among adjoining discourses: hybridization or polyphony]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University], 2012, no. 3, pp. 41–46. (in Russ.)
- Foks K.** Nablyudaya za anglichanami [Watching the British]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2008, 512 p. (in Russ.)
- Golomidova M. V.** Nazvaniya zolotykh priiskov Urala kak chast' kul'turnogo kapitala territorii: lingvokul'turologicheskii aspekt [Naming of the goldfields of the Urals as part of the territory's cultural capital: lingual and culturological aspect]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University], 2015, vol. 21, no. 2, pp. 101–104. (in Russ.)
- Golomidova M. V.** Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta [Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: the city image in the dynamics of a toponymic text]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], 2023, vol. 14, no. 1, pp. 29–53. DOI 10.5922/2225-5346-2023-1-2. (in Russ.)
- Ibragimova Z. B.** Urbech – traditsionnyi dagestanskii produkt pitaniya [Urbech is a traditional Dagestan food product]. *ACTA HISTORICA: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvoznaniyu* [Acta Historica: the Writings on the History, Archeology, Ethnography and Social Studies], 2018, no. 1, pp. 34–37. (in Russ.)
- Katermina V. V.** Novye tendentsii v turisticheskoi diskurse (na materiale angliiskikh neologizmov) [The new tendencies in the tourist discourse (based on the English neologisms)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestia. Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological sciences], 2023, no. 2 (2), pp. 95–99. (in Russ.)
- Kiss I.** The persuasive discourse function in the language of tourism. *Argumentum*, 2018, vol. 14, pp. 150–162.
- Krivoshchapova Yu. A.** Regional'nye simvolyy Russkogo Severa: na materiale ustoichivyykh slovosochetanii s toponimicheskim komponentom [Regional symbols of Russian North: on material of collocations with toponymic component]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 11, pp. 93–105. DOI 10.24224/2227-1295-2017-11-93-105. (in Russ.)
- Krivoshchapova Yu. A.** Imena kamnei kak lingvokul'turnyi simvol Urala [Stone names: a linguocultural symbol of the Urals]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, no. 3, pp. 241–262. DOI 10.15826/vopr\_onom.2020.17.3.042. (in Russ.)
- Krysin L. P.** Zaimstvovannyye slova kak znaki inoi kul'tury [Borrowed words as signs of a different culture]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2007, no. 4, pp. 83–87. (in Russ.)
- Kupina N. A.** Ot goroda-zavoda k sovremennomu peredovomu gorodu: stilisticheskie primety i tsennostnye orientiry gazety “Vechernii Pervoural'sk” [From the town-plant to the modern progressive city: stylistic marks and value reference points of the newspaper “Vecherniy Pervouralsk”]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki, kul'tury* [Izvestia. Ural Federal University Journal], 2016, vol. 150, no. 2, pp. 13–25. (in Russ.)
- Luchinskaya S. Yu.** Zhurnaly-travelogi v usloviyakh globalizatsii media: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk [Travelogue magazines in the context of the globalization of media. Abstract of Thesis Cand. Filol. Sci.]. Krasnodar, 2009, 23 p. (in Russ.)
- Meluzzi C., Balsamo S.** The language of food and wine tourism on the web. In *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2021, no. 11(2), pp. 1–11. DOI 10.30935/ojcm/10821.

- URL : [https://www.researchgate.net/publication/350614925\\_The\\_Language\\_of\\_Food\\_and\\_Wine\\_Tourism\\_on\\_the\\_Web](https://www.researchgate.net/publication/350614925_The_Language_of_Food_and_Wine_Tourism_on_the_Web) (accessed 10.02.2024).
- Mityagina V. A., Novikova E. Yu., Charfaoui E., Opalkova J.** Linguistic brand management of tourist destination. *X Linguae Journal*, 2018, vol. 11, iss. 3, pp. 541–556. DOI 10.18355/XL.2018.11.02.44.
- Raevskaya M. M., Kiseleva L. N.** Ispanskaya gastronomicheskaya traditsiya kak element sotsiokul'turnoi identichnosti [The Spanish gastronomic tradition as an element of socio-cultural identity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Moscow University Bulletin. Ser. Linguistics and Intercultural Communication]*, 2015, no. 2, pp. 77–87. (in Russ.)
- Salim M. A. M., Mat Som A. P.** Shaping Tourist Destinations Through Language and Visual Elements on Tourism Websites A Tourism Discourse Perspective. *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, no. 7, pp. 364–369. DOI 10.14419/ijet.v7i4.34.26874.
- Shenkao G. Kh.** *Imya kak sotsiokul'turnyi fenomen: Avtoref. dis. ... dok. filol. nauk [Name as sociocultural phenomenon. Abstract of Thesis Doc. Philos. Sci.]*. Cherkessk, 2002, 35 p. (in Russ.)
- Thurlow C., Jaworski A.** Tourism discourse: Languages and banal globalization. *Applied Linguistics Review*, 2011, vol. 2, pp. 285–312. DOI 10.1515/9783110239331.285.
- Varfolomeeva Yu. N.** (2021). Imidzhevaya i navigatsionnaya funktsii tekstov gorodskoi sredy (na materiale ergourbonimov g. Ulan-Ude) [Image-Building and navigational functions of urban environment texts (by the material of Ulan-Ude ergourbonyms)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 2021, vol. 14, iss. 12, pp. 3758–3763. DOI 10.30853/phil20210613. (in Russ.)
- Zamyatin D. N.** Ponyatie geokul'tury : obraz i ego interpretatsiya [Geographical culture : its image and interpretations]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2002, no. 2, pp. 5–12. (in Russ.)

### List of dictionaries

- Bol'shoi russko-komi slovar' [Large Russian-Komi Dictionary]. Onlain slovari FU-Lab: leksikograficheskii resurs [FU-Lab online dictionaries: a lexicographic resource]. (in Russ., in Komi-Zyr.) URL: <https://dict.fu-lab.ru/about> (accessed: 01.04.2024).
- Bol'shoi russko-mariiskii slovar' [Large Russian-Mari dictionary]. Onlain slovari FU-Lab: leksikograficheskii resurs [FU-Lab online dictionaries: a lexicographic resource]. (in Russ., in Mari) URL: <https://dict.fu-lab.ru/about> (accessed: 06.03.2024).
- Bol'shoi udmurtsko-russkii slovar' [Large Udmurt-Russian dictionary]. Onlain slovari FU-Lab: leksikograficheskii resurs [FU-Lab online dictionaries: a lexicographic resource]. (in Udm., in Russ.) URL: <https://dict.fu-lab.ru/about> (accessed: 12.03.2024).
- Boyko T. P.** Bol'shoi karel'sko-russkii slovar' (livvikovskoe narechie) [Large Karelian-Russian dictionary (Livvikov dialect)]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2019, 351 p. (in Karel., in Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (ed.). Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p. (in Khak., in Russ.)
- Krysin L. P.** Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, EKSMO Publ., 2006, 944 p. (in Russ.)
- Mify narodov mira. Entsiklopediya. In 2 vols. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. S. A. Tokarev (ed.). Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1998, vol. 2. K–Ya, 720 p. (in Russ.)
- Muzykal'nyi entsiklopedicheskii slovar' [Musical Encyclopedic dictionary]. G. V. Keldysh (ed.). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 672 p. (in Russ.)
- Narody zarubezhnoi Evropy. Etnograficheskie ocherki. In 2 vols. [The peoples of foreign Europe. Ethnographic essays]. S. A. Tokarev, V. I. Kozlov, O. A. Gantskaya (eds.). Moscow, Nauka publ., 1965, vol. 2., 999 p. (in Russ.)

- Novyi entsiklopedicheskii slovar' [The new Encyclopedic Dictionary]. A. P. Gorkin (ed.). Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2000, 1456 p. (in Russ.)
- Russko-kalmytskii slovar' [Russian-Kalmyk dictionary]. B. B. Basangov (ed.). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1940, 329 p. (in Russ., in Kalm.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.** Buryatsko-russkii slovar'. In 2 vols. [Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010, vol. 1. A–N., 636 p. (in Buryat, in Russ.)
- Slovar' geograficheskikh nazvanii zarubezhnykh stran [Dictionary of geographical names of foreign countries]. A. M. Komkov (ed.). Moscow, Nedra Publ., 1986, 460 p. (in Russ.)
- Volkova G. I., Dementyev A. V.** Ispaniya. Uchebnyi ispansko-russkii lingvostranovedcheskii slovar'-spravochnik [Spain. Educational Spanish-Russian linguistic and cultural dictionary-reference]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006, 656 p. (in Span., in Russ.)

### Информация об авторе

**Ольга Александровна Селеменова**, доктор филологических наук, доцент  
Scopus Author ID 57204429956  
WoS Researcher ID B-6408-2018  
RSCI Author ID 513229  
SPIN 4731-7091

### Information about the Author

**Olga A. Selemeneva**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor  
Scopus Author ID 57204429956  
WoS Researcher ID B-6408-2018  
RSCI Author ID 513229  
SPIN 4731-7091

*Статья поступила в редакцию 02.06.2024;  
одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 09.08.2024*

*The article was submitted 02.06.2024;  
approved after reviewing 05.08.2024; accepted for publication 09.08.2024*

Научная статья

УДК 81:82-2

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-46-57

## Madonna Mia... Идеал возлюбленной в раннем творчестве О. Уайльда

Татьяна Валерьевна Бобылева

Независимый исследователь, Новосибирск, Россия

bobylevatv2024@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0369-1631>

### Аннотация

Актуальность работы связана с тем, что анализ русских персонажей в мировой художественной литературе, безусловно, представляет определенный научный интерес. Целью исследования является раскрытие того, как образы героинь двух первых пьес О. Уайльда – Веры Сабуровой и герцогини Падуанской – воплощают вдохновенный творчеством Д. Алигьери сакральный идеал *мадонны* (возлюбленной-госпожи). Для этого на материале «Новой жизни» Д. Алигьери выделены 4 основных признака: «Сакральность», «Вечность», «Нравственная чистота», «Благородство (включая Любовь-милосердие)». Проведен качественный и количественный анализ примеров их репрезентации в образах Веры Сабуровой и герцогини Падуанской. Установлено, что в ранней драматургии О. Уайльда женщина является своего рода ангелом-хранителем (проводником) между мужчиной и Богом. Ее сострадание к герою перерастает в инстинктивную материнскую нежность и самоотверженную любовь, что показывает способность на глубокую преданность. В исследовании сделан вывод о том, что образы русской крестьянки Веры Сабуровой и падуанской герцогини Беатриче могут рассматриваться как две специфические интерпретации вдохновенного поэтикой Д. Алигьери идеала *мадонны*. Миссией и экзистенциальной функцией данного идеала является сохранение и укрепление связи между Сакральным, Вечным, Нравственно Чистым и искусством художника, его мировоззрением. В работе вводится в научный оборот понятие *русская мадонна О. Уайльда*. Под этим определением подразумевается семантически насыщенный образ Веры Сабуровой, в котором вдохновенный поэтикой Д. Алигьери идеал возлюбленной-госпожи органично сочетается с ментальными чертами женских портретов из русской истории, народной культуры и литературы (произведений И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова) современного О. Уайльду века. Вероятно, автор познакомился с русской литературой еще в ранней юности благодаря своей матери Леди Уайльд (Сперанца), которая переводила на английский язык стихи А. С. Пушкина. Работа открывает перспективы для дальнейшей переоценки места Веры Сабуровой в художественном мировоззрении автора. Исследование позволяет расширить представления о влиянии русской культуры на мировую художественную литературу.

### Ключевые слова

Алигьери, Беатриче, Данте, «Новая жизнь», Оскар Уайльд

### Для цитирования

Бобылева Т. В. Madonna Mia... Идеал возлюбленной в раннем творчестве О. Уайльда // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 46–57. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-46-57

© Бобылева Т. В., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 1

## Madonna Mia... The Ideal of Beloved Lady in Oscar Wilde's Early Work

Tatyana V. Bobyleva

Independent Researcher,  
Novosibirsk, Russian Federation

bobylevatv2024@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0369-1631>

### Abstract

The analysis of Russian characters in the world's literature is of special interest to researchers. The relevance of the work is also related to the fact that Oscar Wilde's early plays have not been studied well enough. The purpose of the paper is to reveal how the sacred ideal of *madonna* (beloved lady) inspired by D. Alighieri's work is incarnated by the female protagonists of Oscar Wilde's two earliest plays Vera Sabouroff and the duchess of Padua. For this purpose, four main features (based on *Vita Nuova* by D. Alighieri) were selected: Sacredness, Eternity, Moral Purity, and Nobility (including Compassionate Love). Qualitative and quantitative analyses were used to explore their representation in the images of Vera Sabouroff and the duchess of Padua. It has been revealed that in Oscar Wilde's earliest plays the woman represents a sort of guardian angel and mediator between man and God. Her compassion grows into instinctive maternal tenderness and self-abnegating love, which shows capacity for intense devotion. It has been concluded that the images of Russian peasant Vera Sabouroff and Paduan duchess Beatrice can be considered as two special interpretations of the *madonna* ideal inspired by D. Alighieri. The mission and existential function of this ideal is to preserve and strengthen the connection between the Divine, Eternal, Morally Pure, the artist's work and his worldview. The paper introduces the concept of *Oscar Wilde's Russian madonna*. The definition comprises Vera Sabouroff's semantically rich image which harmoniously combines the sacred ideal of beloved lady (inspired by D. Alighieri's work) and mental traits of female portraits from the 19th century Russian history, folklore, and literature (namely, from the works by Fyodor M. Dostoevsky, Ivan S. Turgenev, Alexander S. Pushkin, and Nikolay A. Nekrasov). The author probably became acquainted with Russian literature in his adolescence thanks to his mother Lady Wilde (Speranza), who had translated into English Alexander S. Pushkin's poems. The paper opens up prospects for further re-evaluation of Vera Sabouroff's place in Oscar Wilde's artistic worldview. The research broadens our understanding of the Russian culture influence on the world's literature.

### Keywords

Alighieri, Beatrice, Dante, Vita Nuova, Oscar Wilde

### For citation

Bobyleva T. V. Madonna Mia... The Ideal of Beloved Lady in Oscar Wilde's Early Work. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 46–57. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-46-57

## Введение

**Актуальность** исследования связана с тем, что анализ русских персонажей в произведениях зарубежных авторов, безусловно, представляет определенный научный интерес. Согласно нашей концепции, образ русской девушки Веры Сабуровой – это не случайный и малозначимый эксперимент в творчестве О. Уайльда, а важный элемент его ранней поэтики. Общепринятая интерпретация героини как «нигилистки» представляется не вполне справедливой. Как имплицитно подчеркивает О. Уайльд, деструктивная идеология нигилизма играет лишь негативную роль в жизни человека и противоречит истинной природе Веры. В рамках изложения концепции о значимости этой героини в творчестве О. Уайльда нами запланирована серия статей. На наш взгляд, чтобы раскрыть подлинную глубину данного женского образа, необходимо осмыслить его, в первую очередь, как идеал возлюбленной – поэтический по своей сущности и обладающий сложной многоаспектной семантикой.

**Целью** исследования является раскрытие того, как образы героинь двух первых пьес О. Уайльда – Веры Сабуровой и герцогини Падуанской – воплощают вдохновенный творчеством Д. Алигьери сакральный идеал возлюбленной, чувства к которой устремлены в бессмертие и вечность.

Именно образ Веры Сабуровой является хронологически первым (из двух рассматриваемых) и наиболее актуальным для нашего исследования ввиду связи с русской лингвокультурой и вышеуказанной концепцией. При этом сопоставление Веры с Беатриче из «Герцогини Падуанской» представляется также необходимым, поскольку последняя создана под более явным влиянием творчества Д. Алигьери. Мы будем называть ее в основном герцогиней Падуанской для удобства читателя, чтобы избежать возможной путаницы между Беатриче Д. Алигьери и Беатриче О. Уайльда.

В случае «Герцогини Падуанской» влияние Д. Алигьери заметно уже на формальном уровне через некоторые связанные с его биографией и творчеством имена собственные (Беатриче, Симоне, Гвидо, Кавальканти, Римини, Малатеста), а в пьесе о Вере Сабуровой оно, как мы предполагаем, более имплицитно. Это заслуживает особого изучения, поскольку может помочь раскрыть новые, ранее неизвестные грани русской героини О. Уайльда.

Для достижения цели поставлены 2 основные задачи:

1) исходя из содержания произведения «Новая жизнь» Д. Алигьери, определить, какие именно аспекты идеала возлюбленной и высокодуховной любви следует принять в качестве изучаемых признаков;

2) провести качественный и количественный анализ примеров их репрезентации в образах Веры Сабуровой и герцогини Падуанской.

**Материал** исследования: произведение Д. Алигьери “Vita Nuova” («Новая жизнь»), пьесы О. Уайльда “Vera; or, the Nihilists” («Вера или нигилисты») и “The Duchess of Padua” («Герцогиня Падуанская»). В издании, на которое мы опираемся, первая из этих пьес опубликована под названием “Vera” («Вера») [Wilde, 2007b]. **Методы** исследования: целенаправленная выборка, анализ семантики, качественный, количественный и сравнительный анализ языкового материала, обобщение, интерпретация.

Исходя из содержания произведения Д. Алигьери «Новая жизнь», нами выделены для следующего анализа 4 признака: «Сакральность» и «Вечность» как свойства образа возлюбленной, любви в целом и окружающего их контекста, «Нравственная чистота» как свойство возлюбленной и результат его воздействия на героя, а также «Благородство (включая Любовь-милосердие)» как важный аспект личности женщины, определяющий ее отношение к избраннику и окружающим.

Приняты следующие критерии для оценки соответствия примеров вышеуказанным признакам. «Сакральность»: принадлежность Богу; сакральный, священный характер (в том числе мест, чисел и др.). «Вечность»: нетленность; бессмертие; возрождение; непреходящий характер. «Нравственная чистота»: скромность; невинность; духовное очищение. «Благородство (включая Любовь-милосердие)»: благородное, великодушное поведение героини, ее страдание по отношению к возлюбленному и другим людям, забота о них.

Отметим, что влияние христианства и поэтики Д. Алигьери на мировоззрение и творчество О. Уайльда, очевидно, закреплялось в ходе его общения со своим преподавателем Дж. Рёскиным. Он считал итальянского поэта одним из величайших мастеров [Рёскин, 2022. С. 510] и подчеркивал, что искусство призвано показывать «истинный образ благородного человеческого существа» [Там же. С. 489], совершенствуя религиозные и нравственные чувства [Там же. С. 503].

Влияние Д. Алигьери на мировоззрение О. Уайльда было неразрывно связано с духовными поисками. Судя по переписке и произведениям О. Уайльда, поиск Бога в его жизни был глубоко личным, по-детски робким и нередко скрытым от окружающих под маской внешне обманчивой (иногда жесткой) иронии. Считать мысли о Боге всего лишь «позой» автора или декоративным по функции элементом его эстетической системы можно лишь при неполном осознании (либо незнании) всей совокупности пережитых писателем утрат. О. Уайльд потерял всех близких: родную сестру (1867 г.), двух единокровных сестер (1871 г.), отца (1876 г.), единокровного брата (1877 г.), мать (1896 г.), жену (1898 г.), обоих сыновей (их забрали к себе

ее родственники) и родного брата (1899 г.). Как человек и художник О. Уайльд находился в сложных отношениях с Богом, но никогда не переставал его искать. На протяжении всей жизни писатель перечитывал произведения Д. Алигьери, символически пройдя через рай (поэтическое ожидание идеальной возлюбленной), ад (боль от потери всех родных) и чистилище (не прекратившийся поиск Бога и крещение за несколько часов до смерти). Однако, в отличие от Д. Алигьери, О. Уайльд так и не встретил свою Беатриче, которая после всех кругов земных мук возродила бы его к новой жизни...

### 1. Идеал *мадонны* как возлюбленной-госпожи в «Новой жизни» Д. Алигьери

Вкратце охарактеризуем, как в произведении итальянского поэта раскрываются аспекты, выделенные нами в качестве основных признаков для анализа.

**1.1. Сакральность.** Д. Алигьери назвал свое произведение «Новая жизнь», поскольку любовь к Беатриче стала для него источником духовного обновления. Возлюбленная воплощала для поэта гармонию Вселенной, совершенствуя его нравственные качества и укрепляя веру в Бога. Автор искал подтверждения сакральности происходящих в его душе метаморфоз не только в образе возлюбленной, но и в окружающем мире, обращая внимание на священные символы: числа и др.

**1.2. Вечность.** Для Д. Алигьери уход возлюбленной из земного мира подобен померкшему солнцу и плачущим звездам [Alighieri, 1872. P. 29]. Это сравнение очень экспрессивно, поскольку погружение во мрак вечного (с точки зрения человека) светила равнозначно гибели всего мира. Утешением для поэта является надежда на бессмертие Беатриче.

**1.3. Нравственная чистота.** Для Д. Алигьери возлюбленная воплощает идеал нравственной красоты – духовную чистоту. Через это ее качество автор «Новой жизни» ощущает связь с Богом.

**1.4. Благородство (включая Любовь-милосердие).** Д. Алигьери неоднократно пишет о силе сострадания. Автор выражает робкую надежду на то, что если бы Беатриче знала о его чувствах, то испытывала бы к нему, по крайней мере, сильную жалость. Благородная сущность возлюбленной пробуждает в душе Д. Алигьери возвышенные чувства: милосердие, желание прощать обиды и др.

### 2. Зарождение идеала *мадонны* как возлюбленной-госпожи в поэзии О. Уайльда

В произведениях О. Уайльда присутствуют отсылки к биографии и творчеству Д. Алигьери. Так, в стихотворении “Flower of Love” (вероятно, посвященном бывшей невесте Ф. Бэлкомб) О. Уайльд сопоставляет себя и возлюбленную с Данте и Беатриче. Еще одним подтверждением влияния поэтики Д. Алигьери на образ женщины в творчестве О. Уайльда может служить стихотворение “Madonna Mia”. В своем поэтическом сборнике [Wilde, 1881. P. 53] автор поместил его после произведения “Vita Nuova” (заголовок которого отсылает к «Новой жизни» Д. Алигьери) в раздел “Rosa Mystica”. «Мистическая Роза» – это одно из имен Мадонны (Богоматери). Наряду с элементами, характерными для ее сакральных (скульптурных и др.) изображений, такими как печальные глаза и бледный лик, в стихотворении “Madonna Mia” есть важная деталь: упоминание о трепещущей сквозь бледный «мрамор» шеи вены. Это показывает, что речь идет о живой, земной девушке, чья целомудренная сущность и явная печаль побуждают О. Уайльда сопоставить ее с Мадонной (Богоматерью), а также назвать в заголовке своей мадонной, т. е. возлюбленной, возведенной в статус госпожи, как это делал по отношению к Беатриче Д. Алигьери.

Наряду с прямым упоминанием Данте и Беатриче в стихотворении нетрудно обнаружить свидетельства того, что в раннем творчестве О. Уайльда находили свой отклик выделенные нами выше аспекты идеала возлюбленной, вдохновленные поэтикой Д. Алигьери. Это **сакральность** (“*Madonna*”, “*the seventh Crystal*”, “*the Stair of Gold*”), **вечность** (“*my lips shall praise her without cease*”), **нравственная чистота** (“*lily-girl*”, “*not made for this world’s pain*”, “*pale cheeks whereon no love hath left its stain*”, “*red underlip drawn in for fear of love*”).

Мы полагаем, что возвышенный идеал мадонны как возлюбленной-госпожи, вдохновленный произведениями Д. Алигьери и отраженный в стихотворении “*Madonna Mia*”, получил дальнейшее развитие (а также собственную, специфическую интерпретацию) в первых пьесах О. Уайльда.

### 3. Результаты количественного анализа

Общее количество рассмотренных на материале пьес примеров: «Вера» – 517, «Герцогиня Падуанская» – 1400. В качестве примеров учитывались как одиночные лексемы, так и семантически значимые группы – словосочетания (эпитет + существительное и др.) или высказывания, в которых присутствуют действие, субъект, объект и (при наличии) обстоятельства, т. е. микроконтекст в целом.

Соотношение признаков на материале пьесы «Вера»: «Сакральность» – 18,8 % (97), «Вечность» – 6 % (31), «Нравственная чистота» – 6,2 % (32), «Благородство (включая Любовь-милосердие)» – 69 % (357).

Соотношение признаков на материале пьесы «Герцогиня Падуанская»: «Сакральность» – 15,3 % (214), «Вечность» – 7,5 % (105), «Нравственная чистота» – 6,2 % (87), «Благородство (включая Любовь-милосердие)» – 71 % (994).

Признак «Благородство (включая Любовь-милосердие)» закономерно является доминирующим, поскольку в обеих пьесах преобладает лексика из «земной», практической сферы жизни. При этом на втором месте находится «Сакральность». Обращает на себя внимание равный показатель признака «Нравственная чистота»: 6,2 % в обоих случаях.

### 4. Результаты качественного анализа

#### 4.1. Вера Сабурова

**4.1.1. Сакральность.** Для передачи возвышенного статуса своей русской героини в качестве идеала возлюбленной О. Уайльд, видимо, выбрал и соответствующее имя – *Вера*. Оно отличается насыщенной и символической семантикой, в которой выделяется **сакральный** аспект, близкий теме христианства. В этом смысле *Вера* не уступает *Беатриче* (от лат. ‘благословенная’, ‘блаженная’, ‘счастливая’). Мы полагаем, что О. Уайльд мог знать о значениях некоторых русских слов (в том числе лексемы *вера*) еще с юности. В 1864 г., когда автору было около 10 лет, вышел в печать сборник стихотворений его матери. Издание включало в себя ее переводы с различных языков, в частности, русского: “*The Waiwode*”, “*Budris and His Sons*”, “*A Servian Song*”, “*Constancy*” [Speranza, 1864. P. 153–155, 159–161, 166–167, 168]. В сборнике Леди Уайльд 1864 г. указан лишь язык оригиналов, однако нетрудно установить, что они принадлежат А. С. Пушкину<sup>1</sup>. Это, соответственно: «Воевода», «Будрыс и его сыновья», «Конь», «Ворон к ворону летит...». Итак, О. Уайльд с юности мог видеть в библиотеке родителей не только сборник(и) поэзии А. С. Пушкина, но и русско-английские словари, очевидно, вклю-

<sup>1</sup> Интерес Леди Уайльд к А. С. Пушкину мог быть обусловлен не только статусом великого русского поэта, но также некоторым вниманием, которое он проявил к произведению ее дяди Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» (см. «Мельмот, бродяга мрачный...» в «Евгений Онегин»).

чавшие лексему *vera* (в дореформенной орфографии) как обозначающую одну из фундаментальных **духовных** категорий.

Автор высоко отзывался о мастерстве Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого в своей рецензии на роман «Униженные и оскорбленные», где сравнил героиню последнего Наташу с Антигоной и Федрой [Уайльд, 2003. С. 330]. Иными словами, **О. Уайльд обращал внимание на характерную для русской литературы глубину женских образов**. Это свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что Вера Сабурова – это семантически насыщенный, многогранный портрет русской женщины.

В отзыве на роман «Униженные и оскорбленные» О. Уайльд отметил и способность Сони в «Преступлении и наказании» вести грешника к покаянию [Там же. С. 329]. Это значит, что **роль женщины в качестве проводника мужчины на пути к Богу привлекала внимание О. Уайльда**.

Появление Веры Сабуровой в первом акте после произнесения слов *per crucem ad lucem* ('через крест к свету') свидетельствует в пользу понимания ее образа как **возвышенного**. Высокодуховная природа Веры маркирована в пьесе сменой трех символических **сакральных** статусов, обозначенных с помощью лексем *priest, priestess, votaress*.

Так, в прологе сущность и облик героини сопоставляются со строгостью священника (*as solemn as a priest*). От природы ответственное отношение Веры к долгу и ее сочувствие несчастьям окружающих нигилисты стремятся использовать в деструктивном смысле, навязывая ей сомнительную роль «жрицы свободы» (*the priestess of liberty*). Однако вместо этого Вера избирает путь человечности: она отвечает на чувства героя и превращается, по его словам, в *votaress* ('священнослужительницу') любви. Природная сострадательность героини переходит в **духовное служение Любви**. В этой миссии Вера идет до конца. Она отдает свою жизнь, чтобы спасти возлюбленного: самопожертвование ради ближних является христианской добродетелью.

**4.1.2. Вечность.** Как и в «Новой жизни» Д. Алигьери, в первой пьесе О. Уайльда отсутствие героини для ее возлюбленного равнозначно исчезновению солнца и света: "...not to see her! the light seems to have gone from my life, the sun vanished from my day" [Wilde, 2007b. P. 403] («...не видеть ее! кажется, свет ушел из моей жизни, солнце исчезло из моего дня»).

В соответствии с образом померкнувшего солнца, символизирующим уход Беатриче в произведении Д. Алигьери, О. Уайльд использует метафору восхода этого светила для обозначения прихода возлюбленной. Так, пробужденный появлением Веры Алексей говорит о том, что в своем совершенстве она дважды превосходит облаченное в золотые одежды утреннее солнце (*the golden-vestured morning sun*). Поскольку оно периодически начинает новый цикл жизни, данное сопоставление привносит в образ русской героини О. Уайльда как идеальной возлюбленной нюанс метафорического уподобления солнцу как символу **возрождения (бессмертия)** [Бобылева, 2024. С. 87]. О **возрождении** человеческого духа под влиянием любви свидетельствуют слова Веры и ее возлюбленного о наступившей, наконец, жизни (*life at last*) и упоминание 3 дней (символически период от смерти до воскрешения?), в течение которых герою не хватало Веры. Символическое **бессмертие** истинной любви наиболее красноречиво выражено в пьесе словами героини "*There is no such thing as death*" [Wilde, 2007b. P. 405] («Смерти нет») и ответом ее возлюбленного "*There shall not be for us*" [Ibid.] («Для нас ее не будет»).

**4.1.3. Нравственная чистота.** Это свойство русской героини О. Уайльда связано с ее благородством и состраданием (см. ниже) и акцентировано в аспекте целомудрия. В прологе пьесы отмечается, что облику Веры свойственна строгость священника. Видимо, автор подразумевал некоторое сходство с серьезным и целомудренным образом монахини. Вера сопротивляется любви почти на физическом уровне: вырывает свои ладони из рук возлюбленного и др. [Бобылева, 2024. С. 88]. Подобное поведение можно соотнести со «страхом любви» целомудренной мадонны из стихотворения О. Уайльда (см. "*red underlip drawn in for fear of love*").

Примечательно, что в пьесе Вера произносит лишь ту часть клятвы нигилистов, которая связана с безбрачием (а не жестокостью). Очевидно, по замыслу автора клятва Веры как сюжетный элемент должна чем-то напоминать монашеский обет. Особенно драматичным представляется тот факт, что в наложенном на себя героиней обете безбрачия нет никакой необходимости. Не имея под собой достойного обоснования (в отличие, например, от монашеского призвания), это решение лишь угрожает напрасно загубить ее жизнь.

В финале Вера, наконец, перестает подавлять свою женскую сущность (“*Oh, I am a woman!*”) и признает, что любит (“*I love.*”). Точка после глагола *love* акцентирует психологически достоверный нюанс: вместо признаний в любви Вера погружена в саморефлексию. Ранее она сама отказала себе в возможности когда-либо любить и быть любимой и почти примирилась с этой участью. Теперь же само состояние, выраженное глаголом *love*, оказывается настолько новым и важным для неискушенной девушки, что затмевает и даже вытесняет из ее рассуждения выражаемое местоимением *you* упоминание о человеке, на которого направлено чувство.

**4.1.4. Благородство (включая Любовь-милосердие).** Вера, отказавшая себе в возможности когда-либо стать женой и матерью, неизбежно видит в герое не только возлюбленного, но и ребенка. В этом проявляется психологическая достоверность образа Веры Сабуровой. Ее любовь к герою и тревога за него сливаются с нерастраченной материнской нежностью, превращаясь в единое и глубокое благородное чувство. Девушка называет его лицо по-мальчишески живым (*bright boyish face*), а его самого неоднократно – мальчиком (*boy*). При этом Вера также думает о чувствах женщины, которой ее возлюбленный приходится сыном, пытаясь уговорить героя не рисковать собой и вернуться к матери.

Очевидно, возлюбленный Веры чувствует ее по-матерински нежное, покровительственное отношение и поэтому апеллирует именно к нему, объясняясь в любви: “*I am only a boy who has loved you...*” [Wilde, 2007b. P. 405] («Я лишь мальчик, который полюбил тебя...»).

В «Новой жизни», остро нуждаясь в сострадании Беатриче, Д. Алигьери погружается в сон (в котором видит посланника небес). В последних актах двух своих первых пьес О. Уайльд также использует мотив сна, однако, наоборот, с пробуждением. При этом герой видит не некий призрачный образ, а саму пришедшую возлюбленную. В первой рассматриваемой пьесе Алексей изумленно восклицает: “*Vera, you here! My dream was no dream at all!*” [Ibid. P. 404] («Вера, ты здесь! Моя греза вовсе не была грезой!»). Так О. Уайльд сопоставляет характерный для Д. Алигьери мотив сна (чудесного видения) и потребности в сострадании возлюбленной с реальным ощущением ее присутствия и нежности. В последнем акте Вера жертвует собой, чтобы спасти возлюбленного: ее сострадание и любовь к нему достигают своего пика.

Нерастраченная и по-матерински отзывчивая сострадательность Веры распространяется также на ее брата, каторжан и др. Как отмечается в пьесе, она всегда думает о других (*Vera is always thinking of others*).

## 4.2. Герцогиня Падуанская

**4.2.1. Сакральность.** Примечателен возвышенный характер исходного хронотопа: действие пьесы начинается в **священное** время (день Святого Филиппа) и в **сакральном** месте (у собора и церкви Святого Креста). Иными словами, как и в случае Веры, появлению герцогини предшествует отсылка к кресту как **духовному** символу.

Примечательно также, что будущий избранник впервые видит героиню у собора под звуки органа. Позже она обращается с мольбой о помощи к **сакральному** образу Мадонны. Объясняясь герцогине в своих чувствах, герой называет ее *dear saint* (‘милая святая’). Отметим, что это дословное обозначение Беатриче в конце выполненного Т. Мартином английского перевода «Новой жизни» [The Vita Nuova of Dante, 1871. P. 81], который мог быть доступен О. Уайльду. При этом в заключении итальянского оригинала вместо *dear saint* используется

*questa benedetta* ('эта благословенная'). Таким образом, О. Уайльд, возможно, был вдохновлен именно переводом Т. Мартина.

Избранник герцогини также называет ее *my lady*. Это буквальный перевод слова *madonna* (от итал. 'моя госпожа').

Как и Вера, герцогиня Падуанская символически наделена тремя **сакральными** статусами. Любовь побуждает ее сравнить себя с паломницей (*pilgrim*), а возлюбленный называет ее святой (*saint*) и неоднократно ангелом (*angel*), с которым в «Новой жизни» сопоставляется Беатриче [Alighieri, 1872. P. 2, 37]. О. Уайльд подчеркивает роль возлюбленной как ангела-хранителя (*angel of my life*).

Выступая в качестве **своего рода проводника между героем и Богом**, герцогиня приводит избранника к пониманию того, что даже совершившие тяжкий грех способны любить, а самоотверженная любовь ведет к очищению души (что напоминает роль Сони в «Преступлении и наказании», отмеченную О. Уайльдом несколько лет спустя).

Еще один сакральный символ – звон колокола, который звучит перед первой встречей главных героев и самопожертвованием герцогини в финале.

**4.2.2. Вечность.** В поэтике Д. Алигьери (см. последнюю строку «Божественной комедии») любовь движет даже солнцем. Именно она руководит и поступками героинь обеих пьес О. Уайльда, которые являются символическими воплощениями **вечного** светила. Появление герцогини вызывало у детей улыбку, поскольку она приносила с собою солнечный свет ("You whom the little children laughed to see / Because you brought the sunlight where you passed").

Как и в «Новой жизни» Д. Алигьери, в пьесе О. Уайльда уход любимого человека из земного мира сопоставляется с померкнувшим светилом. Герцогиня Падуанская опасается, что гибель Гвидо будет подобна погружению во мрак солнца, звезд и луны. Чтобы спасти возлюбленного, героиня отдает свою жизнь. Тяжесть утраты побуждает Гвидо призвать звезды погасить свое сияние в слезах, что совпадает с образом звезд, оплакивающих уход Беатриче в «Новой жизни» Д. Алигьери.

Имя *Беатриче*, заимствованное, скорее всего, из произведений Д. Алигьери, в пьесе О. Уайльда символически указывает на **бессмертие** возлюбленной и чувств героя к ней. Последний провозглашает свою любовь **вечной** (...*Yet is my love eternal!*) и выражает надежду вновь встретиться с героиней в ином мире (*we shall meet again*).

**4.2.3. Нравственная чистота.** Из письма О. Уайльда актрисе М. Андерсон известно, что он планировал назвать герцогиню Падуанскую *Bianca* [Wilde, 1962. P. 127] (*Бьянка* – итал. 'белая'). Вероятно, первоначально автор намеревался подчеркнуть именно чистоту идеала возлюбленной, что соответствует описанию Беатриче в «Новой жизни» (*si pura* – 'такая чистая' [Alighieri, 1872. P. 22]). По отношению к герцогине в пьесе неоднократно используются эпитеты *white* и *pure*, а также их синонимы: *white and spotless angel*, *pure loveliness*, *white angel of God's purity*, *your soul was pure* и др.

В отличие от образа Веры тема нравственной чистоты возлюбленной в «Герцогине Падуанской» акцентируется не в аспекте стойкого целомудрия, а в соответствии с идеей о другой христианской добродетели: духовном очищении через искупление злодеяния посредством самопожертвования. Покидая земной мир, героиня спрашивает, сможет ли любовь "отмыть" ее "багряные" грехи (*scarlet sins*) до "снежной" белизны – этот символ чистоты и невинности, очевидно, должен был ассоциироваться с изначально запланированным именем *Бьянка*.

Эпитет *white* и сравнение со снегом перекликаются с жемчужной бледностью возлюбленной Д. Алигьери [Alighieri, 1872. P. 22, 48] как символом духовной чистоты, семантикой Снегурочки в образе Веры Сабуровой [Бобылева, 2024. С. 86–87], а также бледностью мадонны из стихотворения О. Уайльда "Madonna Mia".

**4.2.4. Благородство (включая Любовь-милосердие).** В несчастливом браке героиня не имеет детей. В ней так же, как в Вере, живет не находящее выхода стремление о ком-нибудь заботиться.

Поскольку психологически достоверный нюанс нерастраченной и по-матерински нежной сострадательности присутствует в обеих пьесах, можно предположить, что эта черта образа возлюбленной с точки зрения О. Уайльда имела большое значение.

При этом в пьесе «Герцогиня Падуанская» акцентируются те составляющие физического облика женщины, с которыми связаны проявления ее сострадания и материнской отзывчивости – это глаза и руки. Так, героиня с нежностью смотрела на побитое животное (*whose little eyes grew tender over a whipt hound*) и ласково проводила пальцами по волосам возлюбленного (*that I may run my fingers through your hair*). Примечательно, что этот покровительственный жест позже повторится в образах Сибил («Портрет Дориана Грея») и Сесили («Как важно быть серьезным»).

В «Новой жизни» Д. Алигьери погружается в сон в слезах, словно дитя [Alighieri, 1872. P. 10]. В финале пьесы «Герцогиня Падуанская» спящий герой также сравнивается с ребенком. Материнская нежность возлюбленной к нему проявляется в словах: “*How peacefully here he sleeps, / Like a young schoolboy tired out with play*” [Wilde, 2007a. P. 472]. Экспрессивность семантики входящей в состав лексемы *schoolboy* морфемы *boy* усиливается с помощью определения *young*, что подчеркивает беззащитность сопоставляемого с ребенком возлюбленного. Склоняясь над спящим героем (*bending over him*), что выглядит по-матерински покровительственно, герцогиня произносит: “*Poor boy...*” [Ibid.]. Так снова акцентируется семантика *boy*. В этот раз ее экспрессивность усиливается с помощью определения *poor*. Герцогиня вновь сравнивает избранника с мальчиком, говоря о необходимости спасти его жизнь (*boyish life*). Как и в случае Веры, сострадание и любовь героини находят свое наивысшее выражение в самопожертвовании.

Благородство и милосердие герцогини также выражаются в том, что она сочувствует обделенным жителям Падуи и берет их под свое покровительство.

### Заключение

В работе решены поставленные задачи, достигнута цель исследования.

Подводя итог, мы приходим к выводу о том, что образы русской крестьянки Веры и падуанской герцогини Беатриче могут рассматриваться как две специфические интерпретации вдохновленного поэтикой Д. Алигьери идеала мадонны (возлюбленной-госпожи). При этом их объединяет следующее.

1. Под влиянием поэтики Д. Алигьери в ранней драматургии О. Уайльда **возлюбленная является своего рода ангелом-хранителем (проводником) между женщиной и Богом**. Это подчеркивается ее символическими сакральными статусами в любви: «паломница» (*pilgrim*), «священнослужительница» (*votress*), «ангел» (*angel*), «святая» (*saint*). Как отмечает сам О. Уайльд устами избранника герцогини Падуанской, **миссия женщин** заключается в том, чтобы с помощью своей любви **спасать души мужчин** (“*it is women’s mission by their love / To save the souls of men...*” [Ibid. P. 444]). Эта миссия соответствует духовному предназначению Беатриче в качестве мадонны как возлюбленной-госпожи в «Новой жизни» Д. Алигьери.

2. Под влиянием Д. Алигьери О. Уайльд в начале творческого пути воспевае **нравственную чистоту возлюбленной**, чувствуя, что именно это ее качество может служить **духовным ориентиром**, обеспечивающим столь необходимую для **истинного художника связь с сакральным и вечным**.

3. В отличие от «Новой жизни» Д. Алигьери **мысль о сострадательном отношении возлюбленной к герою получает у О. Уайльда заметно большее развитие**. Потребность мужчины в материнской нежности возлюбленной, очевидно, является глубоко личным оттенком романтического чувства в мировоззрении О. Уайльда. Поскольку автор был сравнительно поздним ребенком, Леди Уайльд была несколько старше обычного возраста матери молодого

человека. Писатель относился к ней с большим почтением, однако, осознавая ее уязвимость, не всегда делился переживаниями и горечью утрат (см. введение). Очевидно, поэтому в представлении О. Уайльда об идеальной возлюбленной нашла отражение потребность в понимании и заботе. В двух первых пьесах автора героиня даже называет избранника мальчиком (*boy*), что совпадает с самоидентификацией О. Уайльда в стихотворении “*Flower of Love*”, где он сравнивает себя и возлюбленную с Данте и Беатриче.

Инстинктивная материнская нежность Веры и герцогини Падуанской воплощает, с одной стороны, **любовь земную** (реальную заботу о возлюбленном), а с другой – **любовь небесную** (связь с сакральным миром через образ Мадонны-Богоматери). О. Уайльд сам акцентирует **материнство как священное по своей сущности свойство женщины** в пьесе «Герцогиня Падуанская», отсылая к образам Мадонны: “*Raphael, whose Madonnas are divine / Because they are mothers merely*” [Ibid. P. 432] («Рафаэль, чьи Мадонны божественны, / Просто потому что они матери»).

В ранней драматургии О. Уайльда **материнская нежность** (как проявление любви непорочного свойства) **органично дополняет нравственную чистоту сакрального идеала** мадонны как возлюбленной-госпожи, вдохновленного поэтикой Д. Алигьери.

**Сострадание** избранницы акцентируется как **высокодуховная сила, питающая любовь**: в финале обеих пьес оно становится для героев О. Уайльда утешением в минуты смертельной опасности и своего рода чудесным видением после сна – прекрасным наваждением на границе жизни и забытья, что перекликается с мотивами «Новой жизни».

Обобщая результаты данного и предыдущего исследований, мы приходим к следующему заключению. Вера Сабурова для молодого О. Уайльда, как Беатриче для Д. Алигьери, могла воплощать глобальный символ – многогранный в своем семантическом богатстве идеал женщины.

Вера Сабурова – это **русская мадонна О. Уайльда**: органичное сочетание вдохновленного поэтикой Д. Алигьери идеала возлюбленной-госпожи с ментальными чертами женских портретов из русской истории, народной культуры и литературы (произведений И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова) современного автору века. Ранее [Бобылева, 2024] мы уже рассмотрели, как в образе Веры раскрывается самоотверженная отзывчивость жен декабристов, внешняя холодность и внутренняя нежность Снегурочки, строгость и пламенное сердце Татьяны Лариной, неприступность Анны Одинцовой и величественность некрасовской крестьянки.

Герцогиня Падуанская в качестве мадонны как возлюбленной-госпожи более близка (в силу специфики хронотопа) к традиционным представлениям о Прекрасной Даме. При этом с помощью образа герцогини акцентируется ценность и глубокая мудрость христианской философии духовного очищения через искупление греха.

**Новизна** результатов связана с тем, что героиням первых пьес О. Уайльда обычно уделяется сравнительно мало внимания. Женские образы в его творчестве изучаются преимущественно в аспектах анализа гендерных ролей ([Bose, 1999] и др.), эмансипации и протофеминизма ([Weber, 2020] и др.). Женские персонажи О. Уайльда редко рассматриваются с точки зрения их поэтичности, хотя этот ракурс представляется логичным, учитывая изящный стиль автора. **Значимость** результатов также связана с актуальностью изучения русских персонажей в зарубежной литературе.

Результаты позволяют подвергнуть сомнению распространенное мнение о том, что в произведениях О. Уайльда чувствуется его негативное отношение к женщинам (см. например: [Валова, 2013. С. 87] и др.). Видимо, в ранних пьесах оно является положительным: образу возлюбленной приписываются конкретные качества – нравственная чистота, выраженная забота о других, по-матерински чуткая нежность, самоотверженность.

Примечательно, что О. Уайльд связывал подобные черты именно с русским менталитетом: вероятно, под влиянием переводов произведений Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и др. Яв-

ляясь более поздним по времени создания, образ герцогини Падуанской до некоторой степени дублирует сущность русской крестьянки Веры (забота о других с первых минут своего появления, нерастраченная материнская нежность, самопожертвование с целью спасти избранника).

Женская самоотверженность и по-матерински чуткая забота, символически выраженные автором в образе русской девушки, вероятно, нечасто встречались (ввиду различий в менталитетах) в преимущественно прагматичном викторианском обществе, а также среди первых сторонниц женской эмансипации. Возможно, именно в этом скрыта истинная причина трагедии О. Уайльда как человека и художника.

Мы хотели бы посвятить свое исследование идеала возлюбленной в ранней драматургии О. Уайльда 170-летию со дня рождения автора.

### Список литературы

- Бобылева Т. В.** Идеал русской возлюбленной в пьесе О. Уайльда: о специфике образа Веры Сабуровой // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 2. С. 82–92. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-82-92
- Валова О. М.** «Философия нереального» Оскара Уайльда: К вопросу об истоках и сущности явления // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 85–88.
- Рёскин Дж.** Лекции об искусстве // Семь светочей архитектуры; Камни Венеции; Лекции об искусстве; Прогулки по Флоренции. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 465–582.
- Уайльд О.** «Униженные и оскорбленные» Достоевского. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. С. 329–331. (Собр. соч.: в 3 т.; т. 3).
- Alighieri, D.** Vita Nuova. Pisa, Tipografia dei fratelli Nistri, 1872, 128 p.
- Bose S. P.** Women as Figures of Disorder in the Plays of Oscar Wilde. PhD Thesis. University of Birmingham, 1999. 286 p.
- Speranza (Lady Wilde).** Poems. Dublin, James Duffy, 1864, 233 p.
- The Vita Nuova of Dante.** Edinburgh and London, William Blackwood and Sons, 1871, 127 p.
- Weber M. A.** Rediscovering Beatrice and Bianca: A Study of Oscar Wilde's Tragedies *The Duchess of Padua* (1883) and *A Florentine Tragedy* (1894). MA Thesis. Stockholm University. 2020. 55 p.
- Wilde O.** Poems. London, David Bogue, 1881, 236 p.
- Wilde O.** To Mary Anderson. In: The Letters of Oscar Wilde. New York, Harcourt, Brace & World, Inc., 1962, pp. 126–127.

### Список источников

- Wilde O.** The Duchess of Padua. In: The Collected Works of Oscar Wilde. London, Wordsworth Editions Limited, 2007a, pp. 407–482.
- Wilde O.** Vera. In: The Collected Works of Oscar Wilde. London, Wordsworth Editions Limited, 2007b, pp. 363–406.

### References

- Alighieri D.** Vita Nuova. Pisa, Tipografia dei fratelli Nistri, 1872, 128 p.
- Bobyleva T. V.** The Ideal of a Russian Ladylove in Oscar Wilde's Play: some features of Vera Sabouroff's image. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 82–92. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-82-92 (in Russ.)
- Bose S. P.** Women as Figures of Disorder in the Plays of Oscar Wilde. PhD Thesis. University of Birmingham, 1999, 286 p.
- Ruskin J.** Lectures on Art. In: The Seven Lamps of Architecture. The Stones of Venice. Lectures on Art. Mornings in Florence. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus, 2022, pp. 465–582. (in Russ.)

- Speranza (Lady Wilde).** Poems. Dublin, James Duffy, 1864, 233 p.
- The Vita Nuova of Dante.** Edinburgh and London, William Blackwood and Sons, 1871, 127 p.
- Valova O. M.** Oscar Wilde's "Philosophy of the Unreal": the origins and nature of the phenomenon. *Philology and Culture*, 2013, no. 2 (32), pp. 85–88. (in Russ.)
- Weber M. A.** Rediscovering Beatrice and Bianca: A Study of Oscar Wilde's Tragedies *The Duchess of Padua* (1883) and *A Florentine Tragedy* (1894). MA Thesis. Stockholm University. 2020. 55 p.
- Wilde O.** A Batch of Novels. In: Wilde O. Collected Works. In 3 vols. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub, 2003, vol. 3, pp. 329–331. (in Russ.)
- Wilde O.** Poems. London, David Bogue, 1881, 236 p.
- Wilde O.** To Mary Anderson. In: The Letters of Oscar Wilde. New York, Harcourt, Brace & World, Inc., 1962, pp. 126–127.

### List of Sources

- Wilde O.** The Duchess of Padua. In: The Collected Works of Oscar Wilde. London, Wordsworth Editions Limited, 2007a, pp. 407–482.
- Wilde O.** Vera. In: The Collected Works of Oscar Wilde. London, Wordsworth Editions Limited, 2007b, pp. 363–406.

### Информация об авторе

**Бобылева Татьяна Валерьевна**, кандидат филологических наук

### Information about the Author

**Tatyana V. Bobyleva**, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 20.05.2024;  
одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 05.07.2024*  
*The article was submitted 20.05.2024;  
approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 81`33

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-58-70

## Межкультурные различия в восприятии аффективных визуальных стимулов русскими и американцами

Ксения Сергеевна Иванкова

Томский государственный университет  
Томск, Россия

Senya.gl@mail.ru

### Аннотация

Представлены результаты исследования межкультурных особенностей восприятия аффективных изображений американцами и русскими, а также американскими и русскими мужчинами и женщинами. Проверяется гипотеза о том, что оценки аффективных изображений американскими и русскими респондентами будут иметь статистически значимые отличия ввиду больших языковых и культурных различий данных этносов, что вариативно проявится в группах мужчин и женщин. В исследовании использован метод психолингвистического анкетирования с применением приема семибалльного шкалирования. В качестве материала исследования использованы 84 изображения из открытой американской базы данных аффективных изображений («Open Affective Standardized Image Set»). Сравниваются опубликованные значения оценок этой базы данных и результаты собственного исследования, проведенного на идентичном стимульном материале. Респондентами выступили 93 человека (34 мужчины, 58 женщин). Результаты анализа не показали значимых межкультурных различий в оценках аффективных изображений по параметрам типа валентности и силы воздействия стимула, в целом американцы и русские имели схожий характер распределения оценок изображений. Однако была обнаружена статистически значимая разница в оценках изображений с различным типом валентности ( $P < 0,001$ ). Отрицательные и положительные изображения оценивались русскими выше по силе воздействия, в отличие от американцев, большая часть ответов которых имела нейтральные показатели воздействия. Также была выявлена статистически значимая разница в оценках изображений различных тематических групп ( $P < 0,05$ ). Изображения природы оценивались русскими как вызывающие чувство комфорта, в то время как американцы отмечали нейтральный характер воздействия таких изображений на них. Изображения предметов, напротив, были оценены американскими респондентами как более приятные, а русскими нейтрально. Более того, были выявлены различия в оценках изображений по параметрам силы воздействия и типа валентности стимула ( $P < 0,05$ ) между русскими и американскими женщинами. Русские женщины оценивали большую часть изображений как имеющих положительное или отрицательное воздействие, в то время как преобладающее количество оценок американками стремилось к нейтральным значениям. Это подтверждает влияние типа валентности эмоционального стимула, тематики изображения, а также гендерного фактора на обработку эмоционально окрашенных единиц представителями различных культур.

### Ключевые слова

межкультурное исследование, эмоциональность, восприятие, гендер, эмоциональная оценка

### Для цитирования

Иванкова К. С. Межкультурные различия в восприятии аффективных визуальных стимулов русскими и американцами // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 58–70. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-58-70

© Иванкова К. С., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1  
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 1

## Cross-cultural Differences in the Perception of Affective Visual Stimuli by Russians and Americans

Ksenia S. Ivankova

Tomsk State University, Tomsk,  
Russian Federation

Senya.gl@mail.ru

### Abstract

The article presents the results of a cross-cultural affective images perception study by Americans and Russians and reveals the degree of cultural factor influence on the stimuli assessment by American and Russian men and women. The hypothesis is that assessments of affective images by American and Russian respondents will have statistical differences due to the linguistic and cultural specificity of the ethnic groups; it is also assumed there are cross-cultural gender differences in the assessment. The study used the method of psycholinguistic questioning with seven-point scaling. 84 images from the open American database of affective images ("Open Affective Standardized Image Set") were used as research material. The respondents were 34 men and 58 women. The results of the analysis did not show significant cross-cultural differences in ratings of affective images with reference to valence type or emotional evaluation/response. In general, Americans and Russians had a similar distribution of image ratings. However, a statistically significant difference has been found in the ratings of images with different valence types ( $P < 0.001$ ). Negative and positive images were rated higher by Russians in terms of emotional evaluation, in contrast to Americans, most of whose emotional responses had neutral ratings. There was also a statistically significant difference in the ratings of different thematic images ( $P < 0.05$ ). Nature images were rated by Russians as causing a feeling of comfort, while Americans noted their neutral impact on them. Images of objects, on the contrary, received the opposite ratings from the respondents. Moreover, cross-cultural gender differences have been revealed between Russian and American women in image ratings based on emotional evaluation and valence parameters ( $P < 0.05$ ). Russian women rated most of the images as having a positive or negative impact, while the majority of American women's ratings tended to be neutral. This confirms the influence of the emotional stimulus, valence type, image theme, as well as gender factor on the processing of emotionally coloured units by representatives of different cultures.

### Keywords

cross-cultural study, emotionality, perception, gender, valence, emotional evaluation/response

### For citation

Ivankova K. S. Cross-cultural Differences in the Perception of Affective Visual Stimuli by Russians and Americans. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 58–70. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-58-70

## Введение

Существует вариативность в выражении эмоций представителями различных культур. Межкультурные различия в данном аспекте наблюдаются на вербальном уровне (на всех уровнях языка) [Тер-Минасова, 2004; Шаховский, 2008; Pavlenko, 2002; 2008; Stepanova, Coley, 2006; Panayiotou, 2004; Dewaele, 2016; Vaid, 2016; Wierzbicka, 1999], в паравербальной коммуникации [Горелов, 1980], а также в невербальном поведении людей [Вежбицкая, 1996; Ларина, 2006; Крейдлин, 2004].

Культура оказывает также влияние и на восприятие эмоций человеком. Доказано, что представители различных культур по-разному воспринимают аффективные стимулы [Chen et al, 2024; Bromberek et al, 2021; Lim, 2016; Masuda, 2008; Matsumoto 1999, 2008; Pogosyan, 2011; Tanaka, 2010; Vrana, 2002]. Так, например, выявлены различия в обработке эмоциональных изображений между представителями западной и восточной культур в оценке степени воздействия на эмоциональное состояние (американские респонденты констатировали большую силу воздействия аффективных стимулов на них, в отличие от японцев [Lim, 2016]), типа валентности стимула (представители западной культуры оценивали выше степень эмоциональности изображений, в отличие от восточной [Matsumoto 1999, 2008]), а также в восприятии

фигуры и фонового окружения в определенном эмоциональном состоянии (японцы обращали внимание не только на главную фигуру на экране, но также и на фоновое окружение, при этом подобного внимания к фоновому окружению у представителей западной культуры выявлено не было [Masuda, 2008]).

При исследовании характера воздействия изображений рекламных лиц, выражающих эмоции разной степени интенсивности, были обнаружены различия в оценках степени воздействия на эмоциональное состояние американцами, русскими и японцами. Так, изображения с низкой степенью эмоциональности, в отличие от русских и японцев, американцы оценивали ниже по характеру воздействия, в то время как изображения с высокой степенью эмоциональностью были оценены ниже по характеру воздействия американцами и русскими, в отличие от японцев, которые констатировали нейтральное воздействие этих стимулов [Pogosyan, Engelmann, 2011].

При изучении культурного влияния в полимодальном восприятии эмоций были установлены различия между японцами и голландцами. Так, было обнаружено различное влияние аудиальной информации на обработку конгруэнтных и неконгруэнтных эмоциональных изображений. Доказано, что японцы являются более успешными, по сравнению с голландцами, в выполнении задач на распознавание эмоций, транслируемых одновременно через визуальный и аудиальный каналы восприятия [Tanaka, 2010].

Гендер, как социокультурный пол, также подвержен большому влиянию социокультурного пространства. Отметим, что в настоящее время кросс-культурные гендерные исследования эмоциональности являются малочисленными. Можно выделить два направления анализа в этом аспекте: 1) выявление кросс-культурных различий в выражении и восприятии эмоций [Магомедов, Шарбузова, 2019; Овсяник, Фарбер, 2021; Safin, Vrana, 2002], 2) влияние гендерного фактора на выражение и восприятие различных аффективных стимулов [Bianchin, 2012; Bradley, 2001; Codispoti, 2008; Fernandez, 2012; Naranowicz, 2023]. Так, обнаружены гендерные различия в эмоциональном поведении и восприятии аффективных стимулов мужчинами и женщинами из различных этнических сообществ [Vrana, 2002].

Было выявлено, что более высокие показатели психофизиологических реакций на отрицательные стимулы имеют женщины, по сравнению с мужчинами. [Bianchin, 2012; Bradley, 2001; Codispoti, 2008; Fernandez, 2012]. Также доказано, что женщины склонны оценивать отрицательные визуальные стимулы выше по степени воздействия на их эмоциональное состояние, в отличие от мужчин. [Bradley, 2001; Codispoti, 2008; Fernandez, 2012]

Материалы, представленные в международных базах данных визуальных стимулов, свидетельствуют о различиях между мужчинами и женщинами в восприятии изображений с разным типом эмоциональной оценки и также подтверждают большую чувствительность женщин к стимулам с отрицательным типом валентности [Marchewka, 2013]. Также была получена статистическая значимость различий между мужчинами и женщинами при оценивании стимулов с сексуальным содержанием [Kurdi, 2017].

Опираясь на американскую базу данных оценок аффективных изображений (которые находятся в открытом доступе для использования) [Kurdi, 2017], мы решили провести межкультурное исследование и сравнить оценки американцев с оценками идентичного стимульного материала русскими респондентами.

Наше исследование направлено на изучение влияния культурных различий на восприятие эмоциональных изображений представителями англосаксонской и славянской культур. Мы также анализируем межкультурные гендерные особенности восприятия данных стимулов.

Таким образом, **цель** нашего исследования – выявить межкультурные особенности в оценках аффективных изображений американцами и русскими, а также, на основе сравнительного анализа оценок данных стимулов американскими и русскими мужчинами и женщинами, установить степень влияния культурного фактора на социальный пол. **Гипотеза** нашего исследования состояла в том, что оценки американскими и русскими респондентами будут иметь статистические различия ввиду больших языковых и культурных различий данных этносов.

Также мы предполагали получить межкультурные гендерные различия в оценках изображений в связи с тем, что гендер, как социокультурный пол, также подвержен сильному влиянию культурных факторов.

### Материал и метод исследования

В исследовании использовался метод психолингвистического анкетирования с применением приема шкалирования Ликерта.

В качестве материала исследования использовались 84 изображения из американской базы данных аффективных изображений (равное количество отрицательных, положительных и нейтральных) *Open Affective Standardized Image Set (OASIS)* [Kurdi, 2017], на которую не распространяются ограничения авторского права. В данной базе данных содержатся 900 современных изображений высокого разрешения, распределенных по четырем тематическим категориям. В исследование вошли изображения из каждой тематической группы: 1) 18 изображений животных (*собаки, змеи, пауки, акулы и пр.*), 2) 25 изображений предметов (*широкий спектр объектов, включая объекты, созданные руками человека, – заборы, украшения, автомобили и пр., а также природные объекты, такие как листья, камни, галька и пр.*), 3) 14 изображений людей (*изображение одного человека, диады или группы людей в различных ситуациях повседневной жизни*) и 4) 27 изображений природных сцен (*изображение природы городских и сельских местностей, природных явлений и пр.*). Все изображения были цветными и стандартизированными по размеру (500 × 400 пикселей). Визуальные стимулы с элементами насилия, смерти, а также сексуальными сценами в экспериментах использованы не были из этических соображений. Ниже представлены примеры изображений, использованных в исследовании (рис. 1–4).



Рис. 1. Пример изображения из тематической группы «Животные»

Fig. 1. An example of an image from the “Animals” thematic group



Рис. 2. Пример изображения из тематической группы «Предметы»

Fig. 2. An example of an image from the “Objects” thematic group



Рис. 3. Пример изображения из тематической группы «Люди»

Fig. 3. An example of an image from the “People” thematic group



Рис. 4. Пример изображения из тематической группы «Природные сцены»

Fig. 4. An example of an image from the “Scenery” thematic group

## Процедура эксперимента

Респондентам предлагалось заполнить анкеты (к которым прилагалась подробная инструкция с правилами ее заполнения), в которой необходимо было оценить изображения по двум параметрам: 1) тип валентности стимула (*от имеющего положительный тип эмоциональной оценки в высокой степени (1) до имеющего отрицательный тип в высокой степени (7)*); 2) сила воздействия стимула на эмоциональное состояние (*от вызывающего чувство комфорта и расслабленности (1) до вызывающего чувство напряжения и дискомфорта (7)*). Все стимулы предъявлялись в рандомизированном порядке во избежание влияния данного фактора на оценку стимулов по исследуемым параметрам (влияние порядка показа изображения на субъективную эмоциональную оценку хорошо описано в работах В. В. Косоногова, см., например, [Kosonogov V., 2020]). Все инструкции содержали информацию о предстоящей работе с пояснением значений шкалы, а также типовые примеры на каждый тип валентности (для параметра «тип валентности стимула») и степень воздействия (для параметра «сила воздействия на эмоциональное состояние»). Испытуемые проходили анкетирование в удобное им время, экспериментатор не присутствовал лично во время прохождения анкет. Ограничения по времени установлено не было, однако в инструкции была рекомендация не задумываться подолгу над каждым словом, а отмечать ту оценку, которая первой приходит на ум.

## Респонденты

В исследовании приняли участие 93 человека (34 мужчины, 58 женщин) в возрасте от 18 до 60 лет ( $SD = 8,08$ ), в основном – студенты Томского государственного университета, а также волонтеры, привлекаемые онлайн. В среднем на один стимул пришлось 32 мужские реакции и 51 женская. Участие в эксперименте респондентам не оплачивалось. Все респонденты по национальности были русскими, проживали на территории Сибирского федерального округа, представители других культур не принимали участие в эксперименте.

В американскую базу данных аффективных изображений вошли оценки 818 человек (420 женщин и 398 мужчин) в возрасте от 18 до 74 лет ( $SD = 11,91$ ). В среднем приходилось 103 оценки на каждое изображение. Участники были набраны с помощью онлайн-сервиса Amazon Mechanical Turk (MTurk), который позволяет за оптимальное количество времени собрать данные, качество которых сопоставимо с материалом, собранным в лабораторных исследованиях [более подробное описание см. Kurdi, 2017]. Все респонденты были гражданами Америки, проживали, а также вели свою трудовую деятельность исключительно на территории США.

## Результаты и обсуждение

Всего было собрано 15130 наблюдений, все реакции вошли в анализ. Далее были получены средние значения оценок в общем для каждого изображения (для гендерного анализа были использованы средние значения оценок изображений мужчинами и женщинами соответственно) по исследуемым параметрам.

Мы не имели доступа ко всем наблюдениям, полученным американскими исследователями по каждому респонденту, по причине того, что в американской базе данных изображений представлены уже средние значения оценок для каждого изображения в общем (по параметрам валентность стимула и сила его воздействия на респондента), а также средние значения оценок мужчинами и женщинами.

Рефлексия достоверности полученных результатов проводилась путем анализа максимальных и минимальных оценок изображений по каждому параметру. Мы использовали данный метод проверки, так как этот принцип был применен американскими исследователями.

Результаты проверки показали, что оценки из этой выборки соответствуют характеру соответствующего изображения (по обоим параметрам): максимальные оценки по типу валентности (имеющие отрицательный тип эмоциональной оценки в высокой степени) и силы воздействия стимула (вызывающие чувство напряжения и дискомфорта) были получены для изображений объектов в отрицательном эмоциональном состоянии или ситуаций с негативным сюжетом (*истощенный человек в концлагере, нож со следами крови* и пр.), минимальные оценки по исследуемым параметрам были обнаружены для изображений с положительным содержанием (*играющий пес, смеющиеся люди* и пр.).

После проверки достоверности полученных оценок усредненные данные были проанализированы с применением программного обеспечения R (версия 4.3.2.) и среды разработки RSTUDIO.

**На первом этапе исследования**, проверяя гипотезу о значимости межкультурных различий, учитывая возможность влияния различных аспектов на характер восприятия эмоциональных стимулов:

- 1) мы провели сравнение всех оценок изображений русскими и американцами по двум параметрам (тип валентности стимула и сила его воздействия на эмоциональное состояние);
- 2) сравнили характер распределения оценок изображений русскими и американцами с отрицательным и положительным типом валентности;
- 3) посмотрели различия в оценках изображений русскими и американскими респондентами по тематическим группам.

**На втором этапе исследования** для выявления гендерных межкультурных различий в восприятии эмоциональных стимулов был проведен анализ оценок аффективных изображений русскими и американскими мужчинами и женщинами.

### Сравнение всех оценок изображений русскими и американцами

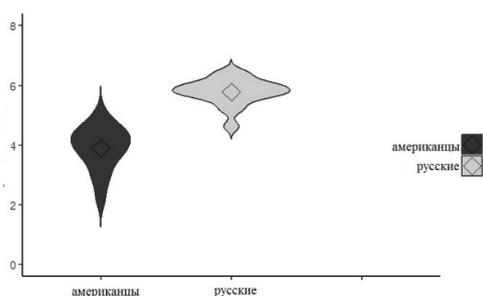
Во всем исследовании для анализа полученных оценок был использован критерий Манна – Уитни, так как характер распределения оценок во всех анализируемых группах был негауссовским. Статистический анализ оценок по параметрам «валентность» и «воздействие» не выявил значимых межкультурных различий.

### Сравнение оценок изображений с отрицательным и положительным типом валентности русскими и американцами

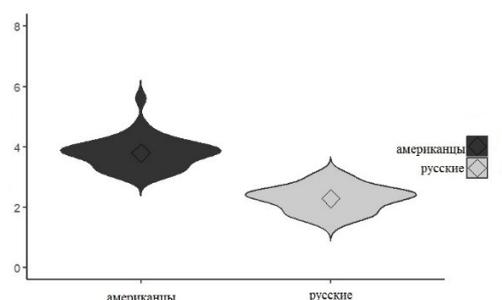
На общей выборке не было получено значимых различий. Мы предположили, что концентрация различий может быть выше в группах стимулов с различным типом эмоциональной оценки. Так, было проведено сравнение оценок отрицательных и положительных стимулов (группа нейтральных изображений из анализа была исключена) по каждому параметру.

Анализ оценок выявил статистическую значимость в группе положительных изображений по силе воздействия стимула ( $P < 0,001$ ), а также в группе отрицательных изображений по обоим параметрам ( $P < 0,001$ ).

Ниже представлены диаграммы (рис. 5, 6), отображающие характер распределения оценок в этих группах стимулов. Распределение по оси абсцисс (расположена горизонтально) указывает на концентрацию реакций респондентов в определенном диапазоне, который представлен по оси ординат (расположена вертикально), имеющей цифровую шкалу от 0 до 8 (в нашем исследовании применялась шкала ответов от 1 до 7, однако в пакете R на графиках мы использовали шкалу от 0 до 8 для удобства визуализации, чтобы диаграммы были представлены целостно, в полном объеме).



*Рис. 5.* Распределение оценок изображений с отрицательным типом валентности по параметру «сила воздействия стимула» американцами и русскими  
*Fig. 5.* Negative images ratings distribution according to the parameter emotional evaluation by Americans and Russians



*Рис. 6.* Распределение оценок изображений с положительным типом валентности по параметру «сила воздействия стимула» американцами и русскими  
*Fig. 6.* Positive images ratings distribution according to the parameter emotional evaluation by Americans and Russians

Слева на графиках представлены оценки американцами, а справа – русскими. Так, можно видеть, что различия в оценках положительных изображений заключались в том, что русские респонденты оценивали их превалирующую часть как имеющие положительное воздействие на них (вызывали чувство комфорта и умиротворения), в то время как американцы оценивали изображения из этой группы нейтрально (соответствует цифре 4 на графике), не имеющие ни положительного, ни отрицательного воздействия на их эмоциональное состояние.

Что касается группы отрицательных изображений, то основные различия заключались в том, то у русских преобладали более высокие оценки по параметру «тип валентности» (что соответствовало значению «очень отрицательный»), а также более высокие оценки по силе их воздействия на эмоциональное состояние (вызывающие чувство сильного дискомфорта), в то время как у американцев преобладающее количество оценок приходилось на более средние значения (скорее нейтральные, чем отрицательные, скорее нейтральное воздействие).

### Сравнение оценок изображений американцами и русскими по тематическим группам

Построение базы данных позволило нам посмотреть также и на характер распределения оценок в тематических группах. Мы посмотрели более содержательно на характер распределения наблюдений, проанализировав оценки изображений американцами и русскими по тематическим группам, с целью выявления межкультурных различий также по данному аспекту (рис. 7, 8). В таблице приведены результаты данного анализа.

Была получена статистически значимая разница в оценках изображений двух групп: в группе изображений предметов ( $P < 0,05$ ) по параметру «сила воздействия стимула» на эмоциональное состояние (рис. 7), а также в группе изображений природных сцен (рис. 8) по этому же параметру ( $P < 0,01$ ). Изображения предметов (подарки, цветы и пр.) были оценены американцами как более положительные и имеющие приятное воздействие, в то время как русские оценили данный тип изображений как имеющие нейтральную силу воздействия на эмоциональное состояние. Изображения природных сцен (пейзажей, гор, рек), наоборот, были оценены как более положительные и имеющие приятное воздействие русскими, в то время как оценки американцами были близки к нейтральным значениям.

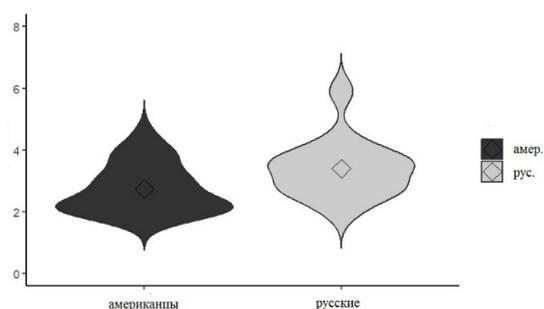


Рис. 7. Распределение оценок изображений предметов американцами и русскими

Fig. 7. Object images ratings distribution by Americans and Russians

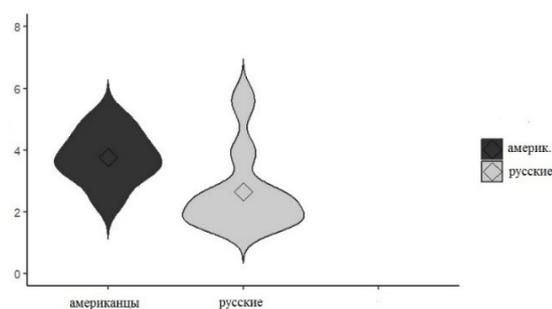


Рис. 8. Распределение оценок изображений природы американцами и русскими

Fig. 8. Nature images ratings distribution by Americans and Russians

Показатели статистической значимости различий ( $p$ -значений) в оценках изображений различных тематических групп американцами и русскими

Measures of statistical significance of differences ( $p$ -values) in the assessment of different thematic groups images by Americans and Russians

Параметр	Тематические группы			
	Животные	Предметы	Люди	Природа
Возбуждение	$p$ -value = 0,08114	<b><math>p</math>-value = 0,01314</b>	$p$ -value = 0,1403	<b><math>p</math>-value = 0,002086</b>
Валентность	$p$ -value = 0,1996	$p$ -value = 0,5336	$p$ -value = 0,0688	$p$ -value = 0,837

### Сравнение оценок изображений русскими и американскими мужчинам и женщинами

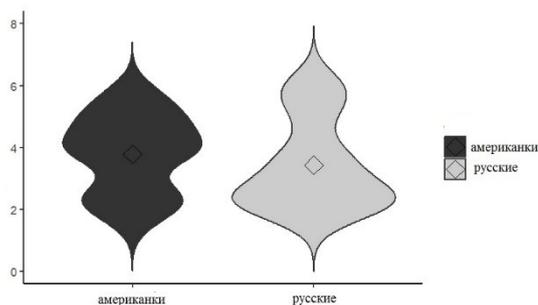
Мы проверили гендерные различия, сравнив оценки изображений русскими и американскими мужчинам и женщинами. Мы также использовали критерий Манна – Уитни для сравнения исследуемых групп.

Статистический анализ выявил различия между американскими и русскими женщинами в оценках изображений по обоим параметрам ( $P < 0,05$ ). Сравнение оценок изображений между американскими и русскими мужчинами не выявило статистически значимой разницы по этим параметрам.

На рис. 9 можно видеть, что разница в ответах по параметру «тип валентности стимула» достигается за счет того, что большая часть изображений была оценена русскими женщинами как положительная, в то время как оценки американских женщин тяготели к нейтральным.

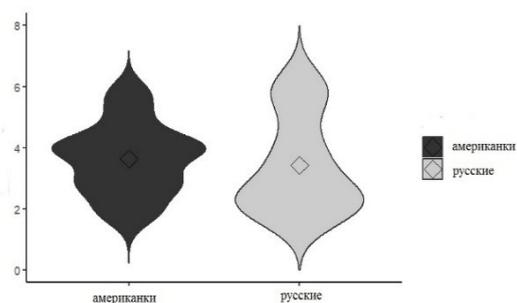
На рис. 10 видно, что преобладающее количество оценок русскими женщинами имеют низкие значения по параметру «сила воздействия» (большая часть изображений вызывала комфорт и приятное состояние), видно, что такой характер распределения оценок достигается за счет того, что оценки русскими женщинами изображений трёх групп (положительные, нейтральные и отрицательные) разделились на две категории: одна часть изображений вызывала комфорт, другая – дискомфорт. Американки, в свою очередь, оценивали большее количество изображений как нейтральные по силе воздействия.

После анализа оценок тематической группы мы понимаем, что полученные различия в категории «природные сцены» обусловлены именно характером оценок женщин, что также проявилось и в общем графике оценок изображений.



*Рис. 9.* Распределение оценок изображений американцами и русскими по параметру «валентность стимула»

*Fig. 9.* Images ratings distribution by Americans and Russians according to the valence type



*Рис. 10.* Распределение оценок изображений американцами и русскими по параметру «сила воздействия стимула»

*Fig. 10.* Images ratings distribution by Americans and Russians according to the impact power

Анализ оценок изображений по тематическим группам выявил межкультурные различия в группе изображений природных пейзажей и явлений как по параметру «валентность», так и «возбуждение». Русские женщины оценивали изображения в этой группе как имеющие положительную валентность и вызывающие чувство комфорта, а американские – как нейтральные и не имеющие эмоционального воздействия. В группах других стимулов значимые различия в оценках данных стимулов выявлены не были.

### Заключение

Таким образом, результаты проведенного анализа не показали значимых межкультурных различий в оценках аффективных изображений по параметрам «тип валентности» и «сила воздействия стимула». В целом американцы и русские имели схожий характер распределения оценок изображений.

Тем не менее были выявлены статистические различия в оценках положительных и отрицательных групп стимулов: отрицательные и положительные изображения оценивались русскими выше по силе воздействия, в отличие от американцев, большая часть ответов которых имела нейтральные показатели воздействия.

Мы также выявили статистически значимую разницу в оценках изображений по тематическим группам: изображения природы оценивались русскими как вызывающие чувство комфорта, в то время как американцы отмечали нейтральный характер воздействия на них. Изображения предметов, напротив, были оценены американскими респондентами как более приятные, а русскими нейтрально.

Также были выявлены межкультурные гендерные различия между русскими и американскими женщинами (из соответствующих выборок) в оценках изображений по параметру «сила воздействия» и «тип валентности стимула». Русские женщины оценивали большую часть изображений как имеющие положительное или отрицательное воздействие, в то время как преобладающее количество оценок американками стремилось к нейтральным значениям.

Таким образом, наша гипотеза о различном восприятии эмоциональных изображений представителями отличных культур подтвердилась частично, а именно, в оценках групп отрицательных и положительных стимулов, определенных тематических групп, а также при гендерном сравнении групп ответов. Это подтверждает влияние типа валентности эмоционального стимула, тематики изображения, а также гендерного фактора на обработку эмоциональных единиц представителями различных культур.

В заключение отметим, что полученные выводы требуют дальнейших уточнений, так как американская и русская выборки отличались размером и возрастными характеристиками респондентов. И если в случае с количеством возможные различия между выборками оказались устранены при помощи статистической обработки данных, то в случае с возрастом возникает вероятность, что полученные выводы могут быть обусловлены не (или не только) принадлежностью респондентов к разным культурам, но и данным параметром. При этом отметим, что в американском исследовании не было обнаружено статистически значимой разницы в оценках аффективных изображений между различными возрастными группами.

### Список литературы

- Вежицкая А.** Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
- Горелов И. Н.** Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 266 с.
- Крейдлин Г. Е.** Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 581 с.
- Ларина Т. В.** A smile opens many doors: эмоции в коммуникации и переводе. Мосты // Журнал переводчиков. 2006. № 4 (12). С. 50–55.
- Магомедов П. Ш., Шарбузова Х. З.** Кросс-культурное исследование гендерных различий в ценностях // Известия ДГПУ. 2019. Т. 13. № 4. С. 101–110. DOI: 10.31161/1995-0659-2019-13-4-101-110
- Овсяник О. А., Фарбер А. В.** Кросс-культурные гендерные особенности ценностных ориентаций женщин-руководителей // Вестник Москов. гос. обл. ун-та. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 107–116. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-107-116
- Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд. М., 2004. 352 с.
- Шаховский В. И.** Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. 416 с.
- Bianchin M., Angrilli A.** Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study // *Physiology & Behavior*. 2012. Vol. 105(4). P. 925–932. DOI: 10.1016/j.physbeh.2011.10.031
- Bradley M. M., Codispoti M. D., Sabatinelli P. J.** Emotion and motivation II: sex differences in picture processing // *Emotion* – 2001. Vol. 1(3). P. 300–319.
- Bromberek-Dyzman K., Rafal J.** Cross-linguistic differences affect emotion and emotion-laden word processing: Evidence from Polish-English and Romanian-English bilinguals // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25 (5). P. 1161–1182. DOI: 10.1177/1367006920987306
- Chen C., Messinger D. S., Yan H., Duan Y., Ince R., Garrod O., Schyns P. G., Jack R. E.** Cultural facial expressions dynamically convey emotion category and intensity information // *Curr Biol*. 2024. Vol.34 (1). P. 213–223. DOI: 10.1016/j.cub.2023.12.001
- Codispoti M., Surcinelli P., Baldaro B.** Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences // *International Journal of Psychophysiology*. 2008. Vol. 69(2). P. 90–95. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2008.03.004
- Dewaele J. M.** Expressing anger in multiple languages. In: Pavlenko, A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd. 2006. pp. 118–151.
- Fernández C. E., Pascual J., Soler J., Elices M., Portella M., Fernández-Abascal.** Physiological responses induced by emotion-eliciting films // *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. 2012. Vol. 37(2). P. 73–79. DOI:10.1007/s10484-012-9180-7
- Kosonogov V. V.** The effects of the order of picture presentation on the subjective emotional evaluation of pictures // *Psicologia*. 2020. Vol. 34(2). P. 171–178. DOI:10.17575/psicologia.v34i2.1608
- Kurdi B., Lozano S., Banaji R.** Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS // *Behav Res Methods*. 2017. P. 457–470.

- Lim N.** Cultural differences in emotion: differences in emotional arousal level between the East and the West// *Integrative Medicine Research*. 2016. Vol. 5(2). P. 105–109. DOI: 10.1016/j.imr.2016.03.004
- Marchewka A.** The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database // *Behavior Research Methods*. 2013. Vol. 46. P. 596–610. DOI: 10.3758/s13428-013-0379-1
- Masuda T., Ellsworth P. C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., de Veerdonk E. V.** Placing the face in context: cultural differences in the perception of facial emotion // *Journal of personality and social psychology* 94 (3). 2008. P. 365–381 DOI:10.1037/0022-3514.94.3.365
- Matsumoto D.** American-Japanese cultural differences in judgements of expression intensity and subjective experience // *Cogn. Emotion*.1999. Vol. 13. P. 201–218.
- Matsumoto D., Yoo S. H., Fontaine J.** Mapping expressive differences around the world: the relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism // *Cross. Cult. Psychol.* 2008. Vol.39. P.55–74. DOI: 10.1177/0022022107311854
- Naranowicz M., Jankowiak K., Behnke M.** Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals // *International Journal of Bilingualism*. 2023. Vol. 27 (1). P. 39–60. DOI: 10.1177/13670069221075646
- Panayiotou A.** Bilingual emotions: The untranslatable self // *Estudios de Sociolinguística*. 2004. Vol. 5 (1). P. 1–19. DOI:10.1558/sols.v5i1.1
- Pavlenko A.** Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. Vol. 11 (2). P. 147–164. DOI: 10.1017/S1366728908003283
- Pavlenko A.** Emotions and the body in Russian and English // *Pragmatics and Cognition*. 2002. Vol. 10 (1–2). P. 201–236.
- Pogosyan. M. Engelmann J. B.** Cultural differences in affect intensity perception in the context of advertising // *Front. Psychol*, 2011. DOI: 10.3389/fpsyg.2011.00313
- Stepanova Sachs, O. & Coley J.** Envy and jealousy in Russian and English: Labeling and conceptualization of emotions by monolinguals and bilinguals. In Pavlenko (ed.). 2006. pp. 209–231. DOI:10.21832/9781853598746-010
- Tanaka A., Koizumi A., Imai H., Hiramatsu S., Hiramoto E., Gelder B.** I feel your voice: Cultural differences in the multisensory perception of emotion // *Psychological science* Vol. 21 (9). 2010. P. 1259–1262 DOI: 10.1177/0956797610380698
- Vaid J.** *Joking Across Languages: Perspectives on Humor, Emotion, and Bilingualism // Bilingual Minds/ Edited by Aneta Pavlenko*. 2016. P. 118–152.
- Vrana S., Rollock D.** The role of ethnicity, gender, emotional content, and contextual differences in physiological, expressive, and self-reported emotional responses to imagery // *Cognition and Emotion*. 2002. Vol. 16 (1). P. 165–192.
- Wierzbicka A.** *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 237.

## References

- Bianchin M., Angrilli A.** Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study. *Physiology & Behavior*, 2012, vol. 105(4), pp. 925–932. DOI: 10.1016/j.physbeh.2011.10.031
- Bradley M. M., Codispoti M., Sabatinelli D., Emotion P. J.** Emotion and motivation II: sex differences in picture processing. *Emotion* – 2001, vol. 1(3), pp. 300-319.
- Bromberek-Dyzman K., Rafal J.** Cross-linguistic differences affect emotion and emotion-laden word processing: Evidence from Polish-English and Romanian-English bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 2021, vol. 25 (5), pp. 1161–1182. DOI: 10.1177/1367006920987306
- Chen C., Messinger D. S., Yan H., Duan Y., Ince R., Garrod O., Schyns P. G., Jack R. E.** Cultural facial expressions dynamically convey emotion category and intensity information. *Curr Biol.*, 2024, vol. 34 (1), pp. 213–223. DOI: 10.1016/j.cub.2023.12.001.

- Codispoti M., Surcinelli PP., Baldaro B.** Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences. *International Journal of Psychophysiology*, 2008, vol. 69(2), pp. 90–95. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2008.03.004.
- Dewaele J. M.** Expressing anger in multiple languages. In: Pavlenko A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation*. Clevedon, UK, Multilingual Matters Ltd., 2006, pp. 118–151
- Fernández C. E., Pascual J., Soler J., Elices M., Portella M., Fernández-Abascal.** Physiological responses induced by emotion-eliciting films. *Applied Psychophysiology and Biofeedback*, 2012, vol. 37(2), pp. 73–79. DOI:10.1007/s10484-012-9180-7
- Gorelov I. N.** Nonverbal components of communication. Moscow. Nauka publ., 1980, 266 p. (in Russ.)
- Kosonogov V. V.** The effects of the order of picture presentation on the subjective emotional evaluation of pictures. *Psicologia*, 2020, vol. 34(2), pp. 171–178. DOI:10.17575/psicologia.v34i2.1608
- Kreidlin G. E.** Nonverbal semiotics: body language and natural language. Moscow, 2004, 581 p. (in Russ.).
- Kurdi B., Lozano S., Banaji R.** Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS). *Behav Res Methods*, 2017, pp. 457–470.
- Larina T. V.** A smile opens many doors: emotions in communication and translation. Bridges. *Journal of Translators*, 2006, no. 4 (12), pp. 50–55 (in Russ.).
- Lim N.** Cultural differences in emotion: differences in emotional arousal level between the East and the West. *Integrative Medicine Research*, 2016, vol. 5(2), pp. 105–109. DOI: 10.1016/j.imr.2016.03.004
- Magomedov PP. Sh., Sharbuzova Kh. Z.** Cross-cultural study of gender differences in values. *News of the DSPU*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 101–110. DOI: 10.31161/1995-0659-2019-13-4-101-110 (in Russ.)
- Marchewka A.** The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database. *Behavior Research Methods*, 2013, vol. 46, pp. 596–610. DOI: 10.3758/s13428-013-0379-1
- Masuda T., Ellsworth PP. C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., de Veerdonk E. V.** Placing the face in context: cultural differences in the perception of facial emotion. *Journal of personality and social psychology*, 2008, vol. 94 (3), pp. 365–381. DOI:10.1037/0022-3514.94.3.365
- Matsumoto D.** American-Japanese cultural differences in judgements of expression intensity and subjective experience. *Cogn. Emotion*, 1999, vol. 13, pp. 201–218.
- Matsumoto D., Yoo S. H., Fontaine J.** Mapping expressive differences around the world: the relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Cross. Cult. Psychol.*, 2008, vol. 39, pp. 55–74. DOI: 10.1177/0022022107311854
- Naranowicz M., Jankowiak K., Behnke M.** Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 2023, vol. 27 (1), pp. 39–60. DOI: 10.1177/13670069221075646
- Ovsyanik O. A., Farber A. V.** Cross-cultural gender characteristics of value orientations of women managers. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 107–116. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-107-116 (in Russ.)
- Panayiotou A.** Bilingual emotions: The untranslatable self. *Estudios de Sociolingüística*, 2004, vol. 5 (1), pp. 1–19. DOI: 10.1558/sols.v5i1.1
- Pavlenko A.** Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2008, vol. 11 (2), pp. 147–164. DOI: 10.1017/S1366728908003283
- Pavlenko A.** Emotions and the body in Russian and English. *Pragmatics and Cognition*, 2002, vol. 10 (1–2), pp. 201–236.
- Pogosyan. M., Engelmann J. B.** Cultural differences in affect intensity perception in the context of advertising. *Front. Psychol.*, 2011. DOI: 10.3389/fpsyg.2011.00313

- Shakhovsky V. I.** Linguistic theory of emotions. M., 2008. 416 pp. (in Russ.)
- Stepanova Sachs, O. & Coley J.** Envy and jealousy in Russian and English: Labeling and conceptualization of emotions by monolinguals and bilinguals. In Pavlenko (ed.). 2006, pp. 209–231. DOI:10.21832/9781853598746-010
- Tanaka A., Koizumi A., Imai H., Hiramatsu S., Hiramoto E., Gelder B.** I feel your voice: Cultural differences in the multisensory perception of emotion. *Psychological science*, 2010, vol. 21 (9), pp. 1259–1262 DOI: 10.1177/0956797610380698
- Ter-Minasova S. G.** Language and intercultural communication. 2nd ed. Moscow, 2004, 352 p (in Russ.)
- Vaid J.** Joking Across Languages: Perspectives on Humor, Emotion, and Bilingualism. *Bilingual Minds*. Edited by Aneta Pavlenko. 2016, pp. 118–152.
- Vrana S., Rollock D.** The role of ethnicity, gender, emotional content, and contextual differences in physiological, expressive, and self-reported emotional responses to imagery. *Cognition and Emotion*, 2002, vol. 16 (1), pp. 165–192.
- Wierzbicka A.** Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996, 411 p. (in Russ.)
- Wierzbicka A.** Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, pp. 237.

### Информация об авторе

**Иванкова Ксения Сергеевна**, аспирант

### Information about the Author

**Ksenia S. Ivankova**, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 03.04.2024;  
одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 27.09.2024*

*The article was submitted 03.04.2024;  
approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 27.09.2024*

Научная статья

УДК 81'38

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-71-79

## **Лингвокогнитивные особенности дистрибуции стилистических приемов в англоязычном медийном дискурсе (на материале качественной прессы 1990–1999 годов)**

**Екатерина Сергеевна Шмелёва**

Московский государственный лингвистический университет  
Москва, Россия

katherineshm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9122-9115>

### *Аннотация*

Данная статья направлена на установление основных лингвокогнитивных особенностей реализации стилистических приемов (термин И. Р. Гальперина) в медийном дискурсе. Исследование проведено на материале репрезентативной выборки текстов из тиражной качественной англоязычной прессы (включая *The Economist*, *The Guardian*, *The New York Times*) за период 1990–1999 гг. В результате проведения количественного и фреймового анализов делаются выводы о факторах, влияющих на распределение стилистических приемов в дискурсе выбранного типа. Заключается, что закономерности дистрибуции СП в медийных статьях обусловлены как внутренней структурой дискурса анализируемого типа, так и фреймовыми моделями, по которым строятся статьи его реализации.

### *Ключевые слова*

стилистический прием, медийный дискурс, фреймовый анализ, фреймовая модель, дистрибуция

### *Для цитирования*

Шмелёва Е. С. Лингвокогнитивные особенности дистрибуции стилистических приемов в англоязычном медийном дискурсе (на материале качественной прессы 1990–1999 годов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2025. Т. 23, № 1. С. 71–79. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-71-79

## **Linguocognitive Features of Stylistic Devices' Distribution in English-Language Media Discourse (Based on Quality Press Dated 1990-1999)**

**Ekaterina S. Shmelyova**

Moscow State Linguistic University,  
Moscow, Russian Federation

katherineshm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9122-9115>

### *Abstract*

*Purpose.* The article studies the linguocognitive features of stylistic devices' (SDs) implementation in English-language media discourse. The research was done on the material of a representative selection of articles from quality press (in-

© Шмелёва Е. С., 2025

cluding *The Economist*, *The Guardian*, *The New York Times*) and involved two stages, making use of quantitative and frame analysis.

*Results.* Registering and counting the total number of SDs in the articles of the research corpus led us to conclude that the most actively employed SDs are metaphor, personification and metonymy, the latter two frequently entering into stylistic clusters, thus enhancing the emotional impact on the recipient. Studying the distribution of SDs in accordance with the language layers they occur on, demonstrates the overwhelming prevalence of lexical SDs over syntactic and phonological ones, which we are inclined to explain by the written form of the discourse analyzed.

The frame analysis brings us to the conclusion that out of the three possible frame models (FMs) found in media texts (FM *Phenomenon*, FM *Event*, FM *Personality*) the one describing abstract phenomena is activated most commonly. The total number of SDs actualized in the articles of the three FMs is comparable, however, the ones representing the FM *Event* tend to contain fewer SDs, which can be accounted for by the genre of such articles which is the news.

*Conclusion.* The results obtained allow us to conclude that the patterns of stylistic devices' distribution in media discourse are determined both by the internal structure of the discourse analyzed and by the frame models which underlie the semantics of media articles.

#### *Keywords*

stylistic device, media discourse, frame analysis, frame model, distribution

#### *For citation*

Shmelyova E. S. Linguacognitive Features of Stylistic Devices' Distribution in English-language Media Discourse (based on quality press dated 1990–1999). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 71–79. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-71-79

## Введение

Данная статья ставит своей целью установление закономерностей реализации стилистических приемов (СП) в медийном дискурсе, которые выявляются в ходе применения количественного и фреймового анализа. Указанные методики, по нашему мнению, позволяют не только установить общее число реализаций СП в дискурсе выбранного типа, но и выявляют закономерности их дистрибуции с учетом анализа фреймов, лежащих в основании семантики статей их реализации.

Материалом для исследования послужила выборка 50 статей из рабочего корпуса англоязычной прессы, что видится достаточным для достижения цели и задач исследования, поскольку при увеличении выборки на предыдущих этапах (в частности, при анализе текстов популярной прессы) не было установлено значимых отклонений в установленных результатах. Выборка также репрезентативна и включает статьи различного объема (от 1168 до 8080 п. з.) различных жанрово-функциональных типов (новостные статьи, аналитические статьи, комментарии, очерки – согласно классификации в [Добросклонская, 2008. С. 59]) из тиражной качественной прессы (*The Economist*, *The Guardian*, *The New York Times*) на английском языке за период 1990–1999 гг. Выбор указанного периода продиктован стремлением выявить и рассмотреть особенности дистрибуции СП в англоязычном медийном дискурсе времен становления Интернета для проведения дальнейшего сопоставительного анализа с данными, полученными в отношении прессы 2000–2023 гг.

## Результаты исследования

### *Первый этап: количественный анализ СП*

На первом этапе исследования в статьях выборки были зафиксированы все случаи актуализации СП; в их отношении в дальнейшем были осуществлены соответствующие количественные подсчеты. Уже на данном этапе мы столкнулись с определенными трудностями, которые связаны с отсутствием единообразной трактовки термина «стилистический прием» в современной лингвистике и, в частности, в стилистике. Как известно, данное понятие было введено в область английской стилистики и подробно рассмотрено в работах И. Р. Гальперина,

где СП в самом общем смысле трактовался как «типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи» или, иначе говоря, как «сгущение объективно существующих в языке средств», которое «не является натуралистическим воспроизведением этих средств, а качественно их преобразовывает» [Гальперин, 1958. С. 47].

В нашем понимании термина мы придерживаемся более поздней трактовки, которая характерна для современной когнитивно-дискурсивной парадигмы знания и в меньшей степени основывается на такой субъективной характеристике, как «выразительность». Вслед за Е. Г. Беляевской, СП понимается нами как «многоступенчатая когнитивная модель формирования контекста» или «модель преобразования контекстов», которая «по-разному функционирует в разных типах дискурса» [Беляевская, 2013. С. 9, 16]. Иными словами, в отличие от И. Р. Гальперина, нами не проводится разграничение между понятиями «стилистический прием» и «выразительное средство языка» [Гальперин, 1958. С. 129]; стилистические приемы, по нашему мнению, могут иметь разную степень выразительности. Из этого следует, что СП также могут носить «штампованный» характер [Гальперин, 1958. С. 129]; более того, представляется, что «серийный» характер актуализации является характерной чертой некоторых СП при их реализации в медиадискурсе.

Итак, в результате подсчетов в исследовательской выборке было зафиксировано в общей сложности 2271 СП, среди которых в рассмотренных статьях наиболее часто активируются такие СП, как метафора (461 случай) (1), олицетворение (431 случай) (2), метонимия (327 случаев) (3):

(1) The century has been *littered with the debris left behind by false certainties*. – Столетие было усеяно обломками, оставленными ложными убеждениями (Liberty, equality, humility, The Economist, 09.09.1999) (курсив наш. – Е. Ш.);

(2) The *attack killed three Chinese journalists*. – Атака унесла жизни троих китайских журналистов (A summer thaw?, The Economist, 09.09.1999) (курсив наш. – Е. Ш.);

(3) The *police last month broke up a gang*. – В прошлом месяце полиция разбила банду (A new class of trafficker, The Economist, 09.09.1999) (курсив наш. – Е. Ш.).

Следует отметить, что в ходе проведения дальнейшего анализа было сделано наблюдение о закономерностях реализации СП, связанных с их синхронной активацией. В частности, стойкую тенденцию к совместной реализации демонстрируют такие наиболее частотные СП выборки, как метонимия и олицетворение, в результате чего в медийных текстах формируются соответствующие стилистические конвергенции. Конвергенция, как пишет И. В. Арнольд, представляет собой «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [Арнольд, 1974. С. 47]. Заметим также, что формирование стилистических конвергенций мы считаем следствием гибридизации лингвокреативных средств языка на различных его уровнях (о гибридизации лингвокреатива см. подробнее в [Шмелёва, 2021]).

Выявленная в исследовательской выборке конвергенция СП олицетворения и метонимии представляется типичной для медийного дискурса в целом, что может объясняться ее значительным прагматическим потенциалом, поскольку комбинация данных СП позволяет в более экспрессивной манере указывать на руководство стран, органов или крупных организаций в составе государств, тем самым подчеркивая их монолитность и одновременно значимость (4):

(4) Mr Chubais has come to stand for the possibility of *a Russian government that works*. – Г-н Чубайс выступил за возможность создания работающего российского правительства (The humbling of Chubais, The Economist, 20.11.1997) (курсив наш. – Е. Ш.).

На следующем этапе исследования были изучены закономерности дистрибуции выявленных СП, связанные с таким параметром, как уровень их языковой реализации; результаты данных количественных подсчетов представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Количество СП на различных уровнях языковой реализации  
в статьях выборки

Table 1

The total number of SDs implementation on various language layers  
in the sample articles

<b>Количество статей</b>	50
<b>Общее число СП</b>	2271
<b>Общее число фонетических СП, в т. ч. аллитерация и ассонанс</b>	126
<b>Общее число лексических СП, в т. ч.:</b>	1591
метафора	461
метонимия	327
эпитет	154
перифраз	39
антитеза	101
гипербола	32
аллюзия	24
каламбур	6
парадокс	6
сравнение	4
олицетворение	431
литота	3
зевгма	3
игра слов	0
<b>Общее число синтаксических СП, в т. ч.:</b>	554
перечисление	185
параллельная конструкция	84
повтор	168
эллипсис	30
нарративный вопрос	29
инверсия	9
бессоюбие	0
градация	31
риторический вопрос	17

Анализ показал, что общее количество лексических СП (1591 случай) почти втрое превышает число синтаксических СП (554 случая); при этом число установленных фонетических СП, по нашим данным, также значительно меньше (126 случаев), что мы связываем с письменной формой реализации рассматриваемых текстов.

Установлено, что на синтаксическом уровне в статьях анализируемой выборки наиболее часто активируются такие СП, как перечисление (185 случаев) (5) и различные виды повтора

(168 случаев) (6, 7, 8). Представляется, что частотность данных СП в текстах медиа определяется их широким прагматическим потенциалом, позволяющим авторам статей определенным образом направить фокус читательского внимания (посредством повтора) и предоставить необходимый объем информации, одновременно осуществляя воздействие на реципиента (посредством перечисления):

(5) Representatives of the the smaller of the two main rebel groups recently met members of Colombia's National Peace Council and others – *churchmen, businessmen, politicians*. – Представители меньшей из двух основных повстанческих группировок недавно встретились с членами Колумбийского Национального совета мира и другими – представителями церкви, бизнесменами, политиками (War and Peace, The Economist, 09.07.1998) (курсив наш. – Е. Ш.);

(6) Морфологический повтор: For the time being, however, the council has held *firm*, and that *firmness* has paid off. – Некоторое время, однако, совет держался твердо, и эта твердость принесла свои плоды (Settling with Saddam, The Economist, 20.11.1997) (курсив наш. – Е. Ш.);

(7) Семантический повтор: The two enormous *conflicts* which have characterised it, that between capitalism and communism, and that between the old empires and the new powers – *struggles* that have interacted through the decades – have ended. – Два огромных конфликта, которые характеризовали его, – между капитализмом и коммунизмом и между старыми империями и новыми державами – борьба, которая продолжалась на протяжении десятилетий, – закончились (Suicide of Bolshevism brings twentieth century to a climax, The Guardian, 27.12.1991) (курсив наш. – Е. Ш.);

(8) Лексический повтор: <...> reporters and pundits struggled to cope with the consequences of an event with shattering *public* impact but, in theory, the minimum of public and constitutional significance. – <...> репортеры и эксперты изо всех сил пытались справиться с последствиями события, которое имело разрушительный общественный резонанс, но теоретически имело минимальное общественное и конституционное значение (Diana's body flown back to Britain, The Guardian, 01.09.1997) (курсив наш. – Е. Ш.).

Частотность фонетических СП, таких как звуковой повтор, включая аллитерацию и ассонанс (9, 10), мы также связываем с их потенциалом воздействия. По нашему мнению, такие СП способны активировать в медийном тексте звуковой фрейм, т. е. концептуальную структуру, репрезентирующую «данные о некотором звуке и сопряженных с этим звуком ассоциациях и реакциях получателя информации» [Беляевская, 2014. С. 17]:

(9) Аллитерация: He [Mr Bush] *demonised* Iraq's dictator Saddam Hussein. – Он [г-н Буш] демонизировал иракского диктатора Саддама Хусейна (America's Demons, The Economist, 20.11.1997) (курсив наш. – Е. Ш.);

(10) Аллитерация: In the streets, *perestroika* became *people power*. – На проспектах *перестройка* стала народной властью (After the Coup, The Guardian, 23.08.1991) (курсив наш. – Е. Ш.).

В приведенных выше контекстах звуковой повтор активизирует фонетические фреймы, направленные на формирование соответствующих ассоциаций у читателя: демонического образа иракского лидера (9) и образа противостояния, борьбы (10). Примечательно, что  $\frac{2}{3}$  примеров активации фонетических СП, выявленных в рамках выборки, представляют собой именно случаи реализации аллитерации, а не ассонанса, что представляется дискурсивно-обусловленной особенностью актуализации СП на данном уровне языка.

### **Второй этап: фреймовый анализ СП**

На втором этапе исследования особенности дистрибуции СП в рамках выборки были соотнесены с фреймовыми моделями (ФМ) в основании семантики статей их реализации. Отметим, что фрейм, вслед за Ч. Филлмором, понимается нами как «специфическая систе-

ма знаний» или «схематизация опыта» (“specific unified frameworks of knowledge, or coherent schematization of experience”) (перевод наш. – *Е. Ш.*) [Fillmore, 1985. С. 223]. Фреймовые модели, рассмотренные далее, были установлены в результате выявления фокуса повествования статей анализируемой выборки и описывают персоналии (ФМ «Человек»), резонансные события / динамические процессы (ФМ «Событие») или абстрактные феномены / объекты (ФМ «Явление»). По нашим подсчетам, в рассмотренных статьях наиболее часто реализуется ФМ «Явление» (29 из 50 статей выборки), лежащая в основании семантики статей разнообразной тематики, включая, например, террористическую деятельность ИРА (Reforming Ulster’s police, *The Economist*, 09.09.1999), противостояние США и Ирака (America’s Demons, *The Economist*, 20.11.1997), гиперинфляцию в России (Is Russia going wrong?, *The Economist*, 20.11.1997), наркотрафик в Колумбии (The disputatious diplomacy of drugs, *The Economist*, 09.09.1999) или японский рост экономики (Japan sees the light, *The Economist*, 26.06.1993). Частотность реализации ФМ «Явление» указывает на внимание качественной англоязычной прессы к анализу проблем абстрактного характера.

ФМ «Событие» выявлена в основании семантики около 20 % статей выборки (11 из 50 текстов), освещающих, к примеру, такие резонансные политические события и процессы, как подписание Маастрихтского договора об образовании ЕС (The deal is done, *The Economist*, 14.12.1991) или установление Гонконгом независимости от Великобритании (A last hurrah and an empire closes down, *The Guardian*, 01.07.1997).

Наконец, ФМ «Человек», по нашим данным, реализуется в основании семантики наименьшего числа статей выборки (10 из 50 текстов) для указания на таких знаковых персон того времени, как принцесса Диана (Diana’s body flown back to Britain, *The Guardian*, 01.09.1997), С. Хусейн (Settling with Saddam, *The Economist*, 20.11.1997), М. Горбачев (After the coup, *The Guardian*, 23.08.1991) или А. Чубайс (The humbling of Chubais, *The Guardian*, 20.11.1997).

Важно подчеркнуть, что выявленные фокусы повествования («Человек», «Событие», «Явление») характерны для всех медийных текстов и зачастую реализуются одновременно в рамках одной и той же статьи. При этом, как было отмечено ранее, для выделения соответствующей ФМ требуется установление основного фокуса повествования, чему, среди прочего, способствует анализ дистрибуции СП в каждом рассматриваемом тексте. Замечено, что аккумуляция СП (включая формирование соответствующих стилистических конвергенций) в некотором отрезке статьи нередко служит определенной прагматической установке автора и тем или иным образом направляет фокус внимания реципиента. В этой связи на заключительном этапе исследования особенности дистрибуции СП в медийных статьях были связаны с ФМ, лежащими в основании их семантики. Результаты количественных подсчетов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Общее число СП в зависимости от ФМ в основании статей их реализации

Table 2

The total number of SDs in accordance with the FMs underlying the articles of their implementation

	<b>Человек</b>	<b>Событие</b>	<b>Явление</b>
	<b>1</b>	<b>2</b>	<b>3</b>
Количество статей	10	11	29
Количество СП	490	413	1368
<b>Фонетические СП</b>	<b>30</b>	<b>13</b>	<b>83</b>
<b>Лексические СП</b>	<b>350</b>	<b>298</b>	<b>943</b>
Метафора	112	62	287

Окончание табл. 2

	<b>1</b>	<b>2</b>	<b>3</b>
Метонимия	65	85	177
Эпитет	41	22	91
Перифраз	5	10	24
Антитеза	25	13	63
Гипербола	13	1	18
Аллюзия	0	5	19
Каламбур	4	0	2
Парадокс	1	1	4
Сравнение	1	2	1
Олицетворение	82	96	253
Литота	0	1	2
Зевгма	1	0	2
Игра слов	0	0	0
<b>Синтаксические СП</b>	<b>110</b>	<b>102</b>	<b>342</b>
Перечисление	34	32	119
Параллельная конструкция	16	19	49
Повтор	38	30	100
Эллипсис	7	4	19
Нарративный вопрос	4	3	22
Инверсия	4	1	4
Бессоюзие	0	0	0
Градация	6	7	18
Риторический вопрос	1	5	11

В ходе анализа полученных данных была выявлена относительная частотность актуализации СП в текстах различных ФМ, которая рассчитывалась из соотношения общего числа зафиксированных СП к количеству статей той или иной ФМ. Установлено, что относительная частотность активации СП в статьях ФМ «Человек» и ФМ «Явление» практически идентична (в среднем в одной статье ФМ «Человек» содержится 49 СП, а в статье ФМ «Явление» – 47 СП), в то время как в текстах ФМ «Событие» данный показатель существенно ниже (37 СП в одной статье). Мы полагаем, что тексты ФМ «Человек» и ФМ «Явление» носят более абстрактный характер, вследствие чего в них реализуется больший объем выразительных средств, включая СП. Представляется, что полученные данные также можно объяснить жанрово-функциональной принадлежностью анализируемых статей: по нашим подсчетам, около  $\frac{2}{3}$  текстов ФМ «Человек» и ФМ «Явление» относятся к очеркам и комментариям, в то время тексты ФМ «Событие», как правило, представляют собой новостные статьи, чей тон изложения существенно менее экспрессивен.

### Заключение

Таким образом, в рамках текущего исследования в результате проведения количественного и фреймового анализов были выявлены некоторые закономерности дистрибуции СП в текстах

англоязычной качественной прессы 1990–1999 гг. Установлено, что в текстах выборки наиболее широко актуализируются лексические СП, причем наибольшую частотность демонстрируют СП метафоры, метонимии и олицетворения, а конвергенция метонимии и олицетворения представляется типичной для медийного дискурса в целом. В ходе фреймового анализа выявлено, что относительная частотность реализации СП в статьях ФМ «Явление» соотносима с показателями статей ФМ «Человек» и существенно превышает данные по текстам, в основании которых лежит ФМ «Событие». Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что закономерности дистрибуции СП в медийных статьях обусловлены как внутренней структурой дискурса анализируемого типа, так и фреймовыми моделями, по которым строятся отдельные статьи его реализации. В дальнейшем планируется проведение исследования на материале текстов прессы других типов в диахронии.

### Список литературы

- Арнольд И. В.** Стилистика декодирования. Курс лекций. Л.: ЛГПИ им. Ленина, 1974. 78 с.
- Беляевская Е. Г.** «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник МГЛУ. Вып. 17 (703). М.: Рема, 2014. С. 15–23.
- Беляевская Е. Г.** Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестник МГЛУ. Вып. 17 (677). Серия: Языкознание. М.: Рема, 2013. С. 7–17.
- Гальперин И. Р.** Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1958. 458 с.
- Добросклонская Т. Г.** Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 203 с.
- Шмельёва Е. С.** Гибридикация (лингво)креатем в англо- и русскоязычных медиа (на материале текстов о событиях актуальной российской политики) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 107–122.
- Fillmore Ch.** Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica Vol. VI № 2, 1985, p. 222–254.

### Список источников

- The Economist [Электронный ресурс]. URL: [www.economist.com](http://www.economist.com) (дата обращения: 15.05.2024).
- The Guardian [Электронный ресурс]. URL: [www.theguardian.com](http://www.theguardian.com) (дата обращения: 15.05.2024).

### References

- Arnold I. V.** Stilistika dekodirovaniya [Stylistics of Decoding]. Leningrad, LGPI im. Lenina, 1974, 78 p. (in Russ.)
- Belyaevskaya E. G.** Modelirovanie stilisticheskikh priemov v diskurse [Modelling Stylistic Devices in Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Vestnik of Moscow State Linguistic University]*, 2013, no. 17 (677), pp. 7–17. (in Russ.)
- Belyaevskaya E. G.** “Zvukovye” freymy i analiz narrativnogo diskursa [“Sound” Frames and Narrative Discourse Analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Vestnik of Moscow State Linguistic University]*, 2014, no. 17 (703), pp. 15–23. (in Russ.)
- Gal’perin I. R.** Oчерки po stilistike anglijskogo jazyka [On English Stylistics]. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh jazykah, 1958, 458 p. (in Russ.)
- Dobrosklonskaja T. G.** Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech’ [Medialinguistics: a systemic approach to the study of the language of the media: modern English media discourse]. Moscow, Flinta: Nauka, 2008, 203 p. (in Russ.)

- Shmelyova E. S.** Gibridizacija (lingvo)kreatem v anglo- i ruskojazychnyh media (na materiale tekstov o sobytijah aktual'noj rossijskoj politiki) [Hybridization of Linguacreative Items in Russian- and English-language Media (based on articles addressing events of current Russian politics)]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2021, no. 2, pp. 107–122. (in Russ.).
- Fillmore Ch.** Frames and the Semantics of Understanding // *Quaderni di Semantica* Vol. VI no. 2, 1985. p. 222–254.

### List of sources

The Economist. URL: [www.economist.com](http://www.economist.com) (accessed: 15.05.2024).  
The Guardian. URL: [www.the-guardian.com](http://www.the-guardian.com) (accessed: 15.05.2024).

### Информация об авторе

**Шмелёва Екатерина Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка ФАЯ МГЛУ  
Scopus Author ID 57214232600  
RSCI Author ID 850448  
SPIN 1262-9391

### Information about the Author

**Ekaterina S. Shmelyova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Stylistics, English Language Faculty, MSLU  
Scopus Author ID 57214232600  
RSCI Author ID 850448  
SPIN 1262-9391

*Статья поступила в редакцию 15.05.2024;  
одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 06.09.2024*

*The article was submitted 15.05.2024;  
approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 06.09.2024*

Научная статья

УДК 81'322.2

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-80-92

## Автоматическая саммаризация родительских чатов в WhatsApp

Кристина Александровна Дмитриева<sup>1</sup>  
Марина Романовна Жолус<sup>2</sup>

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»  
Санкт-Петербург, Россия

<sup>1</sup> kadmitrieva@hse.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9548-3273>

<sup>2</sup> mrzholus@edu.hse.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4124-1956>

### Аннотация

Автоматическая саммаризация текста – одна из ключевых задач NLP, предполагающая создание краткой версии исходного текста. В современном мире, где объемы потребляемой человеком информации неустанно растут, задаче саммаризации уделяется все больше внимания. Автореферирование предполагает два основных подхода: экстрактивный и абстрактивный. Последний заключается в автоматическом создании саммари текста, в котором могут содержаться слова и предложения, не встречающиеся в источнике. Этот подход зачастую требует использования нейросетевых моделей, и для его реализации необходимы большие наборы специальным образом размеченных данных. Несмотря на значительные успехи в абстрактивной саммаризации публицистических и научных текстов, методы и датасеты, используемые для работы с монологическими документами, не всегда применимы для саммаризации диалогов. Кроме того, хотя создано достаточно много англоязычных датасетов для саммаризации текстов различных доменов, существующие наборы данных для автоматического аннотирования текстов на русском языке пока немногочисленны. Настоящая статья посвящена разработке и описанию русскоязычного диалогового датасета для саммаризации сообщений в родительских чатах и последующему обучению модели абстрактивной саммаризации для русского языка на авторском наборе диалоговых данных. В качестве материала выступил родительский чат с учителем в мессенджере WhatsApp. Процесс ручной разметки датасета включал в себя разбиение всех сообщений чата на отдельные диалоги, создание саммари и присвоение тематических меток для каждого разговора. В результате был создан датасет, содержащий 616 диалогов, в общей сложности состоящих из 3380 сообщений. Для фэйн-тьюнинга были выбраны модели-трансформеры ruT5, mT5 и RuGPT (ruT5 и RuGPT были предварительно обучены на русскоязычном датасете для автоматической саммаризации новостей), а для оценки их качества – метрики ROUGE-1, ROUGE-2, ROUGE-L, BLEU и BERTScore. В результате модели ruT5, дообученной на авторском датасете, удалось превзойти бейзлайн по всем пяти метрикам.

### Ключевые слова

автоматическая саммаризация текста, диалоговая саммаризация, машинное обучение, трансформеры, обработка естественного языка.

### Финансирование

Исследование подготовлено по материалам проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

### Для цитирования

Дмитриева К. А., Жолус М. Р. Автоматическая саммаризация родительских чатов в WhatsApp // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 80–92. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-80-92

© Дмитриева К. А., Жолус М. Р., 2025

## Automatic Summarization of Parental Chats on WhatsApp

Kristina A. Dmitrieva<sup>1</sup>, Marina R. Zholus<sup>2</sup>

HSE University, Saint Petersburg,  
Russian Federation

<sup>1</sup> kadmitrieva@hse.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9548-3273>

<sup>2</sup> mrzholus@edu.hse.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4124-1956>

### Abstract

Automatic text summarization is one of the main tasks of natural language processing (NLP), which consists in creating a shorter version of the source text. In today's world the amount of information consumed by people is constantly increasing, therefore more and more emphasis is being placed on the task of summarization. There are two main approaches to automatic text summarization: extractive and abstractive ones. The latter involves automatic creation of a summary text that may contain words and phrases not present in the source. This approach usually requires the usage of AI models, which creates a demand for large datasets labeled in a certain way. Despite significant advances in summarization of scientific and news articles, the methods and datasets applied to monologue documents are not always suitable for dialogue summarization. Besides, although there exists a considerable number of English-language summarization datasets, the number of those available in Russian is not yet sufficient. The paper is devoted to the labeling and description of a Russian-language dataset for group chat messages summarization and fine-tuning models for the task of abstractive summarization for the Russian language on a custom dialogue dataset. A parental chat with a teacher in WhatsApp was used as material for the dataset. The process of manually labeling the dataset consisted in dividing the entire group chat into separate dialogues, writing a summary, and adding topic labels for each of them. As a result, a dataset has been created, which includes 616 dialogues with a total of 3380 messages. The ruT5, mT5 and RuGPT models were selected for fine-tuning, the ruT5 and RuGPT models were pre-trained on a Russian-language dataset for automatic news summarization. The ROUGE-1, ROUGE-2, ROUGE-L, BLEU and BERTScore metrics were used to evaluate the quality of the models. Subsequently, the ruT5 model, fine-tuned on the custom dataset, turned out to outperform the baseline model in all the five metrics.

### Keywords

Automatic text summarization, dialogue summarization, machine learning, transformers, dataset, NLP

### Funding

The article is based on the materials of the project "Text as Big Data: methods and models of working with large text data", carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2024

### For citation

Dmitrieva K. A., Zholus M. R. Automatic Summarization of Parental Chats on WhatsApp. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 80–92. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-80-92

## Введение

Саммаризация текста – это задача автоматической генерации краткого и емкого резюме, отражающего основные идеи текста-источника [Liu et al., 2018]. Первые попытки создания сокращенных версий текстовых документов с помощью компьютерных программ были приняты еще в 50-х годах прошлого века [Luhn, 1958]. С тех пор объемы и скорость накопления информации человечеством значительно увеличились, что сделало автоматическую саммаризацию текстов одной из важнейших задач NLP (Natural Language Processing) [Narayan et al., 2018: 1797]. Появились новые методы решения этой задачи: наряду с экстрактивным подходом, предполагающим создание аннотаций из ключевых предложений исходного текста [Liu, 2018], получила широкое распространение абстрактивная саммаризация, допускающая использование в саммари слов и предложений, не встречающихся в источнике [Gliwa et al., 2019: 70]. Поскольку абстрактивный подход предполагает генерацию текста и работу с последовательностями, для его реализации обычно применяют рекуррентные нейронные сети или модели-трансформеры [Jin et al., 2024].

Исследователи добились значительных успехов в автоматической генерации саммари для монологических текстов разных доменов: новостей [Hermann et al., 2015], правовых документов [Shukla et al., 2022], научных публикаций [An et al., 2021: 12498], медицинских вопросов [Ghosh et al., 2024]. Однако методы, эффективные для резюмирования монологических текстов, хуже справляются с саммаризацией диалогической речи [Rameshkumar, Bailey, 2020: 5123]. Одна из причин этого явления – сравнительно небольшое количество существующих датасетов для абстрактивной саммаризации диалогов, в особенности на русском языке. Хотя работы по созданию диалоговых датасетов для саммаризации текстов различной тематики ведутся с начала XXI века, их общее количество и объем размеченных данных значительно уступают датасетам новостных статей и научных публикаций [Gliwa et al., 2019: 70].

В настоящей статье описан процесс создания русскоязычного датасета для абстрактивной диалоговой саммаризации сообщений из родительских чатов, а также последующее дообучение саммаризационных моделей на получившемся наборе размеченных данных. Выбранный текстовый домен представляется нам интересным не только ввиду диалогической природы, но и из-за актуальной тематики. Родительские чаты в социальных сетях и мессенджерах стали настолько заметным явлением в современном российском обществе, что в 2021 году ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) провел исследование, посвященное этому феномену. Сегодня родители тратят большое количество времени на чтение переписки в школьных чатах, испытывая при этом трудности в преодолении конфликтных ситуаций [Bylieva, Lobatyuk, 2023]. Созданный датасет и обученные модели для саммаризации родительских чатов призваны упростить и ускорить извлечение полезной информации при взаимодействии родителей и учителей в социальных сетях и мессенджерах.

## Обзор литературы

В 1958 году Лун [Luhn, 1958] одним из первых реализовал алгоритм саммаризации на материале научных публикаций и назвал новую задачу «автоматическим созданием аннотаций», основной целью исследователя было создание модели, способной находить ключевые предложения статей и формировать из них авторефераты. Позже подобный метод, заключающийся в поиске главных предложений, содержащих основные сведения из исходного текста, получил название «экстрактивный» (extractive). Основное преимущество экстрактивной саммаризации заключается в том, что для ее реализации можно использовать так называемые алгоритмы машинного обучения без учителя, а значит, сэкономить значительные ресурсы на разметке данных [Moratanch, Gopalan, 2017]. С распространением нейронных сетей и новых методов саммаризации этот подход стал менее популярен, однако до сих пор применяется в некоторых исследованиях [Chowdhury et al., 2024].

Абстрактивная саммаризация – сравнительно новый подход к задаче автоматического создания аннотаций, реализованный во многих современных исследованиях [Zhang et al., 2021; Lyu et al., 2024]. Он предполагает генерацию текстов саммари с использованием слов и предложений, которые не содержатся в исходном тексте. Хотя этот метод позволяет создавать более естественные и емкие резюме, для обучения нейросетевых моделей для абстрактивной саммаризации необходимы большие объемы качественно размеченных данных (датасеты, содержащие исходный текст и эталонное саммари), что усложняет применение абстрактивного подхода на практике [Jin et al., 2024].

С середины прошлого века не только появились новые методы автоматической саммаризации текстов, но и расширилась сфера ее применения. Так, помимо научных публикаций, саммаризацию применяют к юридическим документам [Shukla et al., 2022], новостным статьям [Hermann et al., 2015], диалогам [Feng et al., 2022], медицинским текстам [Ghosh et al., 2024], постам из блогов и соцсетей [Dutta et al., 2018] и текстам других жанров и тематик.

На сегодняшний день существует достаточное количество наборов данных для решения задачи суммаризации монологических текстов разных доменов на английском языке. Один из крупнейших таких датасетов – Gigaword [Napoles et al., 2012], состоящий из 9 876 086 новостных статей с заголовками в качестве саммари. Несмотря на очевидное преимущество в количестве размеченных текстов, датасет подвергается критике за использование заголовков в качестве саммари [Jin et al., 2024]. Еще один не менее популярный датасет для суммаризации новостей – корпус статей, собранных с официальных сайтов CNN и DailyMail, с их абстрактными саммари [Hermann et al., 2015]. Всего этот набор данных содержит 312 085 пар текст-саммари, и ввиду своего объема часто применяется для решения задач суммаризации текстов других доменов: в частности, создатели диалоговых датасетов [Gliwa et al., 2019; Chen et al., 2021] используют модели, обученные на корпусе CNN/DailyMail, как бейзлайн при оценке своих данных или объединяют свои примеры с тренировочной частью новостного датасета при обучении нейронных сетей для достижения лучшего качества суммаризации. Среди крупных датасетов с текстами других жанров можно выделить корпус научных публикаций, собранных с порталов arXiv.org (215 000 статей) и PubMed.com (133 000 статей), с авторскими аннотациями в качестве эталонных саммари [Cohan et al., 2018: 618].

Русскоязычные наборы данных для решения задачи суммаризации менее разнообразны и в основном представлены текстами газетных статей с заголовками или специально созданными аннотациями в качестве саммари (например, датасет Gazeta [Gusev, 2020]). Кроме того, существуют крупные мультиязычные наборы данных для задач суммаризации, в которых встречаются в том числе тексты на русском языке, например, XL-Sum [Hasan et al., 2021].

### Датасеты для диалоговой суммаризации

Диалоговая суммаризация как отдельное направление прикладных исследований требует других наборов данных для обучения моделей. Хотя в последние годы появилось достаточно много новых диалоговых датасетов, количество и общий объем наборов данных для суммаризации монологических текстов значительно превышает те же показатели датасетов для диалоговой суммаризации. При этом многие из существующих диалоговых датасетов посвящены решению задачи суммаризации текстов конкретного домена, например, созданию медицинских выписок (MTS-Diallog [Ben Abacha et al., 2023]) или кратких выжимок диалогов с клиентами (DiDi [Liu et al., 2019]). В табл. 1 представлены обобщенные сведения об основных датасетах для диалоговой суммаризации, отсортированные по количеству диалогов.

Таблица 1

Сравнение датасетов для диалоговой суммаризации

Table 1

Comparison of dialogue summarization datasets

Название Name	Год Year	Количество диалогов Number of dialogues	Домен Domain
1	2	3	4
MediaSum [Zhu et al., 2021]	2021	463 596	Интервью
DiDi [Liu et al., 2019]	2019 (нет в публичном доступе)	328 880	Обращения в службу поддержки
SumTitles [Malykh et al., 2020]	2020	21 479	Субтитры к фильмам

*Окончание табл. 1*

1	2	3	4
SAMSum [Gliwa et al., 2019]	2019	16 369	Переписка в чатах
DialogueSum [Chen et al., 2021]	2021	13 460	Повседневная разговорная речь
EmailSum [Zhang et al., 2021]	2021	2 549	Электронные сообщения
MTS-DIALOGUE [Ben Abacha et al., 2023]	2023	1 701	Диалоги врачей с пациентами
TWEETSUM [Feigenblat et al., 2021]	2021	1 100	Обращения в службу поддержки
QMSum [Zhong et al., 2021]	2021	232	Совещания
CRD3 [Rameshkumar, Bailey, 2020]	2020	159	Словесные ролевые игры
AMI [Carletta et al., 2006]	2005	137	Совещания
ELITR [Nedoluzhko et al., 2022]	2022	120	Совещания
ISCI [Janin et al., 2003]	2003	75	Совещания

На основе данных из табл. 1 можно сделать вывод, что многие англоязычные датасеты для диалоговой саммаризации призваны решить задачу автоматического создания протоколов совещаний и конференций. Такие наборы данных в основном содержат небольшое количество текстов, однако средняя длина диалога в датасетах для создания протоколов совещаний значительно больше, чем в диалоговых корпусах других доменов [Zhu et al., 2021: 5930].

Единственный диалоговый датасет не на английском языке, представленный в таблице, – DiDi [Liu et al., 2019]. Кроме языка, он также примечателен своим объемом: 328 880 диалогов. Тексты представляют собой разговоры клиентов платформы транспортных услуг DiDi со службой поддержки, а эталонные аннотации написаны сотрудниками службы, участвовавшими в разговоре. Поскольку данные составляют коммерческую тайну, датасет не был опубликован.

Множество новых экспериментов в области диалоговой саммаризации появилось после публикации SAMSum [Gliwa et al., 2019] – первого датасета для задачи абстрактивной саммаризации онлайн-чатов. Он находится в открытом доступе и содержит эталонные аннотации, составленные лингвистами специально для задачи саммаризации. Интересно также, что сами диалоги были созданы искусственно специально для датасета и не являются реальными примерами сообщений из чатов. SAMSum критикуют за сравнительно короткие диалоги (в среднем 94 токена) и ограниченное количество затронутых в переписках тем [Chen et al., 2021: 5063].

Еще один популярный датасет для диалоговой саммаризации – DialogSum [Chen et al., 2021]. Он состоит из повседневных бесед на различные тематики, собранных с сайтов для изучения английского языка и аннотированных вручную. Создатели отмечают, что их диалоги длиннее и тематически разнообразнее [Chen et al., 2021: 5063], чем в SAMSum, однако значения метрик качества моделей, обученных на DialogSum, стабильно хуже, чем показатели тех же моделей, обученных на SAMSum [Chen et al., 2021: 5066].

Таким образом, за последние 20 лет появилось достаточно много англоязычных диалоговых датасетов, был собран крупный корпус диалогов на китайском языке. Однако наборы размеченных данных для диалоговой саммаризации на русском языке пока немногочисленны и в основном представлены непубличными датасетами для создания протоколов совещаний

и машинными и полумашинными переводами англоязычных датасетов. Так, например, существуют русскоязычные версии корпусов SAMSum и DialogSum, но автоматически переведенные на русский язык саммари содержат ошибки и неточности в формулировках. Собранный нами датасет представляет набор размеченных данных для русскоязычной диалоговой саммаризации в домене родительских онлайн чатов.

### Методы и материал исследования

В качестве основы для датасета выступил родительский чат с учителем в мессенджере WhatsApp. Чат был экспортирован в файл формата plain text при помощи встроенной функции в приложении, а далее преобразован нами в файл json-формата, в котором номера телефонов и имена отправителей сообщений были заменены на условные обозначения формата «Родитель\_[индекс]» (например, «Родитель\_9») и «Классный\_руководитель», а также сохранены данные о дате и времени отправления сообщения.

Разметка данных была осуществлена вручную авторами работы. Для этого с опорой на существующие исследования [Gliwa et al., 2019; Chen et al., 2021] был разработан ряд правил, необходимых для унификации разметки и последующего качественного обучения модели:

- оригинальный датасет должен быть очищен от системных сообщений, таких как уведомления об удалении сообщений, добавлении участников в чат или отправке медиа-файлов;
- членение диалога решено совершать с опорой на даты отправки сообщений таким образом, при котором каждая тема внутри отрезка диалога должна быть логически завершена, даже если параллельно обсуждается вторая: таким образом, один выделенный диалог может содержать несколько тем, обсуждаемых параллельно разными участниками чата;
- размеченные данные должны содержать поля «id», «text» с оригинальным отрывком разговора, состоящим из одного или нескольких сообщений, «summary» с кратким резюме разговора, «topics» с тематическими метками разговора и «type» – поле, в которое записывалось значение «монолог» или «диалог», исходя из количества человек, чьи реплики вошли в тот или иной отрезок переписки;
- аннотации должны быть написаны кратко, в третьем лице и в настоящем времени, без графических и текстовых эмодзи и в стиле, приближенном к официально-деловому;
- для каждого диалога разметчик составляет один вариант саммари, после чего каждое написанное резюме проходит процесс утверждения и редактуры (при необходимости) вторым аннотатором;
- допускается присвоение одному разговору нескольких тематических меток, длина каждой из которых не должна была превышать трех токенов;
- тематические метки присваиваются вручную разметчиком на основе анализа содержания исходного диалога, в дальнейшем метки от разных разметчиков проходят процесс унификации (темы, близкие по смыслу, но по-разному названные разметчиками, приводятся к одному тэгу).

После проведения разметки мы посчитали показатель BERTScore [Zhang et al., 2020] для исходных диалогов и саммари, чтобы подтвердить соответствие аннотации содержанию исходного текста с помощью формальных метрик. Получившееся значение (0,751) и экспертная оценка качества саммари со стороны второго разметчика дали нам основание для использования датасета при дообучении языковых моделей для задачи саммаризации диалогов на русском языке.

Размеченный набор данных мы разделили случайным образом на три выборки:

- обучающую: 70 %, 432 диалога;

- валидационную (использовавшуюся для подбора гиперпараметров модели): 15 %, 92 диалога;
- тестовую: 15 %, 92 диалога.

Далее на авторском датасете нами был проведен файн-тьюнинг моделей-трансформеров (RuGPT-3, ruT5 и mT5) через библиотеку transformers от Hugging Face, а также последующая валидация моделей с помощью метрик ROUGE [Lin, 2004], BLEU [Papineni et al. 2002] и BERTScore [Zhang et al., 2020] и соответствующих python-библиотек.

## Результаты и дискуссия

### Описание разработанного датасета

В результате проведенной работы был получен размеченный диалоговый датасет для задачи саммаризации, основные параметры которого представлены в табл. 2.

Таблица 2

Ключевые параметры разработанного датасета

Table 2

The dataset's key characteristics

Количество сообщений	3 380	
Количество разговоров	616	
Сравнение диалогов и саммари	Исходный диалог	Саммари
Уникальные слова	20 638	3 651
Уникальные леммы	7 847	1 982
Минимальное количество токенов в диалоге	5 (M30)	3 (M19)
Максимальное количество слов в диалоге	3 937 (M158)	160 (K169)
Среднее количество слов в диалоге	145,16	23,62
Медианное количество слов в диалоге	84,0	18,0

На рисунке представлен фрагмент размеченного набора данных.

```
{
  "id": "K129",
  "text": "Классный_руководитель:
https://forms.office.com/Pages/ResponsePage.aspx?id=br6Yju\nКлассный_руков
одитель: Уважаемые родители! По ссылке выше можно предварительно
записаться в объединения платных образовательных услуг\nРодитель_33:
Добрый день! Расписание уроков на 1 сент уже есть?\nКлассный_руководитель:
Добрый день.Нет расписания\nРодитель_23: Для записи в доп.кружки хотелось
бы знать время их проведения. Или потом можно будет отказаться, если по
времени не стыковка?\nКлассный_руководитель: 1 сентября в 8-15 ребят
встречаю около входа 2 (боковая калитка), в 8-45 первый урок-классный
час, дальше уроки по расписанию (смотрим в дневнике, как
узнаю-сообдц)\nКлассный_руководитель: Без основного расписания трудно
определить дни для доп. кружков, обществензнание (Жарикова) в среду.Всё можем
сказать предварительно\n",
  "summary": "Классный руководитель приглашает записываться на платные
кружки, но Родитель_33 перед этим хочется ознакомиться с расписанием,
которого еще нет. Пока известно, что 1 сентября в 8:15 учеников ждут у
входа №2, а в 8:45 будет классный час.",
  "topics": ["расписание", "дополнительные занятия", "классный час"],
  "type": "диалог"
}
```

Фрагмент размеченного датасета

Sample of the labeled dataset

Помимо эталонных саммари, датасет содержит тематические метки, присвоенные авторами исследования каждому диалогу. Предполагается, что данные метки впоследствии могут быть применены для классификации диалогов по тематике. Кроме того, указание типа разговора у каждого элемента датасета позволяет как при необходимости отфильтровать данные таким образом, чтобы в них обязательно участвовало более одного участника, так и использовать датасет целиком, включая разговоры, состоящие из высказываний одного участника, что актуально для онлайн-чатов.

Мы провели также дополнительное исследование связи тем диалогов с качеством работы модели саммаризации. Для этого из тестовой выборки были отобраны диалоги по трем темам: «здоровье», «ссылка» и «домашнее задание». Данные темы были выбраны, поскольку в тестовую выборку попало примерно одинаковое и достаточное количество диалогов (10–11), относящихся к этим тематикам. Далее с помощью одной из наших моделей были сгенерированы саммари для этих диалогов, для каждой тематической группы посчитаны метрики качества саммаризации. Статистически значимых различий в метриках выявлено не было, при экспертном анализе саммари также не удалось выявить какие-либо характерные особенности реферирования диалогов разных тематик. Возможно, это связано с недостаточным количеством данных, и при расширении датасета мы бы наблюдали интересные закономерности, однако на данном этапе полученные результаты не демонстрируют зависимости качества саммаризации от характера темы саммаризируемого диалога.

### *Дообучение моделей саммаризации*

После создания датасета мы приступили к файн-тьюнингу саммаризационных моделей RuGPT-3 Medium, ruT5 и mT5. Они были выбраны нами для экспериментов, поскольку работают с текстами на русском языке, часто используются в современных исследованиях в области автоматической саммаризации, а также не требуют слишком больших вычислительных ресурсов для файн-тьюнинга. Причем первые две модели дообучены для задачи саммаризации русскоязычных новостей на датасете Gazeta [Gusev, 2020] и содержат только русские и английские эмбединги, а третья была взята для сравнения, так как является мультиязычной и не была дообучена на русском новостном корпусе, что, с одной стороны, усложняет работу с ней, а с другой – исключает возможность получения некачественных резюме из-за ориентированности на новостной формат текстов. Все модели относятся к трансформерам – архитектуре, впервые представленной в 2017 году исследовательским коллективом компании Google [Vaswani et al., 2017].

Для оценки качества работы моделей было решено использовать метрики ROUGE [Lin, 2004], BLEU [Papineni et al. 2002] и BERTScore [Zhang et al., 2020]. В качестве бейзлайна была выбрана упомянутая выше ruT5 как модель, показавшая в исследовании [Gusev, 2020] лучший результат для задачи саммаризации русскоязычных текстов по сравнению с RuGPT-3 Medium и mBART.

В табл. 3 представлено сравнение метрик бейзлайн-модели, полученных на диалоговом датасете, с результатами дообученных нами моделей.

Как видно по табл. 3, лучший результат показывает модель ruT5, предварительно обученная на задачу саммаризации на новостном датасете и являющаяся полноценным трансформером – ее показатели по метрикам пакета ROUGE значительно превышают показатели других двух моделей, также она обладает наивысшей оценкой по BERTScore. RuT5 уступает лишь разделяющей с ней одну архитектуру модели mT5 по показателю BLEU. Кроме того, ruT5 превзошла бейзлайн-модель по всем пяти метрикам.

Тем не менее при оценке качества абстрактивной саммаризации необходимо также вручную смотреть на сгенерированные моделью краткие содержания. В ходе экспериментов с ар-

Таблица 3

Оценка моделей

Table 3

Model evaluation

Архитектура	ROUGE-1	ROUGE-2	ROUGE-L	BLEU	BERTScore (F1)
Baseline	0,293	0,132	0,286	0,064	0,696
RuGPT-3 Medium	0,138	0,038	0,124	0,019	0,671
mT5	0,344	0,161	0,344	<b>0,305</b>	0,772
ruT5	<b>0,378</b>	<b>0,172</b>	<b>0,373</b>	0,147	<b>0,791</b>

Таблица 4

Сравнение сгенерированных саммари с эталонным

Table 4

Comparison of generated and reference summaries

Модель	Саммари
Эталон	Классный руководитель сообщает о готовности фотографий класса, предлагает выбрать понравившиеся и просит кого-либо из родителей заключить договор и оплатить фотографии по реквизитам за весь класс. Посмотреть фото живую можно 1 июня
Ru-GPT	Родители, чьи фотографии получают в школе, смогут посмотреть их в реальном времени на сайте школы
mT5	Классный_руководитель сообщает о получении фотографий 1 июня в школу
ruT5	Классный_руководитель сообщает о получении и оплате фотографий

хитектурами RuGPT-3 и T5 были получены как удачные с субъективной точки зрения саммари, так и не слишком. В табл. 4 представлены краткие содержания, сгенерированные моделями для одного из диалогов после файн-тюнинга на датасете родительских чатов.

Представленные примеры отражают недостатки, характерные для той или иной модели. Так, GPT склонна галлюцинировать, т. е. исказить информацию из источника и допускать фактические ошибки. Например, в эталонном саммари (см. табл. 4) сказано, что фото можно будет посмотреть «живую», однако в реферате, полученном с помощью Ru-GPT, предлагается ознакомиться с фотографиями на сайте школы. Обе модели серии T5 не допускают фактических ошибок, однако создают слишком короткие саммари, из-за чего упускают важную информацию: mT5 ничего не сообщает об оплате фотографий, ruT5 – о времени ознакомления. Подобного рода недостатки наблюдаются и в других сгенерированных на тестовой части датасета саммари, однако в целом можно сказать, что модели достаточно неплохо справляются с задачей реферирования текстовых диалогов.

## Заключение

Таким образом, в данной статье были рассмотрены актуальные проблемы в области задачи автоматической саммаризации текста, представлен новый датасет, разработанный с целью закрыть пробелы в сфере диалоговой саммаризации, а также приведены метрики качества саммаризационных моделей, дообученных на собранном наборе данных.

Согласно метрикам и экспертному анализу полученных саммари, из трех моделей лучше всего себя показала ruT5, предварительно также обученная на наборе данных Gazeta для зада-

чи саммаризации новостных статей на русском языке. Ей удалось превзойти бейзлайн по всем пяти метрикам.

Результаты исследования демонстрируют, что саммаризация в целом и диалоговая саммаризация в частности являются интересными, актуальными и перспективными направлениями в современных исследованиях и разработке, однако в русскоязычном научном пространстве интерес к этой теме в основном связан с закрытыми коммерческими разработками, а существующие датасеты для автоматического аннотирования текстов на русском языке пока немногочисленны.

Дообученные модели, представленные в статье, могут быть использованы в прикладных проектах, таких как разработка приложения или чат-бота для саммаризации диалогов в WhatsApp. Кроме того, планируется расширение полученного диалогового датасета путем добавления сообщений из чатов другой тематики, например, рабочих, студенческих или дружеских.

### Список литературы / References

- An C., Zhong M., Chen Y., Wang D., Qiu X., Huang X.** Enhancing Scientific Papers Summarization with Citation Graph. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 2021, vol. 35(14), pp. 12498–12506. <https://doi.org/10.1609/aaai.v35i14.17482>
- Ben Abacha A., Yim W., Fan Y., Lin T.** An Empirical Study of Clinical Note Generation from Doctor-Patient Encounters. *Proceedings of the 17th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*, 2023, pp. 2291–2302. Available at: <https://aclanthology.org/2023.eacl-main.168.pdf> (accessed: June 23, 2024).
- Budzianowski P., Wen T., Tseng B.H., Casanueva I., Ultes S., Ramadan O., et al.** MultiWOZ – A Large-Scale Multi-Domain Wizard-of-Oz Dataset for Task-Oriented Dialogue Modelling. *Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, 2018, pp. 5016–5026. <https://doi.org/10.18653/v1/d18-1547>
- Bylieva D., Lobatyuk V., Novikov M.** Parent Chats in Education System: During and after the Pandemic Outbreak. *Education Sciences*, 2023, vol. 13(8), pp. 778–794. <https://doi.org/10.3390/educsci13080778>
- Carletta J., Ashby S., Bourban S., Flynn M., Guillemot M., Hain T., et al.** The AMI Meeting Corpus: A Pre-announcement. *Lecture Notes in Computer Science*, 2006, pp. 28–39. [https://doi.org/10.1007/11677482\\_3](https://doi.org/10.1007/11677482_3)
- Chen Y., Liu Y., Chen L., Zhang Y.** DialogSum: A Real-Life Scenario Dialogue Summarization Dataset. Findings of the Association for Computational Linguistics: *ACL-IJCNLP 2021*, 2021, pp. 5062–5074. Available at: <https://aclanthology.org/2021.findings-acl.449.pdf> (accessed: June 24, 2024).
- Chowdhury S.B.R., Monath N., Dubey A., Zaheer M., McCallum A., Ahmed A., Chaturvedi S.** Incremental Extractive Opinion Summarization Using Cover Trees. arXiv (Cornell University). 2024. Available at: <https://arxiv.org/abs/2401.08047> (accessed: June 24, 2024).
- Cohan A., Deroncourt F., Kim D. S., Bui T., Kim S., Chang W., Goharian N.** A Discourse-Aware Attention Model for Abstractive Summarization of Long Documents. *Proceedings of the 2018 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, 2018, vol. 2, pp. 615–621. <https://doi.org/10.18653/v1/n18-2097>
- Dutta S., Chandra V., Mehra K., Ghatak S., Das A. K., Ghosh S.** Summarizing Microblogs during Emergency Events: A Comparison of Extractive Summarization Algorithms. *International Conference on Emerging Technologies in Data Mining and Information Security*, 2018. Available at: [https://www.researchgate.net/publication/325593717\\_Summarizing\\_Microblogs\\_during\\_Emer](https://www.researchgate.net/publication/325593717_Summarizing_Microblogs_during_Emer)

- gency\_Events\_A\_Comparison\_of\_Extractive\_Summarization\_Algorithms (accessed: June 25, 2024).
- Feigenblat G., Gunasekara R. C., Sznajder B., Joshi S., Konopnicki D., Aharonov R.** TWEET-SUMM A Dialog Summarization Dataset for Customer Service. *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2021*, 2021, pp. 245–260. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.findings-emnlp.24>
- Feng X., Feng X., Qin B.** A Survey on Dialogue Summarization: Recent Advances and New Frontiers. *Proceedings of the Thirty-First International Joint Conference on Artificial Intelligence*, 2022, pp. 5453–5460. <https://doi.org/10.24963/ijcai.2022/764>
- Ghosh A., Acharya A., Jha P., Gaudgaul A., Majumdar R., Saha S., Chadha A., Jain R., Sinha S., Agarwal S.** MedSUMM: A Multimodal Approach to Summarizing Code-Mixed Hindi-English clinical queries. arXiv (Cornell University). 2024. Available at: <https://arxiv.org/abs/2401.01596> (accessed: June 24, 2024).
- Gliwa B., Mochol I., Biesek M., Wawer A.** SAMSum Corpus: A Human-annotated Dialogue Dataset for Abstractive Summarization. *Proceedings of the 2nd Workshop on New Frontiers in Summarization*, 2019, pp. 70–79. <https://doi.org/10.18653/v1/d19-5409>
- Gusev I.** Dataset for Automatic Summarization of Russian News. In: *Communications in computer and information science*, 2020, pp. 122–134. [https://doi.org/10.1007/978-3-030-59082-6\\_9](https://doi.org/10.1007/978-3-030-59082-6_9)
- Hasan T., Bhattacharjee A., Islam Md. S., Mubasshir K., Li Y., Kang Y. B., Rahman S., Shahriyar R.** XL-Sum: Large-Scale Multilingual Abstractive Summarization for 44 Languages. *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL-IJCNLP 2021*, 2021, pp. 4693–703. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.findings-acl.413>
- Hermann K. M., Kočiský T., Grefenstette E., Espeholt L., Kay W., Suleyman M., Blunsom P.** Teaching Machines to Read and Comprehend. *Neural Information Processing Systems*, 2015, vol. 28, pp. 1693–1701. Available at: <http://papers.nips.cc/paper/5945-teaching-machines-to-read-and-comprehend.pdf> (accessed: June 25, 2024).
- Janin A., Baron D., Edwards J. A., Ellis D. P. W., Gelbart D., Morgan N., et al.** The ICSI meeting corpus. *2003 IEEE International Conference on Acoustics, Speech, and Signal Processing, 2003 Proceedings (ICASSP '03)*. 2003. Available at: [https://www.researchgate.net/publication/4015071\\_The\\_ICSI\\_meeting\\_corpus](https://www.researchgate.net/publication/4015071_The_ICSI_meeting_corpus) (accessed: June 23, 2024).
- Jin H., Yang Z., Meng D., Wang J., Tan J.** A Comprehensive Survey on Process-Oriented Automatic Text Summarization with Exploration of LLM-Based Methods. arXiv (Cornell University). 2024. Available at: <https://arxiv.org/abs/2403.02901> (accessed: June 24, 2024).
- Khalman M., Zhao Y., Saleh M.** ForumSum: A Multi-Speaker Conversation Summarization Dataset. *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2021*, 2021, pp. 4592–4599. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.findings-emnlp.391>
- Koupaee M., Wang W. Y.** WikiHow: A Large Scale Text Summarization Dataset. arXiv (Cornell University). 2018. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1810.09305> (accessed: June 24, 2024).
- Lin C.** ROUGE: A Package for Automatic Evaluation of Summaries. *Text Summarization Branches Out*. 2004. Available at: <https://aclanthology.org/W04-1013.pdf> (accessed: June 27, 2024).
- Liu C., Wang P., Xu J., Zang L., Ye J.** Automatic Dialogue Summary Generation for Customer Service. *KDD '19: Proceedings of the 25th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery & Data Mining*. 2019, pp. 1957–1965. <https://doi.org/10.1145/3292500.3330683>
- Liu L., Lu Y., Yang M., Qu Q., Zhu J., Li H.** Generative Adversarial Network for Abstractive Text Summarization. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 2018, vol. 32(1). Available at <https://arxiv.org/abs/1711.09357> (accessed: June 25, 2024).
- Liu Y.** Fine-tune BERT for Extractive Summarization. arXiv (Cornell University). 2019. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1903.10318.pdf> (accessed: June 23, 2024).
- Luhn H. P.** The Automatic Creation of Literature Abstracts. *IBM Journal of Research and Development*, 1958, vol. 2(2), pp. 159–165. <https://doi.org/10.1147/rd.22.0159>

- Lyu M. R., Cheng P., Li X., Balian P., Bian J., Wu Y.** Automatic Summarization of Doctor-Patient Encounter Dialogues Using Large Language Model through Prompt Tuning. *arXiv (Cornell University)*. 2024. Available at: <https://arxiv.org/abs/2403.13089> (accessed: June 24, 2024).
- Malykh V., Chernis K., Artemova E., Piontkovskaya I.** SumTitles: a Summarization Dataset with Low Extractiveness. *Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics*, 2020, pp. 5718–5730. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.coling-main.503>
- Moratanch N., Gopalan C.** A survey on Extractive Text Summarization. *2017 International Conference on Computer, Communication and Signal Processing (ICCCSP)*. 2017. Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7944061> (accessed: June 25, 2024).
- Napoles C., Gormley M. R., Van Durme B.** Annotated Gigaword. *Proceedings of the Joint Workshop on Automatic Knowledge Base Construction and Web-scale Knowledge Extraction (AK-BC-WEKEX)*, 2012, pp. 95–100. Available at: <https://aclanthology.org/W12-3018.pdf> (accessed: June 23, 2024).
- Narayan S., Cohen S. B., Lapata M.** Don't Give Me the Details, Just the Summary! Topic-Aware Convolutional Neural Networks for Extreme Summarization. *Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, 2018, pp. 1797–1807. <https://doi.org/10.18653/v1/d18-1206>
- Nedoluzhko A., Singh M., Hledíková M., Ghosal T., Bojar O.** ELITR Minuting Corpus: A Novel Dataset for Automatic Minuting from Multi-Party Meetings in English and Czech. *Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference*, 2022, pp. 3174–3182. Available at: <https://aclanthology.org/2022.lrec-1.340/> (accessed: June 23, 2024).
- Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W.** BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation. *Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL)*, 2002, pp. 311–318. Available at: <https://aclanthology.org/P02-1040.pdf> (accessed: June 27, 2024).
- Rameshkumar R., Bailey P.** Storytelling with Dialogue: A Critical Role Dungeons and Dragons Dataset. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2020, pp. 5121–34. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-main.459>
- Shukla A., Bhattacharya P., Poddar S., Mukherjee R., Ghosh K., Goyal P., Ghosh S.** Legal Case Document Summarization: Extractive and Abstractive Methods and their Evaluation. *arXiv (Cornell University)*, 2022. Available at: <https://arxiv.org/abs/2210.07544> (accessed: June 22, 2024).
- Zhang S., Çelikyılmaz A., Gao J., Bansal M.** EmailSum: Abstractive Email Thread Summarization. *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing*, 2021, vol. 1, pp. 6895–6909. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.acl-long.537>
- Zhang T., Kishore V., Wu F., Weinberger K. Q., Artzi Y.** BERTScore: Evaluating Text Generation with BERT. *arXiv (Cornell University)*, 2020. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1904.09675> (accessed: June 27, 2024).
- Zhong M., Yin D., Yu T., Zaidi A., Mutuma M., Jha R., et al.** QMSum: A New Benchmark for Query-based Multi-domain Meeting Summarization. *Proceedings of the 2021 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, 2021, pp. 5905–5921. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.naacl-main.472>
- Zhu C., Liu Y., Mei J., Zeng M.** MediaSum: A Large-scale Media Interview Dataset for Dialogue Summarization. *Proceedings of the 2021 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, 2021, pp. 5927–5934. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.naacl-main.474>

**Информация об авторах**

**Дмитриева Кристина Александровна**, стажер-исследователь

**Жолус Марина Романовна**, стажер-исследователь, инженер-программист АО «Эврика»

**Information about the Authors**

**Kristina A. Dmitrieva**, Research Assistant

**Marina R. Zholus**, Research Assistant, Software Engineer

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;  
одобрена после рецензирования 21.09.2024; принята к публикации 30.09.2024*

*The article was submitted 09.09.2024;  
approved after reviewing 21.09.2024; accepted for publication 30.09.2024*

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-93-109

## Компьютерный анализ приемов и стратегий аргументации в текстах научной коммуникации

**Иван Сергеевич Пименов**  
**Наталья Васильевна Саломатина**  
**Мария Кирилловна Тимофеева**

Институт систем информатики им. А. П. Ершова  
Новосибирск, Россия

pimenov.1330@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5946-9469>

salomatina\_nv@live.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8412-9116>

mtimof@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8999-2330>

### *Аннотация*

В статье приведены результаты анализа приемов аргументации, реализуемых в текстах научной коммуникации. Под приемами понимаются повторяющиеся в корпусе текстов с разметкой аргументации отдельные типы аргументов и структуры, образуемые ими. Корпус содержит тексты трех жанров: научные статьи по лингвистике и информационным технологиям из научной электронной библиотеки CyberLeninka (<https://cyberleninka.ru/>), научно-популярные статьи с форума «Хабр» ([habr.com/ru](http://habr.com/ru), далее – статьи Habr), новости науки (poisknews.ru). Двойная разметка аргументации в текстах корпуса произведена на платформе ArgNetBank Studio пятью экспертами, специалистами в области теоретической и прикладной лингвистики. Вычисленные коэффициенты согласия между аннотаторами могут быть отнесены к разряду «существенное согласие». Моделирование аргументации соответствует стандарту Argument Interchange Format. Результатом разметки и объектом анализа являются построенные согласно стандарту графы аргументации с двумя типами вершин: информационными вершинами, содержащими аргументативные утверждения, и вершинами-схемами, определяющими для каждой связи между ними точную модель рассуждения из компендиума Уолтона. Исследуются графы, полученные из графов аргументации путем удаления всех информационных вершин и слияния входящей и выходящей дуг каждой исключенной информационной вершины в одну дугу (таким образом получаемые графы состоят только из вершин-схем), и подграфы таких графов. Частотный анализ подграфов, составляющих графы корпуса, проведен методом Frequent Subgraph Mining с учетом изоморфизма, выявляемого посредством реализации алгоритма Корделлы VF2 из библиотеки NetworkX. В результате выявлены приемы аргументации (повторяющиеся подграфы с числом вершин от 1 до 9), применяемые в текстах всех жанров (межжанровые), каждого отдельного жанра (межтекстовые), а также приемы, повторяющиеся в отдельных текстах (внутритекстовые). Установлено, что для научных статей корпуса характерны наибольшие устойчивость и разнообразие приемов аргументации, научно-популярные характеризуются активной полемической аргументацией, а приемы в научных новостях основаны на двух ключевых моделях, применяемых при компактной аргументации. Внутритекстовые приемы повторяют тенденции межтекстовых, тогда как приемы, встречающиеся в текстах всех жанров, редки. Совокупность приемов, используемых в тексте, образует применяемую в нем стратегию рассуждения. С целью выявления близких по стратегиям текстов проведена их кластеризация методами Ward и K-means. Построенные кластеры характеризуются однородностью текстов по жанру, а в кластерах с текстами одного жанра – по теме. Выявленные приемы аргументации, помимо классификации текстов, могут также применяться для оценки аргументативной составляющей текста, поиска убедительной аргументации, ее генерации и т. д. Работы по данной теме редко встречаются в исследованиях для текстов на английском языке, а для текстов на русском языке автоматический анализ закономерностей аргументации не проводился.

© Пименов И. С., Саломатина Н. В., Тимофеева М. К., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1  
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 1

*Ключевые слова*

вычислительная аргументация, научная коммуникация, русскоязычные тексты, приемы аргументации, стратегии аргументации

*Финансирование*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-11-00261, <https://rscf.ru/project/23-11-00261/>

*Для цитирования*

Пименов И. С., Саломатина Н. В., Тимофеева М. К. Компьютерный анализ приемов и стратегий аргументации в текстах научной коммуникации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 93–109. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-93-109

## Computer-based Analysis of Argumentation Patterns and Strategies in Scientific Communication Texts

Ivan S. Pimenov, Natalia V. Salomatina,  
Mariya K. Timofeeva

A. P. Ershov Institute of Informatics Systems  
Novosibirsk, Russian Federation

pimenov.1330@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5946-9469>

salomatina\_nv@live.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8412-9116>

mtimof@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8999-2330>

*Abstract*

The article presents the results of analyzing argumentation patterns that are employed in scientific communication texts. We define argumentation patterns as models of separate arguments and their composite structures repeated across corpus texts. The corpus consists of 98 texts in three different genres: 50 scientific articles from the scientific electronic library CyberLeninka (<https://cyberleninka.ru/>), 20 popular science articles from the forum [habr.com/ru](https://habr.com/ru/) (hereafter – Habr articles), 28 scientific news texts from the Poisk aggregator of scientific news ([poisknews.ru](https://poisknews.ru/)). Five experts in theoretical and applied linguistics have performed double annotation of the corpus texts using ArgNetBank Studio platform. Calculated inter-annotator agreement scores correspond to the “substantial agreement” range. Argumentation annotation follows the Argument Interchange Format standard. The results of annotation and the object of the analysis are argumentation graphs with two node types: information nodes (which correspond to argumentative statements) and scheme nodes (which, for each link between statements, indicate its reasoning model in accordance with Walton’s compendium). The study addresses the graphs obtained from the abovementioned graphs by excluding all information nodes and merging the incoming and outgoing links of each excluded information node into one link (thus the obtained graphs consist exclusively of scheme nodes) and the subgraphs of these obtained graphs. We perform a frequency-based analysis of subgraphs by the Frequent Subgraph Mining Method combined with Cordella VF2 algorithm implementation from the NetworkX library for isomorphism check. The analysis results in identification of argumentation patterns (repeating subgraphs from 1 to 9 node in size) that are employed in texts of all genres, one specific genre, as well as patterns repeated within separate texts. We show that scientific articles of the corpus exhibit the greatest stability and diversity of argumentation patterns, while popular science texts are marked by the active use of polemic argumentation, and patterns in scientific news are based on two reasoning models characteristic of compact argumentation. Patterns that repeat in separate texts show the same tendencies as genre-specific patterns. Using the identified patterns, we conduct clustering of the corpus texts with Ward and K-means algorithms. Resulting clusters correspond to groups of texts with similar argumentation strategies and exhibit homogeneity of texts by genre and thematic field. Identified patterns can be used not only for classifications but also for assessing the argumentative organization of texts extracting persuasive argumentation, its generation etc. Works on this topic are still underrepresented for texts in English, while for texts in Russian, such automatic analysis of argumentation patterns has not yet been performed.

*Keywords*

computational argumentation, scientific communication, Russian texts, argumentation patterns, argumentation strategies

*Acknowledgements*

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-11-00261, <https://rscf.ru/project/23-11-00261/>

*For citation*

Pimenov I. S., Salomatina N. V., Timofeeva M. K. Computer-based Analysis of Argumentation Patterns and Strategies in Scientific Communication Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 93–109. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-93-109

## Введение

Вычислительная аргументация (Computational Argumentation, CA) является одной из активно развивающихся подобластей автоматической обработки текста, включающей несколько направлений исследования, таких как поиск аргументов, оценка убедительности, генерация аргументации и др. Она отличается особой сложностью, поскольку требует интеграции большого объема знаний различных типов [Lauscher et al., 2022]. Знания о стратегиях аргументации важны для приложений любого из направлений. Однако в области CA задачи вычислительного анализа стратегий аргументации в текстах долго упускались из виду. Практически все работы в этой области принадлежат коллективу из Веймарского университета (Bauhaus-Universität Weimar, Germany), один из участников которого в 2019 году защитил PhD на тему „Computational Analysis of Argumentation Strategies“ [Al Khatib, 2019]. Они ограничены одним жанром – новостными редакционными статьями, а также небольшим набором стратегий, выявленных и размеченных вручную экспертами с целью применения методов машинного обучения (МО) для автоматической разметки.

Русскоязычных работ в этой области практически нет, кроме нашей работы по приемам аргументации, применяемым в коротких научных статьях [Пименов, Саломатина, Тимофеева, 2022]. В отличие от авторов работы [Al-Khatib et al., 2016] мы определяем приемы формально как повторы структур аргументации разной сложности в аннотированных текстах с аргументативной разметкой (далее для краткости – аннотациях), построенных экспертами. Однозначное соответствие между формально определенными приемами и предложенными в [Al-Khatib et al., 2016] стратегиями установить не всегда возможно. Стратегиями в нашем исследовании мы называем всю совокупность приемов в отдельном тексте. Близкие по применяемым стратегиям тексты в нашем случае могут быть выявлены формально. Материал нашего исследования существенно шире – это корпус текстов научной коммуникации (новости науки, научно-популярные статьи *Nabr*, научные статьи). Его выгодно отличает детализированная разметка аргументации, что в дальнейшем позволит точнее вычислять убедительность приемов и стратегий.

Цель работы – с использованием формализованных понятий «прием» и «стратегия» модифицировать предложенные в [Пименов, Саломатина, Тимофеева, 2022] методы поиска повторяющихся структур аргументации в аргументативных аннотациях текстов, провести эксперименты по автоматическому поиску приемов в корпусе текстов научной коммуникации с последующим анализом полученных результатов.

Полученную нами статистику использования приемов и стратегий, по крайней мере для научных текстов, можно считать вполне достоверной, поскольку в корпусе размещены только опубликованные тексты, т. е. те, что прошли рецензирование. Аналогично отобранные нами научно-популярные статьи *Nabr* характеризуются высокой пользовательской оценкой, что свидетельствует о достаточной убедительности авторской аргументации.

## 1. Автоматическое исследование и использование приемов аргументации

*Изучение приемов аргументации.* Для автоматического исследования приемов аргументации, применяемых в разных текстах, необходимы специальным образом размеченные корпуса. Русскоязычных корпусов такого сорта, кроме ArgNetBank Studio (<https://uniserv.iis.nsk.su/>

arg/corpora), нет, но и в этом корпусе указываются лишь типы отдельных аргументов, но не образуемые ими повторяющиеся структуры. Из работы [Al-Khatib et al., 2016] нам известен англоязычный корпус из 300 редакционных статей, собранных с нескольких новостных порталов, и корпус из 1000 редакционных статей, способ аннотирования которых отражает качество аргументации, понимаемое как убедительность. В корпусе «вручную» размечены 5 свойственных новостям основных элементарных стратегий (strategy) аргументации: Anecdote (личный опыт, конкретный пример, событие), Assumption (предположение, суждение, мнение автора), Common ground (общеизвестный факт), Statistics (результаты количественного анализа), Testimony (свидетельство от эксперта, организации, очевидца). Согласие Флейса между тремя аннотаторами (0,56) обозначено авторами как высокое.

В продолжение работы [Al-Khatib et al., 2016] по исследованию стратегий, применяемых в новостях, в своей следующей работе [Al-Khatib et al., 2017] авторы представили результаты анализа 29 тыс. новостных статей. Изучено применение трех стратегий аргументации (Statistics, Anecdote, Assumption) в текстах 12 различных тем. Разметка анализируемых новостей проводилась автоматически методом SVM (Support Vector Machine) со средней по всем стратегиям, включая Other (класс, не содержащий ни одной из трех стратегий), мерой  $F1 = 0,62$ . Анализ показал, как авторы статей рассуждают в новостных передовицах, как тема влияет на выбор и последовательность применения стратегий (может содержать до 7 стратегий). Установлена корреляция между темами и применяемыми стратегиями. Авторы считают, что полученные результаты дают ценную информацию для синтеза эффективных аргументативных текстов.

Как уже упоминалось выше, в нашей работе [Пименов, Саломатина, Тимофеева, 2022] представлено исследование приемов (типов отдельных аргументов и повторяющихся конструкций из них – цепочек и деревьев) в аргументативных аннотациях (графах аргументации) научных статей двух тематических направлений. Идентификация структурных приемов производилась автоматически путем частотного анализа подграфов, выполненного с использованием реализации алгоритма точной проверки на изоморфизм VF2. Выявленные общие и специфические структурные свойства аргументации подтвердили существование связи между темой и применяемыми типами аргументов, их структурой.

Задача определения аргументативных стратегий не сводится только к анализу структурной организации, она также предполагает изучение общих подходов к представлению доводов, проявляющихся на уровне полного текста. Дополнение логической составляющей аргументов (этоса) способами воздействия на аудиторию (манипуляцией эмоциями, апелляцией к авторитету) (пафоса) помогают вызывать доверие у людей разных психотипов и тем самым повышать убедительность всего текста. Работа [Саломатина, Пименов, Сидорова, 2022] направлена на выявление способов воздействия, а именно: этоса и пафоса, в аргументации научных текстов на русском языке классическими методами машинного обучения. Бинарная классификация аргументов этос/не-этос и пафос/не-пафос методом MNB (Multinomial Naive Bayes) показала лучший результат по F-мере – 0,65 и 0,64 в распознавании этоса и пафоса соответственно. Полученные оценки подтверждают возможность автоматического определения использованных в тексте методов воздействия.

*Классификация текстов с применением аргументативной составляющей.* Авторами [Anand et al., 2011] исследована возможность классификации сообщений блогов (в 457 сообщениях размечены выявленные экспертами 14 тактик (acts)) на убедительные и неубедительные. Установлено, что использование информации о тактиках позволяет классифицировать сообщения методом наивного Байеса наилучшим образом по сравнению с другими исключающими эту информацию версиями.

Попытка привлечь информацию о применяемых авторами стратегиях для выявления фейков в новостных сообщениях была предпринята в работе [Yan, Lin, and Litman, 2018]. На базе списка стратегий, выявленных в работе [Al-Khatib et al., 2016], проведено исследование, показавшее, что не все стратегии применяются в фейковых новостях. Полученная оценка F1-меры

обнаружения этих стратегий в корпусе, собранном авторами из разных источников (15 200 статей), примерно одинакова для фейковых и заслуживающих доверие текстов. Предложен алгоритм распознавания фейковых новостей, использующий информацию о принадлежности фрагментов текста к стратегиям аргументации с помощью нейросетей. К сожалению, авторы приводят лишь значения аккуратности (доли правильных ответов) и матрицу ошибок. Однако высокие значения аккуратности позволяют авторам надеяться на хорошие результаты классификации в дальнейшем. Возможно, состав используемого списка стратегий недостаточен для решения поставленной задачи.

*Кластеризация текстов.* Знания о стратегиях аргументации могут быть применены для автоматического определения близких, например по сложности текстов. Такая задача решалась в работе [Pimenov, Salomatina, 2022]. С помощью алгоритмов кластеризации 30 русскоязычных научных статей с детализированной разметкой аргументации в виде графа были разбиты на группы на основе совокупности сведений о наличии/отсутствии общих подграфов в текстах (приемов аргументации) и характеристик общих свойств графа (высота, ширина и др.), а также оценок этоса и пафоса в текстах. Получены интерпретируемые кластеры близких по сложности текстов, на базе которых выявлены зависимости между признаками разных типов.

*Генерация текстов.* В самой ранней работе по синтезу аргументации [Zukerman, McConachy, and George, 2000] предложена система генерации аргументов с учетом пяти стратегий: Premise to goal, Reduction to absurdum, Inference to the best explanation, Reasoning by cases (exclusive или non-exclusive). Графы аргументов инкорпорированы в байесовскую сеть NAG (Nice Argument Generator). В алгоритм генерации включены шаги по выдвиганию и оценке стратегий, по результатам которых проводится отбор наиболее качественных аргументов.

Еще одним примером применения риторических стратегий может служить модель синтеза [Wachsmuth et al., 2018], разработанная в соответствии с предложенными Аристотелем методами убеждения и канонами риторики. Трехкомпонентная модель генерации аргументации включает последовательность действий, задаваемых выбираемым сценарием, определяющим (1) тему (главный тезис), позицию («за», «против»), стратегию (пропорцию методов убеждения в синтезированном тексте), (2) соответствующие заявленным в (1) аргументативные единицы-предложения (Argumentative Discourse Unit, ADU), объединяемые в аргументы, (3) цепочку следования аргументов согласно выбранной стратегии. Синтез аргументации выполняется вручную 26 квалифицированными экспертами из заранее сформированного пула (200 ADU по 10 темам) аргументативных единиц. Сходство синтезированных разными экспертами текстов оценивается на уровне 50 %.

В следующей работе [El Baff et al., 2019], непосредственно связанной с предыдущей, реализован алгоритм автоматического построения аргументативных цепочек из пула ADU вне зависимости от темы. Алгоритм выполняет действия, аналогичные действиям эксперта. Объединение выбранных из пула независимых от темы, но ориентированных на механизмы воздействия (логос, пафос), ADU в единый текст (цепочку из 5 аргументов) производится на основе предобученных вероятностных моделей, составляющих из этих цепочек аргумент по ролям (тезис, аргумент «за», аргумент «против») и строящих последовательность аргументов согласно модели семантической связности. Автоматически созданные таким образом тексты лишь отчасти напоминают синтезированные вручную экспертами. Совпадение структур аргументации, построенных человеком и компьютером, составило 40–50 % для двух подряд следующих аргументов. Для порождения цепочек большей длины требуется дополнительная информация и усовершенствование алгоритма. Детализация типов аргументации могла бы повысить качество синтеза и в определенной степени сгладить различия между генерируемыми текстами.

*Прогнозирование убедительности текстов.* Авторы статьи [Mirzakhmedova et al., 2023] исследовали влияние упорядочения аргументов определенных типов при организации их в последовательность на убедительность дискуссии, что полезно не только для получения более глубокого понимания того, как люди взаимодействуют, но и для предсказания правильности

их действий. На материале 34 тыс. цепочек обсуждения, для которых известен тег изменения точки зрения, убедительность дискуссий была предсказана со значением меры  $F1 = 75\text{--}78\%$ . Для этого использовалась двунаправленная сеть LSTM (с BERT-embeddings и включением информации о последовательностях типов аргументов).

Из приведенного обзора следует, что изучение приемов аргументации в настоящее время является недостаточным и востребованным.

## 2. Моделирование аргументации посредством схем рассуждения

Моделирование аргументации в представленном исследовании соответствует стандарту Argument Interchange Format (AIF) [Rahwan, Reed, 2009]. AIF определяет три основных этапа аннотирования аргументации: идентификация аргументативных утверждений, обнаружение связей между ними, указание модели (схемы) рассуждения для каждой связи. Идентификация состоит в сегментации текста на аргументативные и неаргументативные фрагменты и дальнейшей сегментации аргументативных фрагментов на отдельные аргументы и их части. Выявление связей включает в себя также уточнение роли утверждений в аргументах (какие утверждения являются посылками, а какое – заключением). В результате такого трехэтапного моделирования текст преобразуется в ориентированный граф аргументации с двумя типами узлов: информационными узлами, содержащими аргументативные утверждения, и узлами-схемами, определяющими точную модель рассуждения для каждой связи между утверждениями. Связи соответствуют ребрам в графе, причем каждое ребро соединяет узлы обоих типов: стандарт не поддерживает соединение двух информационных узлов без указания схемы рассуждения, лежащей в основе их объединения. Специфика схем рассуждения предполагает их выбор из некоторой классификации, в нашем случае компендиума Уолтона [Walton, Reed, Macagno, 2008], примененного к текстам различных жанров и рекомендованного разработчиками AIF. Более подробное описание процедуры аргументативного аннотирования текста с примерами дано в [Пименов, Саломатина, Тимофеева, 2022]. Стоит отметить, что формат разметки позволяет указывать лишь тип отдельных аргументов, а приемы, состоящие из нескольких аргументов, требуют дополнительной «ручной» или автоматической разметки.

## 3. Определения

В данной статье приемы аргументации рассматриваются как структуры из отдельных или нескольких связанных схем аргументации, *повторяющиеся* в разных аннотациях в коллекции либо внутри одной аннотации. Формальные определения были даны нами в работе [Пименов, Саломатина, Тимофеева, 2022]. Здесь напомним основные из них, используемые далее, и введем новые, необходимые для представления набора коллекций.

1. Размеченный корпус  $C$  включает множество текстов  $T = \{t_i\}$  ( $i$  – номер текста,  $i = 1, \dots, I$ ;  $I$  – число текстов) разных жанров:  $T = \cup_{g \in \{N, H, S\}} T_g$ , символом  $N$  обозначены научные новости,  $H$  – научно-популярные статьи *Nabr*,  $S$  – научные статьи. Каждый текст снабжен аргументативной аннотацией  $a_i$ :  $C = T \cup A = \{t_i \cup a_i\}_{i=1}^I$ ;  $A = \{a_i\}$  – множество всех аннотаций ( $A = \cup_{g \in \{N, H, S\}} A_g$ ).

2. Согласно формату AIF  $a_i$  представляет собой граф  $G_i$ ,  $G_i = \langle V_i^{inf} \cup V_i^{ch}, E_i \rangle$ , где  $V_i^{inf}$  – множество информационных вершин,  $V_i^{ch}$  – множество вершин-схем и  $E_i$  – множество инцидентных им ребер. Анализируемые в работе графы  $\hat{G}_i = \langle V_i^{ch}, \hat{E}_i \rangle$ , получаемые из графа  $G_i$  путем исключения всех информационных вершин и слияния для каждой такой вершины вхо-

дующей в нее и выходящей из нее дуг в одну дугу; тем самым, граф  $\hat{G}_i$  содержит только вершины-схемы (преобразование  $G_i$  в  $\hat{G}_i$  дано в [Пименов, Саломатина, Тимофеева, 2022]).

3. В каждом тексте  $i$  внутритекстовому приему  $k$  соответствует снабженный частотной характеристикой  $F_{abs}(sg_{ik}^n)$  подграф  $sg_{ik}^n$  графа  $\hat{G}_i$  ( $sg_{ik}^n \subset \hat{G}_i$ ) ( $k$  может изменяться от 1 до  $K_n$ ,  $K_n$  – количество разных подграфов с  $n$  вершинами,  $n > 0$ ) при условии, что  $F_{abs}(sg_{ik}^n) > 1$ . Совокупность всех таких приемов в тексте обозначим  $\Phi_g^{In}(a_i)$  (верхний индекс  $In$  обозначает принадлежность приема к внутритекстовому типу; далее индекс  $Ex$  – к межтекстовому).

4. Межтекстовым приемам фиксированного жанра соответствует подграф  $sg_{ik}^n$  из множества  $sg_{ik=1}^{n|A_g|}$  с текстовой частотой  $F_{txt}(sg_{ik}^n) > 1$ . Текстовая частота равна числу аннотаций из  $A_g$ , в графах которых встречается данный подграф. Множество всех межтекстовых приемов обозначим  $\Phi_g^{Ex}(a_i)$ .

5. Межжанровые приемы  $\Phi^{Ex}$  образуют подмножество подграфов из  $\Phi_g^{Ex}(a_i)$  с жанровой частотой  $F_g(sg_{ik}^n) > 1$ , которая определяется числом аннотаций из  $A$ , принадлежащих хотя бы двум разным жанрам, в графах которых встречается данный подграф.

6. Стратегию аргументации текста  $t_i$  определим как совокупность приемов  $\Phi(a_i) = \{\Phi_1(a_i), \dots, \Phi_n(a_i), \dots, \Phi_{N_{max}}(a_i)\}$ , где  $\Phi_1(a_i)$  является статистикой отдельных схем ( $F_{abs}(sg_{ik}^1) > 1$ ). Приемы из  $\Phi_n(a_i) = \{sg_{ik}^n\}$  с  $n > 1$  содержат статистику повторяющихся в тексте и/или подкорпусе и/или корпусе подграфов  $\{sg_{ik}^n\} \subset \hat{G}_i$  с числом вершин, равным  $n$  ( $n = 2, \dots, N_{max} \leq |V_i^{ch}|$ , где  $N_{max}$  – максимальное число вершин в подграфах  $a_i$ , удовлетворяющих частотным ограничениям). То есть подграфы из  $\Phi_n(a_i)$  могут входить как в  $\Phi_g^{Ex}$ , так и в  $\Phi^{Ex}$ .

#### 4. Методы и процедура построения множества приемов аргументации

Формирование множества  $\Phi(A) = \cup_{n,i} \Phi_n(a_i)$  сводится к выявлению структурно идентичных общих подграфов как в отдельной аннотации  $a_i$ , так и во всей коллекции  $A$ . Для решения задач такого типа применяют методы частотного анализа подграфов *FSM* (Frequent subgraph mining) [Jiang et al., 2004], включающие генерацию представляющих интерес подграфов и подсчет их частоты встречаемости в заданном наборе данных. Для подсчета частоты встречаемости необходима проверка подграфов на изоморфизм. Самые известные алгоритмы, позволяющие получить точное решение, предложены в работах [Ullmann, 1976], [Cordella et al., 2004].

В нашем случае представляющими интерес подграфами являются подграфы графов  $\{\hat{G}_i\}_{i=1}^I$  с фиксированным числом вершин  $n$ . Для установления изоморфизма мы применяем реализацию алгоритма Корделлы VF2 (NetworkX) [Hagberg, 2008], которая для каждой комбинации значений индексов  $i, j, k, n; i \neq j$  определяет, не содержит ли граф  $\hat{G}_j$  подграф изоморфный подграфу  $\{sg_{ik}^n\} \subset \hat{G}_i$ .

Процедура формирования множества  $\Phi(A)$  включает извлечение из  $\{\hat{G}_i\}_{i=1}^I$  1) отдельных схем  $\Phi_1(A)$  с подсчетом  $F_{abs}, F_{txt}, F_g$ ; 2) множества пар связанных вершин  $\Phi_2(A)$  с вычислением всех частотных характеристик; 3) подграфов  $sg_{ik}^n$  для всех  $n > 2$  с проверкой подграфов с фиксированным  $n$  на изоморфизм и вычислением частотных характеристик. Подробное описание процедуры построения  $\Phi(A)$  дано в [Пименов, Саломатина, Тимофеева, 2022]. В данной модификации добавлен этап фильтрации вложенных подграфов. Фильтрация проводится по наборам приемов, встречающихся в одних и тех же текстах (наборы текстов, реализующих эти приемы, полностью совпадают), через попарные проверки вложенности меньших приемов в большие (по мере увеличения числа вершин). Вложенные графы исключаются из дальнейшего рассмотрения.

## 5. Задача и методы обнаружения текстов с близкими стратегиями аргументации

*Постановка задачи.* Для выявления текстов с похожей аргументацией решается задача кластеризации аннотаций  $A$  с целью разбиения их на группы (кластеры) с номерами из множества  $R = \{r_j\}$  ( $j = 1, \dots, K_r$ ) таким образом, чтобы внутри одного кластера оказались аннотации  $a_i$ , близкие согласно некоторой метрике, позволяющей вычислять расстояние между ними, а различающиеся  $a_i$  попадали в разные кластеры. Обучающее подмножество множества  $A$  с заранее известными метками кластеров  $\{r_j\}$  отсутствует. Задача сводится к установлению множества близких по приемам аргументации кластеров с номерами из  $R$ , оценке качества кластеров, их интерпретации. В качестве признаков, характеризующих  $a_i$ , в алгоритме кластеризации используются межтекстовые приемы  $\Phi^{Ex}$ .

*Методы кластеризации.* Выбраны два дисперсионных метода кластеризации Ward и K-means, применены их реализации на Python из библиотеки scikit-learn.

*Методы вычисления качества кластеризации.* Не существует наилучшего формального критерия оценки качества кластеризации. В отсутствие вариантов кластеризации, проведенной экспертами, по рассчитанным значениям метрик сложно выбрать подходящий. В данной работе критерием качества кластеризации являлась близость (по составу  $a_i$ ) кластеров, полученных разными методами.

## 6. Результаты экспериментов

*Данные.* В эксперименте участвовал корпус из 98 текстов научной коммуникации: 28 новостей науки ( $N$ ), 20 статей Habr ( $H$ ), 50 коротких (700–2000 слов) научных статей ( $S$ ) двух тематических направлений (по 25 текстов по лингвистике и информационным технологиям). Аннотирование текстов проводилось с помощью инструментов платформы ArgNetBank Studio [Сидорова и др., 2020] пятью аннотаторами: один аннотировал все три жанра, двое работали с научными статьями, а двое – с набором научных новостей и статей Habr. Всего в корпусе насчитывается более 5 тыс. аргументативных утверждений (по жанрам: 2 502 –  $S$ , 1681 –  $H$ , 859 –  $N$ ) и 4 тыс. аргументов (2 155 –  $S$ , 1415 –  $H$ , 758 –  $N$ ). Для оценки согласия между аннотаторами при разметке научных текстов использовалась  $\alpha$  Криппердорфа [Krippendorff, K., 2013], для утверждений согласие равно 0,67, для схем – 0,44. Согласие при разметке новостей и блогов рассчитано с помощью коэффициента, приводимого в [Сидорова и др., 2023], оно составило в новостях 0,48 и 0,70 для утверждений и схем соответственно, в статьях Habr – 0,31 и 0,67.

*Анализ приемов аргументации.* В этом разделе мы рассмотрим приемы с точки зрения универсальности употребления в подкорпусах корпуса и отдельных текстах, различая приемы по сложности, определяемой числом вершин-схем (далее – схем). Статистика по применению схем в корпусе ( $\Phi_1(A)$ ) с указанием аббревиатур их полных названий представлена в таблице. В колонках под названиями жанров указана доля применения каждой схемы от числа всех используемых в данном жанре.

Авторы научных статей демонстрируют наибольшую последовательность в использовании моделей рассуждения – для обоснования большинства тезисов они обходятся меньшим разнообразием схем (15 схем, представленных в таблице, покрывают 97 % всех применяемых аннотаторами) по сравнению с авторами двух других жанров, несмотря на самый большой размер  $A_s$ , что, видимо, является следствием существующих стандартов в написании статей. Авторы Habr, возможно, для достижения убедительности, прагматично используют неформальный стиль, что определяет большое разнообразие применяемых схем рассуждения. Научные новости характеризуются средним (по сравнению с двумя другими жанрами) разнообразием в применении схем, так как журналисты, доводя результаты исследований до широкой аудитории, в определенной степени следуют стилистическим ограничениям при написании текстов.

Статистика применения схем в аннотациях  $A_g$ 

Таблица 1

Table 1

Scheme frequencies in annotations $A_g$					
Схема	Scheme	Abr.	S	H	N
через классификацию	VerbalClassification	VC	0,13	0,03	0,01
от примера	Example	E	0,12	0,09	0,05
от практической цели	PracticalReasoning	PR	0,12	0,05	0,06
от причины к следствию	CauseToEffect	CtE	0,11	0,20	0,11
от позитивных последствий	PositiveConsequences	PC	0,10	0,03	0,07
от взаимосвязи к причине	CorrelationToCause	CtC	0,09	0,02	0,03
от части к целому	PartToWhole	PtW	0,08	0,13	0,04
от применяемого метода	AppliedMethod	AM	0,05	0,02	0,07
от знака к означаемому	Sign	Si	0,05	0,06	0,05
от негативных последствий	NegativeConsequences	NC	0,05	0,03	0,01
от экспертного мнения	ExpertOpinion	EO	0,04	0,07	0,24
через конфликт	Logical Conflict	LC	0,01	0,06	0,03
подтверждение гипотезы	EvidenceToHypothesis	EtH	0,01	0,04	0,07
от следствия к причине	EffectToCause	EtC	–	0,02	0,06
от популярного мнения	PopularOpinion	PO	0,01	0,03	0,03
	<i>Все перечисленные схемы</i>	–	<i>0,97</i>	<i>0,88</i>	<i>0,93</i>

Если понимать под межжанровостью схем примерно равную долю их применения во всех жанрах, то такой схемой является Si. Она может указывать, в частности, на статистическую обоснованность утверждений и демонстрирует почти одинаковую относительную частоту в каждом из жанров (5–6 %).

Значительные различия в частоте используемых схем также позволяют выделить характерные для каждого жанра схемы. Три преобладающие схемы в научных статьях – VC, PR, E (всего охватывают 37 % аргументов) – демонстрируют почти одинаковую интенсивность использования (13 %, 12 %, 12 %). В текстах  $Nabr$  такой доминирующей схемой является CtE (20 %): вывод причинно-следственных связей по частотности почти достигает суммы двух следующих схем PtW (13 %) и E (9 %), причем они в совокупности охватывают 42 % аргументов подкорпуса.

В свою очередь, почти четверть всех аргументов в новостях опирается в обосновании исключительно на авторитет ученых (EO, 24 %) с большим отрывом от второй по частоте схемы (CtE, 11 %) и трех, разделившие третье место: 7 %, PC, AM, EtH (56 % для этих пяти схем).

Еще одно различие между неформальными статьями  $Nabr$ , с одной стороны, и научными статьями и новостями – с другой, заключается в относительно активном использовании в первых полемической аргументации (LC, 6 %): нападки на другие аргументы в два раза реже встречаются в новостях (3 %), обычно это происходит в случае противоречий между цитируемыми исследователями или публикациями и почти отсутствует в коротких научных статьях, ограниченный объем которых не предполагает дискуссии с другими авторами.

*Межжанровые приемы.* Приемы из  $\Phi_n(A) \in \Phi_g^{Ex} (n > 1)$ , как и отдельные схемы, характерны в большей степени для одного или пары жанров. В исследуемом корпусе обнаружено всего 88 разных межжанровых приемов и только около четверти из них применяются во всех трех жанрах. Большинство из них – цепочки из двух схем (на рис. 1 схематически представлены наиболее частотные приемы с  $n = 2$ , где в начальной позиции (в вершине без исходящих связей) зафиксирована схема CtE со всеми встретившимися ее продолжениями и относительными частотами приемов в трех жанрах). Большая часть приемов (17) содержит в цепочке схему причинно-следственной семантики. Частота цепочки определяется жанровыми частотами составляющих ее схем. Далее в тексте для указания связи между двумя схемами будет использоваться стрелочка «←». Так, цепочка CtE ← CtE встречается почти в трети текстов жанра *N*, в двух третях текстов *H*, более чем в трети *S*, а цепочка CtE ← PO только в трети текстов *H*, в 11 % текстов *N* и 8 % текстов *S*, у цепочки PO ← CtE частотности применения еще ниже: в 7 % текстов *N*, 2 % текстов *H*, 4 % текстов *S*.

Приемы, свойственные текстам только двух жанров, распределились следующим образом: доля общих (от всех межтекстовых) для *N* и *H* составила 15 %, для *N* и *S* – 24 %, *H* и *S* – 36 %. Ожидаемо наибольшее число приемов объединяет тексты *Nabg* и научные статьи, самые частотные из них тяготеют к одному из жанров: рассуждение CtE ← CtC присуще в большей степени научным текстам (13 % *H*, 34 % *S*), в отличие от PtW ← (PtW, PtW, PtW) (40 % *H*, 8 % *S*). В линейной записи приемов с ( $n > 2$ ) будем использовать следующие правила: схемы, связанные в цепочку, соединяются стрелочкой «←», а схемы, присоединяемые к одной и той же (корневой) параллельно, перечисляются в скобках, скобка же связывается с корнем стрелочкой: PtW ← PtW. Такое жанровое тяготение схем обусловлено меньшей конкретикой

рассуждений в научно-популярных статьях, публикуемых онлайн, и емкостью научных ввиду ограничений на объем текстов.

Самые частотные из приемов, общих для *N* и *H* (EtH ← EO (32 % *N*, 13 % *H*) и LC ← E (7 % *N*, 33 % *H*)), также демонстрируют тяготение к жанру в отличие от менее частотных, применяемых в каждом жанре в одинаковой степени (PR ← ConflictingGoals (11 % *N*, 13 % *H*)), среди них есть дерево из трех узлов: CtE ← (CtE, EO), 11 % *N*, 13 % *H*. Жанровая специфика новостей проявляется появлением в приемах специфических схем (EtH, ConflictingGoals и др.), редко или вовсе не используемых в двух других жанрах.

Общие приемы для текстов *N* и *S* содержат больше конструкций из трех схем, чем общие для *N* и *H*. Они низкочастотны и обладают более слабой корреляцией с жанром. Среди них лишь одна цепочка (PR ← CtE ← EO (7 % *N*, 10 % *S*)), остальные конструкции – деревья (к примеру, CtE ← (PC, PC) (7 % *N*, 12 % *S*)). Самые частые приемы из двух схем отличает присутствие в них схем, характерных для научных текстов, например, PR, AM: PR ← CtE (14 % *N*, 56 % *S*); AM ← PR (21 % *N*, 34 % *S*).

Следует отметить, что межтекстовые приемы могут повторяться внутри одного текста ( $\Phi_n(A)$  из  $\Phi_g^{Ex} \cap \Phi_g^{In}, n > 1$ ). Таких приемов 54, из них реализующихся во всех трех жанрах 13 %. Они состоят только из пар схем (см. рис. 2). Оставшиеся 87 % приемов характерны только для пары жанров: это все, кроме одной (PR ← AM ← PC; 4 % *N*, 2 % *S*), цепочки из двух схем и два дерева из трех схем (PtW ← (PtW, PtW) 13 % *H*, 4 % *S*; CtE ← (E, E) 13 % *H*, 2 % *S*). Сравнивая частоты, указанные на рис. 1 и 2, можно заметить, что не в каждом отдельном тексте межтекстовые приемы повторяются. Так, самый распространенный прием CtE ← CtE может повторяться внутри текста только в 7 % текстов *N* (а не во всех 29 %, где встречается как межтекстовый), в 47 % *H* (из 60 %), 12 % *S* (из 34). Треть межтекстовых приемов не повторяются ни в одном из текстов.

*Специфичные жанровые приемы.* Всего в корпусе выявлено 767 разных межтекстовых приемов с  $n > 1$ , из них в текстах только одного жанра: научных новостях – 56, статьях *Nabr* – 132, научных статьях – 579. Большое разнообразие приемов в подкорпусе *S* обусловлено не только количеством текстов, но и устойчивой вариативностью аргументации, отмеченной на уровне отдельных схем (реализацией меньшего числа уникальных схем по сравнению с другими жанрами при близких частотах наиболее частотных схем).

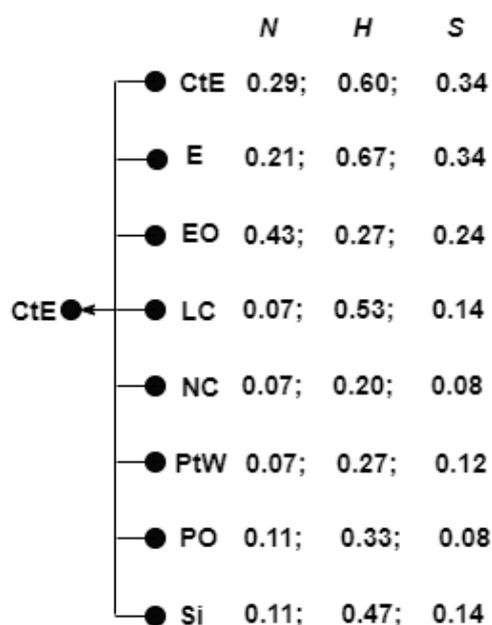


Рис. 1. Относительные частоты межтекстовых приемов ( $n = 2$ )  
 Fig. 1. Relative frequencies of patterns repeating across texts ( $n = 2$ )

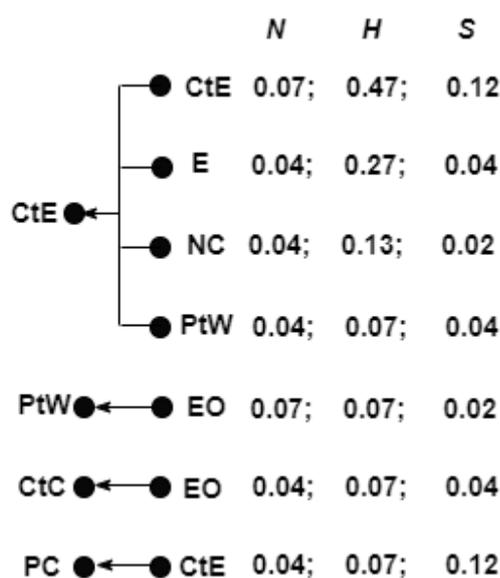


Рис. 2. Относительные частоты внутритекстовых приемов ( $n = 2$ )  
 Fig. 2. Relative frequencies of patterns repeating in separate texts ( $n = 2$ )

Ограниченность влияния количества текстов проявляется при сравнении подкорпусов *N* и *H*: хотя новостных текстов больше, чем статей *Nabr* (28 против 20), приемов ( $n > 1$ ) в них выявлено в 2 раза меньше. Разница в числе аргументов (748 и 1415) представляется менее значимой при сопоставлении *N* и *S*. В научных текстах аргументов в 1,5 раза больше (2155), чем в научно-популярных (что обусловлено большим числом текстов), однако приемов выявлено больше в 4 с лишним раза (579 и 132). Приведенная статистика отражает большую жанровую зависимость в разнообразии приемов от содержательной специфики характерной для жанра аргументации.

Указанная зависимость выявляется и при анализе специфичных приемов каждого жанра отдельно. Так, из 56 специфичных новостных приемов 21 содержит схему *EO*, 25 – схему *EtH*. Эти схемы реализуются при доказательстве тезисов через ссылку на эксперта либо обобщенное указание свидетельств некоторой гипотезы без детализации конкретных логических связей, как именно приведенные обстоятельства ее подтверждают. Как следствие, данные две модели не свойственны разветвленной сложной аргументации, ввиду чего новостные приемы ограничены в объеме: 43 % образованы двумя схемами, 45 % – тремя (против 31 % и 34 % для *H*, 13 % и 40 % для *S*).

Отличительной характеристикой приемов в статьях *Nabr* является активное использование разнообразной полемической аргументации: три наиболее частых приема с  $n > 1$  содержат

разные схемы конфликтов (GeneralAcceptanceDoubt как опровержение аргументов от популярного мнения, SignFromOtherEvents как указание на нерелевантность статистики, Logical, обобщенная конфликтная схема по умолчанию, когда не подходят специализированные). Всего из 132 межтекстовых приемов в  $H$  более четверти (37, или 28 %) содержат как минимум одну конфликтную схему, причем 6 из них включают две, способные объединяться как последовательно (возражение на возражение), так и параллельно (одновременное опровержение тезиса двумя разными замечаниями, например, CtE  $\leftarrow$  (LC, LC)). Примечательна реализация в двух текстах Nabg цепочки из трех последовательных конфликтов LC  $\leftarrow$  LC  $\leftarrow$  LC, или демонстративное опровержение тезиса через приведение одного возражения с его показным отрицанием для акцентированного опровержения уже этого отрицания. Такая подчеркнутая двойная атака на тезис через его прямое опровержение вместе с опровержением возможного ответного возражения наглядно показывает актуальность экспрессивной полемической аргументации, усиливающей эмоциональную вовлеченность читателя, для статей Nabg по сравнению с двумя другими жанрами.

Научные статьи корпуса характеризуются реализацией приемов из большого числа схем, вплоть до 9: CtE  $\leftarrow$  ((PtW  $\leftarrow$  (VC, VC, VC, VC  $\leftarrow$  PR)), CtC, PtW). Такая комбинация схем, встречающаяся в двух разных текстах, не является исключением: 9 % из уникальных научных приемов образованы 5 схемами, 7 % – 6; 2,5 % – 7 и 8 (практически пятая часть из разных приемов в  $S$  образована 5 и более схемами). Повторяемость в разных научных статьях объемных логических структур обусловлена, во-первых, схожей организацией текстов через представление стандартных разделов и акцентуацию универсальных аспектов научных работ (актуальность, цель и задачи, методы, результаты, выводы, ...), а во-вторых, сопутствующим низким разнообразием схем аргументации ввиду нейтрального стиля, неуместностью применения нестандартных схем для привлечения читательского внимания.

Для жанровоспецифичных внутритекстовых приемов характерны те же тенденции, что и для межтекстовых. Так, в  $N$  из 29 внутритекстовых приемов 41 % образован схемой EO, 38 % – EtH. Активное повторение полемической аргументации свойственно для  $H$  и внутри текстов: 17 приемов из 67 (25 %) содержат схемы конфликтов (5 различных схем). Стоит отметить, что для научных статей относительно других жанров менее характерны внутритекстовые повторы, чем межтекстовые (154 и 579, по сравнению с 29 и 56, 67 и 132 для  $N$  и  $H$ ). Это обусловлено лапидарностью доказательств в коротких научных статьях, нежелательностью параллельных избыточных повторений.

*Стратегии аргументации.* Кластеризация множества аннотаций  $A$  из размеченного корпуса  $S$  проводилась по межтекстовым приемам  $\Phi^{Ex}(A)$ . В компонентах вектора признаков учитывалось только присутствие/отсутствие приема. В качестве компонентов рассматривались варианты: а)  $\Phi_1(A)$ , б)  $\Phi_2(A)$ , в)  $\Phi_n(A)$  ( $n > 2$ ), г)  $\Phi_n(A)$  ( $n > 0$ ). Успешность кластеризации рассматривалась для параметра  $K_r$  (число кластеров), равного трем и пяти, исходя из количества текстов в кластеризуемом множестве. Следует отметить, что построенные методами Ward и K-means кластеры большей частью совпадают по текстовому составу, в том числе выделяются одинаковые аномальные кластеры. Такой результат позволяет считать качество проведенной кластеризации хорошим. Далее рассматриваются результаты кластеризации, полученные методом Ward.

Наилучшее разделение аннотаций по жанрам получается при использовании приемов всего спектра  $\Phi_n(A)$  ( $n > 0$ ) и  $K_r = 5$ . Число текстов, составляющих большинство представителей жанра в кластере, равно 89 (доля ошибок от объема корпуса – 9 %). Состав кластеров выглядит так: 0) 27( $S$ ) и 1( $H$ ), 1) 11( $S$ ), 2) 9( $S$ ), 3) 13( $H$ ), 4) 28( $N$ ), 6( $H$ ) и 3( $S$ ). Текст Nabg, попавший в 0) кластер научных статей, посвящен обзору открытых программных продуктов, используемых в решении задач макроэкономики, что сближает аргументацию в нем с применяемой в научных статьях. Разделение научных текстов на три кластера – 0), 1), 2) – вызвано применением разных приемов в текстах разной тематики: в 0) представлены преимущественно тексты по IT

с небольшой долей лингвистических, относящихся к компьютерной и корпусной лингвистике, в кластер 1) сгруппировались тексты главным образом по лингвистике, кластер 2) сформирован из текстов ИТ, которые отличает акцент на широко обсуждаемых передовых технологиях: облачных (3 текста), блокчейне и искусственном интеллекте (по 2 текста). В наиболее крупный кластер 4) вошли все новости, к которым присоединились 6 статей *Nabg* и 3 научные статьи с нетипично компактной аргументацией (высокой долей неаргументативного содержания). Так, статьи *Nabg* обращены не собственно к ИТ, а к смежным социальным вопросам, касающимся занятых в этой сфере работников. Соответственно, уже при кластеризации всего корпуса на формирование кластеров повлияли не только жанровые особенности текстов, но и тематические, воздействие которых на организацию аргументации может превосходить таковое от жанровой специфики.

Кластеризация текстов каждого жанра требует тщательного изучения и будет представлена в отдельной статье.

### **Выводы.**

1. Межтекстовых приемов, реализующихся в текстах всех трех жанров, значительно меньше, чем специфичных для одного жанра. Их отличает низкая сложность (это, в основном, цепочки из двух схем). Частотные характеристики приемов указывают на тяготение большинства из них к определенному жанру.

2. Анализ приемов, выявленных в двух жанрах из трех, демонстрирует наибольшую близость аргументации в научных и научно-популярных статьях, наименьшую – в научно-популярных текстах и научных новостях.

3. Научные статьи характеризуются наибольшим разнообразием и частотностью приемов с  $n > 1$ , научно-популярные отличаются высокой активностью полемической аргументации, тогда как приемы в научных новостях образуются схемами, присущими компактным доказательствам (через ссылку на эксперта или обобщенное указание свидетельств), ввиду чего наиболее ограничены в объеме и вариативности.

4. Внутритекстовые приемы повторяют тенденции, установленные для межтекстовых приемов как между жанрами, так и для каждого жанра отдельно. За редким исключением в одном тексте повторяются несложные приемы.

5. Состав построенных кластеров свидетельствует об эффективности применения всей совокупности межтекстовых приемов ( $n > 0$ ) для выявления близких по стратегиям аргументации текстов, как правило, принадлежащих одному жанру и/или одной тематической направленности.

### **Заключение**

В статье проведен анализ приемов аргументации, автоматически извлеченных из аргументативных аннотаций русскоязычных текстов, принадлежащих трем жанрам междисциплинарной области знания – научной коммуникации (короткие научные статьи, научно-популярные статьи *Nabg* и новости науки). Тексты корпуса были размечены парами из 5 экспертов-лингвистов с согласием из диапазона «существенное» для каждого этапа разметки (аргументативных утверждений, аргументов, типов аргументов). Результат разметки – множество графов аргументации, для анализа редуцированных до графов, содержащих лишь типы аргументов. Из них методом частотного анализа подграфов (FSM), основанном на проверке подграфов с фиксированным числом вершин на изоморфизм, были извлечены повторяющиеся подграфы-приемы, для представления которых предложено формальное описание в виде спектра приемов: встречающихся только в одном тексте (для каждого текста), в корпусе текстов одного жанра, а также в разножанровых корпусах. Такое представление упростило анализ внутритекстовых, межтекстовых и межжанровых приемов и позволило рассмотреть стратегии написания текста в целом. Установлено, что приемов аргументации, свойственных всем трем

жанрам, значительно меньше, чем реализующихся в текстах двух или одного жанра. Показано, что на уровне используемых приемов наиболее схожа аргументация в научных и научно-популярных статьях, наименее – в научных текстах и научных новостях. Подробно представлена специфика приемов аргументации, характерных для каждого жанра отдельно. Эффективность применения межтекстовых приемов в совокупности (от схем до приемов-повторов максимальной сложности) для установления жанра текста подтвердила проведенная кластеризация корпуса, которая позволила с незначительной долей ошибок распределить тексты по кластерам для каждого жанра.

### Список литературы

- Пименов И. С., Саломатина Н. В., Тимофеева М. К.** Формальное выявление приемов аргументации в научных текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 21–36. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-21-36
- Саломатина Н. В., Пименов И. С., Сидорова Е. А.** Распознавание в научных текстах аргументов с этосом и пафосом // Тез. Междунар. конф. «Марчуковские чтения – 2022», 3–7 октября 2022, Академгородок, Новосибирск, Россия. 2022. С. 140.
- Сидорова Е. А., Ахмадеева И. Р., Загорюлько Ю. А., Серый А. С., Шестаков В. К.** Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе // Онтология проектирования. 2020. Т. 10, № 4(38). С. 489–502.
- Сидорова Е. А., Ахмадеева И. Р., Загорюлько Ю. А., Кононенко И. С., Серый А. С., Чагина П. М., Шестаков В. К.** Комплексный подход к анализу аргументативных отношений в текстах научной коммуникации // Онтология проектирования. 2023. Т. 13, № 4(50). С. 562–579.
- Al-Khatib K., Wachsmuth H., Kiesel J., Hagen M., Stein B.** A News Editorial Corpus for Mining Argumentation Strategies // Proc. of COLING 2016, the 26th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers. 2016. P. 3433–3443.
- Al Khatib K.** Computational Analysis of Argumentation Strategies // Dissertation to obtain the academic degree of Dr. rer. nat. Faculty of Media Bauhaus-Universität Weimar, Germany, September 2019.
- Al-Khatib K., Wachsmuth H., Hagen M., Stein B.** Patterns of Argumentation Strategies across Topics // Proc. of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, Copenhagen, Denmark, September 7–11, 2017. P. 1351–1357.
- Anand P., King J., Boyd-Graber J., Wagner E., Martell C., Oard D., Resnik P.** Believe Me—We Can Do This Annotating Persuasive Acts in Blog Text // Proc. of the conf. Computational Models of Natural Argument, San Francisco, California, USA, August 7, 2011.
- Cordella L. P., Foggia P., Sansone C., Vento M.** A (Sub) Graph Isomorphism Algorithm for Matching Large Graphs // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 2004. Vol. 26, no. 10. P. 1367–1372.
- El Baff R., Wachsmuth H., Al Khatib K., Stede M., Stein B.** Computational Argumentation Synthesis as a Language Modeling Task // Proc. of the 12th International Conference on Natural Language Generation. Tokyo, Japan, 2019. P. 54–64.
- Hagberg A. A., Schult D. A., Swart P. J.** Exploring network structure, dynamics, and function using NetworkX // Proc. of the 7th Python in Science Conference (SciPy2008), Pasadena, CA USA, Aug 2008. P. 11–15.
- Jiang C., Coenen F., Zito M.** A Survey of Frequent Subgraph Mining Algorithms. // The Knowledge Engineering Review. 2004. Vol. 1. P. 1–31.
- Krippendorff K.** Content analysis: An introduction to its methodology, 3rd edition. Thousand Oaks, CA: Sage, 2013.
- Lauscher A., Wachsmuth H., Gurevych I, and Glavaš G.** Scientia Potentia Est – On the Role of Knowledge in Computational Argumentation, arXiv: 2107.00281v3 [cs.CL] 8 Nov 2022.

- Mirzakhmedova N., Kiesel J., Al-Khatib K., Stein B.** Unveiling the Power of Argument Arrangement in Online Persuasive Discussions // *Proc. of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP 2023)* – Singapore, Singapore, 6–10 Dec, 2023. P. 15659–15671.
- Pimenov I. S., Salomatina N. V.** Identification of Scientific Texts with Similar Argumentation Complexity // *2022 IEEE International Multi-Conference on Engineering, Computer and Information Sciences (SIBIRCON)*. 2022. P. 880–875.
- Rahwan I., Reed C.** The argument interchange format. *Argumentation in artificial intelligence*, ed. Rahwan I. and Simari G., Springer, 2009. P. 383–402.
- Ullmann J. R.** An Algorithm for Subgraph Isomorphism // *Journal of the ACM*. 1976. Vol. 23(1). P. 31–42.
- Wachsmuth H., Stede M., El Baff R., Al-Khatib K., Skeppstedt M., Stein B.** Argumentation Synthesis following Rhetorical Strategies // *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics, Santa Fe, New Mexico, USA, August 20–26, 2018*. P. 3753–3765.
- Walton D., Reed C., Macagno F.** *Argumentation schemes Fundamentals of critical argumentation*. New York: Cambridge University Press, 2008. 443 p.
- Yan M., Lin Y., Litman D.** Argumentatively Phony? Detecting Misinformation via Argument Mining // *ACM Trans. Graph.* 2018. Vol. 37 (4). Article 111. <https://doi.org/10.1145/1122445.1122456>.
- Zukerman I., McConachy R., George S.** Using argumentation strategies in automated argument generation // *In INLG'2000 Proc. of the First International Conference on Natural Language Generation*. Mitzpe Ramon, Israel. Association for Computational Linguistics. 2000. P. 55–62.

## References

- Al-Khatib K., Wachsmuth H., Kiesel J., Hagen M., Stein B.** A News Editorial Corpus for Mining Argumentation Strategies. *Proc. of COLING 2016, the 26th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers*, 2016, pp. 3433–3443.
- Al Khatib K.** *Computational Analysis of Argumentation Strategies. Dissertation to obtain the academic degree of Dr. rer. nat. Faculty of Media Bauhaus-Universität Weimar, Germany, September 2019.*
- Al-Khatib K., Wachsmuth H., Kiesel J., Hagen M., Stein B.** Patterns of Argumentation Strategies across Topics. *Proc. of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Copenhagen, Denmark, September 7–11, 2017, pp. 1351–1357.
- Anand P., King J., Boyd-Graber J., Wagner E., Martell C., Oard D., Resnik P.** Believe Me—We Can Do This Annotating Persuasive Acts in Blog Text. *Proc. of the conf. Computational Models of Natural Argument, San Francisco, California, USA, August 7, 2011.*
- Cordella L. P., Foggia P., Sansone C., Vento M.** A (Sub) Graph Isomorphism Algorithm for Matching Large Graphs. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 2004, vol. 26, no. 10, pp. 1367–1372.
- El Baff R., Wachsmuth H., Al Khatib K., Stede M., Stein B.** Computational Argumentation Synthesis as a Language Modeling Task. In: *Proc. of the 12th International Conference on Natural Language Generation*. Tokyo, Japan, 2019, pp. 54–64.
- Hagberg A. A., Schult D. A. and Swart P. J.** Exploring network structure, dynamics, and function using NetworkX. *Proc. of the 7th Python in Science Conference (SciPy2008)*, Pasadena, CA USA, pp. 11–15, Aug 2008.
- Jiang C., Coenen F., Zito M.** A Survey of Frequent Subgraph Mining Algorithms. *The Knowledge Engineering Review*, 2004, vol. 000(1), pp. 1–31
- Krippendorff K.** *Content analysis: An introduction to its methodology*, 3rd edition. Thousand Oaks, CA: Sage, 2013.
- Lauscher A., Wachsmuth H., Gurevych I., Glavaš G.** Scientia Potentia Est – On the Role of Knowledge in Computational Argumentation, arXiv: 2107.00281v3 [cs.CL] 8 Nov 2022.

- Mirzakhmedova N., Kiesel J., Al-Khatib K., Stein B.** Unveiling the Power of Argument Arrangement in Online Persuasive Discussions. *Proc. of the conf 2023 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP 2023)* – Singapore, Singapore, 6–10 Dec, 2023. pp. 15659–15671.
- Pimenov I. S., Salomatina N. V., Timofeeva M. K.** Formal Identification of Argumentation Patterns in Scientific Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 21–36. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-21-36.
- Pimenov I. S., Salomatina N. V.** Identification of Scientific Texts with Similar Argumentation Complexity. *2022 IEEE International Multi-Conference on Engineering, Computer and Information Sciences (SIBIRCON)*, 2022, pp. 880–875.
- Rahwan I., Reed C.** The argument interchange format. *Argumentation in artificial intelligence*, ed. Rahwan I. and Simari G., Springer, 2009, pp. 383–402.
- Salomatina N. V., Pimenov I. S., Sidorova E. A.** Automatic identification of arguments with ethos and pathos in scientific articles. *Thesis of the International conf. Marchuk Scientific Reading – 2022, 3–7 October 2022*, Academgorodok, Novosibirsk, Russia, 2022. (in Russ.)
- Sidorova E. A., Akhmadeeva I. R., Zagorulko Yu. A., Kononenko I. S., Sery A. S., Chagina P. M., Shestakov V. K.** An integrated approach to the analysis of argumentative relationships in scientific communication texts. *Ontology of deSiing*, 2023, vol. 13, no. 4(50), pp. 562–579. (in Russ.)
- Sidorova E. A., Akhmadeeva I. R., Zagorulko Yu. A., Sery A. S., Shestakov V. K.** Research platform for the study of argumentation in popular science discourse. *Ontology deSiing*, 2020, vol. 10, no. 4(38), pp. 489–502. (in Russ.)
- Ullmann J. R.** An Algorithm for Subgraph Isomorphism. *Journal of the ACM*, 1976, vol. 23(1), pp. 31–42.
- Wachsmuth H., Stede M., El Baff R., Al-Khatib K., Skeppstedt M., Stein B.** Argumentation Synthesis following Rhetorical Strategies. *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics, Santa Fe, New Mexico, USA, August 20–26, 2018*. pp. 3753–3765.
- Walton D., Reed C., Macagno F.** *Argumentation schemes Fundamentals of critical argumentation*. New York: Cambridge University Press, 2008, 443 p.
- Yan M., Lin Y., Litman D.** Argumentatively Phony? Detecting Misinformation via Argument Mining. *ACM Trans. Graph.* 37, 4, Article 111 (August 2018), 6 pages. <https://doi.org/10.1145/1122445.1122456>.
- Zukerman I., McConachy R., George S.** Using argumentation strategies in automated argument generation. In *INLG'2000 Proc. of the First International Conference on Natural Language Generation. Mitzpe Ramon, Israel. Association for Computational Linguistics*, 2000, pp. 55–62.

### Информация об авторах

**Иван Сергеевич Пименов**, программист ИСИ СО РАН

**Саломатина Наталья Васильевна**, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИСИ СО РАН

**Тимофеева Мария Кирилловна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИСИ СО РАН

### Information about the Authors

**Ivan S. Pimenov**, Programmer, A. P. Ershov Institute of Informatics Systems

**Natalia V. Salomatina**, Candidate of Sciences (Physics & Maths), Senior Researcher, A. P. Ershov Institute of Informatics Systems

**Mariya K. Timofeeva**, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, A. P. Ershov Institute of Informatics Systems

*Статья поступила в редакцию 30.08.2024;  
одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 06.12.2024*

*The article was submitted 30.08.2024;  
approved after reviewing 04.12.2024; accepted for publication 06.12.2024*

Научная статья

УДК 811.16

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-110-123

## Полипредикативные причинные конструкции в словацком языке

Наталья Михайловна Заика

Институт лингвистических исследований РАН

Санкт-Петербург, Россия

zaika.nat@gmail.com, [https://orcid: 0000-0003-0635-980X](https://orcid.org/0000-0003-0635-980X)

### Аннотация

В статье предпринимается попытка создания типологического описания наиболее распространенных словацких причинных союзов *kedže*, *lebo* и *pretože* и выявления их сочинительного/подчинительного статуса. Материалом для исследования послужил Словацкий национальный корпус и грамматические описания словацкого языка; в исследовании также использовался метод элицитации, для чего была создана анкета из 45 стимульных предложений, позволяющих выявлять исследуемые параметры типологического варьирования. Особое внимание при этом уделяется параметрам, связанным с семантическими типами употреблений причинных клауз, вводимых рассматриваемыми союзами.

В исследовании анализировались следующие типологически релевантные параметры клауз, ассоциируемые с сочинительностью/подчинительностью: способность причинной клаузы стоять в препозиции и постпозиции по отношению к главной, способность причинной клаузы выступать с фокусными показателями и под отрицанием, способность причинной клаузы отвечать на вопрос ‘Почему?..’, семантический тип причинной клаузы. Сочинительность/подчинительность союза может трактоваться не как бинарное свойство, а как набор параметров, по которым показатель может быть сочинительным в одних отношениях и подчинительным в других (такой подход широко принят в лингвистике, ср., например, разграничение деривации и словоизменения, переходных и непеходных предикатов, клитик и аффиксов).

Каждый из трех рассмотренных причинных союзов демонстрирует признаки как сочинения, так и подчинения. Так, наибольшим количеством сочинительных свойств (пять из шести) обладает союз *lebo*, что, вероятно, связано с его происхождением из дискурсивных маркеров, употреблявшихся в сочинительных конструкциях, а наибольшим количеством подчинительных свойств обладает союз *kedže*. Этот союз ведет себя неоднородно в плане употребления в иллокутивных конструкциях: он может употребляться в конструкциях с императивной модальностью, но не вопросительной, при том, что во многих работах эти два свойства объединяются в один параметр варьирования. Союз *pretože* в отношении семантических параметров ведет себя как сочинительный, а в отношении способности клаузы к фокализации – как подчинительный.

### Ключевые слова

семантика, синтаксис, сочинение, подчинение, причинные конструкции, словацкий язык

### Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность информанту, носителю словацкого языка К. Дж. и преподавателю словацкого языка, доц. В. С. Князьковой за помощь в работе с языковым материалом. Все ошибки остаются на совести автора.

### Для цитирования

Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в словацком языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 110–123. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-110-123

© Заика Н. М., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 1

## Multiclausal Causal Constructions in Slovak

Natalia M. Zaika

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences  
Saint Petersburg, Russian Federation

zaika.nat@gmail.com, [https://orcid: 0000-0003-0635-980X](https://orcid.org/0000-0003-0635-980X)

### Abstract

The article proposes a typological description of the most common causal conjunctions (*kedže*, *lebo* and *pretože*) in Slovak in terms of coordination vs subordination meanings. The research is based on the Slovak National Corpus and grammatical descriptions, as well as on elicitation from a native speaker of Slovak through a questionnaire designed to identify relevant typological parameters. The parameters under study include the position of the causal clause relative to the consequence clause, as well as its propensity to occur with focus particles and under negation, to introduce answers to *why*-questions and occur on different semantic levels (content, epistemic and speech act levels in Eve Sweetser's terms). Particular attention is paid to the latter, less studied, set of parameters. These parameters are often related to coordination and subordination properties, with coordinability regarded as a multi-parameter term (cf. a similar approach to transitivity by P. Hopper and S. Thompson or the differentiation of clitics from affixes by A. Zwicky and G. Pullum). Each of the three causal conjunctions under consideration proves to combine coordination and subordination features. *Lebo* as "the most coordinative" conjunction demonstrates only one subordination feature, an ability to introduce answers to *why*-questions (probably due to its origin from discourse markers used in coordinate constructions), while *kedže* proves to possess the highest proportion of subordination features. Moreover, *kedže* behaves heterogeneously with regard to speech act constructions where it can occur in imperative sentences, but not in interrogative ones. The conjunction *pretože* behaves as coordinate in semantic terms and as subordinate in terms of focusability. All the three conjunctions tend to function as coordinate in semantic terms while displaying varying behavior in the syntactic domain as regards the degree of focusability and the position of the causal clause.

Further research is required to describe typological properties of less common Slovak conjunctions.

### Keywords

Semantics, syntax, coordination, subordination, causal constructions, Slovak

### Acknowledgements

I would like to thank a native speaker of Slovak K. Dž. and a Slovak teacher, Associate Professor Viktoria S. Kniazkova for their invaluable help with linguistic data. All the errors are mine.

### For citation

Zaika N. M. Multiclausal Causal Constructions in Slovak. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 110–123. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-110-123

## 1. Введение

Полипредикативные причинные конструкции во многих славянских языках, в том числе в словацком, являются недообследованными. Некоторые сведения об устройстве этих конструкций можно найти прежде всего в грамматиках языка [Dvonč и др., 1966], а также в ряде статей, преимущественно на словацком языке. Исследование причинных конструкций в диалектном аспекте, с опорой на философские представления о времени, представлено в статье П. Жиго, в которой упоминается о некоторых особенностях ареального распределения причинных союзов в словацком (так, автор отмечает, что союз *lebo* имеет более высокую частоту в центрально- и западнословацком ареале, *bo* – в восточнословацком ареале, *že* и *kedže* – в центральнословацком ареале) [Žigo, 2003. С. 182–183]. Описание ряда свойств словацких причинных союзов и клауз, вводимых этими союзами, основанное на корпусных данных, представлено в [Kesselová, 2013]: в данной работе утверждается, что союзы *pretože* и *kedže* соотносятся, скорее, с объективной причиной, а *lebo* – с субъективной; в качестве одного из аргументов автор приводит тот факт, что *lebo* чаще употребляется в художественном (субъективном) стиле, *kedže* – в публицистическом (субъективно-объективном) стиле, а *pretože* – в научном (объективном) стиле [Kesselová, 2013. С. 43].

В настоящей статье мы рассмотрим свойства словацких причинных союзов *ked'že*, *lebo* и *pretože*, наиболее часто упоминаемых в грамматических описаниях языка (так, в работе [Kesselová, 2013. С. 43] они трактуются как центральные операторы причины, а в грамматике [Dvonč и др., 1966. С. 724] отмечено, что *lebo* является самым частотным причинным союзом в словацком языке). Происхождение этих причинных показателей вполне типично для индоевропейских и, в частности, славянских языков: союз *ked'že* происходит из временного союза *ked'* и частицы *že*, союз *lebo* – из двух единиц, восходящих к праславянским *\*le* и *\*bo* [Guseva, 2012. С. 5], союз *pretože* – из предлога с целевым значением *pre*, указательного местоимения *to* и частицы *že*.

Целью исследования является типологическое описание словацких причинных союзов и выявление их сочинительного/подчинительного статуса, что является важной проблемой типологии адвербиальных клауз. При этом особое внимание обращается на те параметры, на которые в меньшей степени обращали или совсем не обращали исследователи словацкого языка, в частности, параметры, связанные с различными семантическими типами употребления (в англоязычной терминологии *levels*, ср. [Sweetser, 1990]).

Статья структурирована следующим образом. Во второй части описывается методология исследования. В третьей части рассматриваются свойства словацких причинных союзов и анализируется их связь с сочинением/подчинением. В четвертой части обсуждаются результаты и подводятся итоги исследования.

## 2. Методология исследования

Материалом для исследования послужил Словацкий национальный корпус [SNK] и грамматические описания словацкого языка. Кроме того, в работе в значительной степени использовался метод элицитации<sup>1</sup>; при этом результаты, полученные из разных источников, сопоставлялись друг с другом.

Элицитация представляла собой перевод с русского на словацкий сбалансированной в отношении анализируемых параметров типологического варьирования анкеты, содержащей 45 полипредикативных причинных конструкций (на каждый стимул было получено по одному переводу)<sup>2</sup>. С помощью этих переводов было выявлено, какие причинные показатели носитель употребляет наиболее естественно, после чего была проверена возможность употребления этих показателей во всех анкетных контекстах. Так, например, на первом этапе носитель переводил предложение «Поскольку сегодня твой день рождения, я купил тебе подарок» как *Ked'že máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček*. В результате анализа переводов всех анкетных предложений были выявлены причинные показатели (союзы) *pretože* (14 раз), *lebo* (12 раз) и *ked'že* (11 раз), что подтверждает их трактовку в [Kesselová, 2013. С. 43] как центральных операторов причины. По одному разу использовались причинные союзы *kvôli tomu(.) že* и *za to(.) že*, а также дискурсивный маркер *ved'*. Кроме того, в качестве переводов русского условно-причинного стимула раз использовались словацкие условные союзы *ak* и *ked'* (3 и 2 раза соответственно). Затем носителю предлагалось оценить грамматичность предложений с заменой употребленного им причинного союза на ранее не использованные. При этом для каждого измененного предложения предлагалось выбрать один вариант грамматической оценки:

ОК – предложение звучит совершенно нормально.

? – звучит не совсем хорошо.

?? – звучит, скорее, не очень хорошо, я бы, возможно, так не сказал(а), но, может быть, есть люди, которые так скажут.

<sup>1</sup> К сожалению, в текущих условиях было возможно найти лишь одного носителя словацкого языка. Примеры, порожденные носителем в ходе элицитации, помечаются как (Quest).

<sup>2</sup> В переводе допускалась замена имен собственных.

\* – предложение звучит очень плохо, так сказать нельзя.

Например:

ОК/?/?/\* *Peter je spokojný, pretože k nemu prišiel kamarát.* [‘Петер доволен, потому что к нему пришел друг’]

=>

ОК *Peter je spokojný, pretože k nemu prišiel kamarát.*

Таким образом, на втором этапе анкетирования задание носителю, который перевел предложение (1a'), предлагалось оценить грамматичность предложений (1a'') и (1a'''), выделенных жирным:

(1a) Поскольку сегодня твой день рождения, я купил тебе подарок.

(1a') ***Kedže*** máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.

(1a'') ***Pretože*** máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.

(1a''') ***Lebo*** máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.

На данный стимул носитель прислал следующий ответ:

(1b) ОК ***Pretože*** máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.

\* ***Lebo*** máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.

Как видно, первое предложение было оценено им как грамматичное, а второе – как неграмматичное. Носителю также предлагалось, в случае желая, оставить свои комментарии, и этой возможностью он воспользовался. Так, в примере (1b) он предложил изменить порядок клауз: *Kúpil som ti darček, lebo máš dnes narodeniny* ‘Я купил тебе подарок, потому что (поскольку) у тебя день рождения’.

Несмотря на то что причинные клаузы часто считаются зависимыми, а отношения между главной и зависимой клаузой в полипредикативной причинной конструкции – подчинительными, некоторые причинные союзы в ряде языков ведут себя как сочинительные, а не подчинительные, ср. [Заика, 2019. С. 11]<sup>3</sup>. Согласно грамматике [Dvonč и др., 1966. С. 725, 734] союзы *kedže* и *pretože* являются гипотактическими, что в русской терминологической традиции соответствует подчинительным отношениям. Союз *lebo*, согласно той же грамматике, может использоваться и как гипотактический (подчинительный), будучи основным и наиболее частотным причинным союзом (2), и как паратактический (сочинительный), если речь идет об объяснении (3). В работе [Gahér, 2001. С. 24] этот союз характеризуется как гетерогенный в отношении паратаксиса/гипотаксиса.

(2) *Urobím hôrku okolo neho, lebo* včely nerady, *ked'* sa im nablízku hurtuje.

‘Я разожгу жар вокруг него, а то пчелы не любят, когда собираются возле них’ [Dvonč и др., 1966. С. 726].

(3) *Tretí sa podobá mravcovi, lebo* tiež unesie ťažšie bremeno, než sám váži.

‘Третий подобен муравью, потому что и он несет бремя тяжелее, чем весит сам’ [Там же].

В исследовании анализировались следующие типологически релевантные параметры клауз, вводимых рассматриваемыми причинными союзами: способность причинной клаузы стоять в препозиции и постпозиции по отношению к главной, способность причинной клаузы выступать с фокусными показателями и под отрицанием, способность причинной клаузы отвечать на вопрос ‘Почему?..’, семантический тип причинной клаузы (см. далее в 3.4). Данные па-

<sup>3</sup> Анализ других словацких союзов в терминах паратаксиса/гипотаксиса на основании сопоставления логических, семантических и синтаксических факторов см. в [Gahér, 2001].

параметры ассоциируются с сочинительными/подчинительными свойствами клауз, в том числе причинных, ср. работы [Colson, 1993; Galán Rodríguez, 1995; Belyaev, 2015; Pekelis, 2022]<sup>4</sup>. Таким образом, сочинительность/подчинительность союза может трактоваться не как бинарное свойство, а как набор параметров, по которым показатель может быть сочинительным в одних отношениях и подчинительным в других (что демонстрируется в вышеупомянутых работах), хотя между этими параметрами может существовать корреляция. Разумеется, перечисленные параметры не являются единственными, используемыми при разграничении сочинения и подчинения (о других параметрах см. более подробно в работах [Belyaev, 2015; Pekelis, 2022]). Однако выявление значений остальных параметров представляется еще более трудоемким, как методом корпусного анализа, так и с помощью элицитации.

Для каждого из проверяемых параметров было создано несколько стимулов для перевода, при этом по возможности учитывались также данные корпуса [SNK] и грамматических описаний [Dvonč и др., 1966; Kesselová, 2013]. Так, например, позиция причинной клаузы по отношению к клаузе, выражающей следствие, и способность выступать в фокусной позиции проверялась с помощью элицитации, на материале корпуса и грамматических описаний, а семантический тип преимущественно с помощью элицитации.

### 3. Свойства полипредикативных причинных конструкций в словацком языке

#### 3.1. Порядок клауз

Такой параметр типологического варьирования причинных конструкций, как порядок клауз, является достаточно изученным как с типологической точки зрения (ср. работу [Diessel, 2001], в которой было отмечено тяготение причинных клауз к постпозиции), так и на материале словацкого языка [Kesselová, 2013]. Возможность препозиции клаузы наряду с постпозицией свидетельствует о подчинительных свойствах причинного союза, а ее отсутствие – о сочинительных, ср. анализ этого параметра на материале немецких и русских причинных союзов в [Scheffler, 2005; Belyaev, 2013. С. 41]<sup>5</sup>. В словацком языке типичные подчинительные союзы также способны вводить клаузы как в препозиции, так и в постпозиции, в отличие от сочинительных, что можно продемонстрировать на примере подчинительного временного союза *ked'*:

(4) *Ked' tu bola Hana po prvý raz a chcela si dosolit' polievku, pani Hedviga sa zhrozila.*

‘Когда Хана была здесь впервые и захотела досолить свой суп, госпожа Хедвига пришла в ужас’ [Dvonč и др. 1966. С. 723].

(5) *Kultúrna revolúcia sa začala, ked' som mala sedem rokov.*

‘Культурная революция началась, когда мне было семь лет’ [SNK].

Союз *kedže* может вводить клаузу как в препозиции (6), так и в постпозиции (7), (8) по отношению к клаузе, выражающей следствие. В работе [Žigo, 2003. С. 186] отмечается, что клаузы, вводимые *kedže*, стоят в препозиции; в исследовании [Kesselová, 2013. С. 44] также отмечается тяготение таких клауз к начальной позиции. Корпусные данные демонстрируют возможность употребления причинной клаузы с союзом *kedže* в обеих позициях.

<sup>4</sup> Ср. альтернативный подход в работе [Pekelis, 2022] и других работах, на которые ссылается автор, где различия между адвербиальными клаузами приписываются разным структурным уровням, связанным с разной степенью синтаксической интеграции с главной клаузой.

<sup>5</sup> Альтернативная теоретическая позиция, согласно которой невозможность препозиции причинной клаузы с союзом *potому что* обуславливается информационной структурой предложения (рематическим статусом клаузы), предложена в [Pekelis, 2022. С. 1412].

(6) *Kedže máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.*

‘Поскольку сегодня твой день рождения, я купил тебе подарок’ (Quest).

(7) <sup>OK</sup> *Môj kamarát odišiel, kedže ho urazili* (Quest).

‘Мой друг ушел, потому его оскорбили.’

(8) *Po zápase však toľko radosti ako pri góle určite nemal, kedže spolu so svojimi spoluhráčmi nedokázali dokráčať do víťazného konca.*

‘Однако после матча он определенно не испытал такой радости, как от гола, поскольку он и его товарищи по команде не смогли достичь победного конца’ [SNK].

Клауза, вводимая союзом *pretože*, также может стоять как в препозиции, так и в постпозиции, однако, как отмечено в работе [Kesselová, 2013. С. 45], в основном тяготеет к постпозиции. Среди 100 первых примеров выдачи по лемме *pretože* в корпусе [SNK] было обнаружено 96 примеров с постпозицией причинной клаузы, куда включались случаи парцелляции (9), и лишь 4 примера с препозицией, среди которых один сопровождался союзом *a*.

(9) *A toto je ďalší dôkaz. Pretože ak by bol Omurtag pohan, miesto Boha by spomenul bohyňu Tangra.*

‘И это еще одно доказательство. Потому что, если бы Омуртаг был язычником, он бы вместо Бога упомянул богиню Тангра’ [SNK].

Таким образом, несмотря на то что некоторые прескриптивисты не рекомендуют употребление причинных клауз с союзом *pretože* в препозиции, оно допускается в речи носителей языка (10) и встречается в корпусе (11).

(10) <sup>OK</sup> *Pretože nemá peniaze, nemôže si kúpiť nové auto.*

‘Поскольку у него нет денег, он не может купить себе новую машину’ (Quest).

(11) *Pretože ide o mimoriadnu situáciu, nezamestnaných nebudeme zatiaľ vyradovať z evidencie ani po odmietnutí ponuky.*

‘Поскольку это чрезвычайная ситуация, мы не будем снимать безработных с учета даже после отклонения предложения’ [SNK].

Клауза, вводимая союзом *lebo*, может стоять исключительно в постпозиции, ср. пример (16) и комментарий к нему.

Таким образом, с точки зрения позиции вводимой клаузы союз *kedže* ведет себя как подчинительный, союз *pretože* занимает промежуточное положение, тяготея к сочинению, а союз *lebo* ведет себя как сочинительный.

### 3.2. Употребление с фокусными частицами и под отрицанием

Возможность употребления клаузы в фокусной позиции, например, с ограничительными частицами, и под отрицанием также свидетельствует о подчинительных свойствах соответствующего союза [Belyaev, 2015. С. 44–45]. В словацком языке типичные подчинительные союзы обладают таким свойством, ср. поведение подчинительного союза *ked’*:

(12) *Spomenú ho, len ked’ sa im páči.*

‘Они упоминают его только тогда, когда он им нравится’ [SNK].

Для союза *lebo* невозможность употребления с ограничительными частицами типа *len* ‘только’ отмечена в [Kesselová, 2013. С. 47], ср. (13). Употребление *pretože* с такими частицами возможно, однако только в расчлененном варианте, когда части союза формально относятся

к разным клаузам (14), ср. [Kesselová, 2013. С. 47]. Отметим, что употребление ограничительных частиц с расчлененными вариантами союзов, при их наличии, вообще характерно для славянских языков.

(13) \* *Peter meškal len lebo si nenastavil budík.*

Ожидаемое значение: ‘Петер опоздал только потому, что не завел будильник’ (Quest).

(14) [*Peter meškal len preto*], [*že si nenastavil budík*].

‘Петер опоздал только потому, что не завел будильник’ (Quest).

Употребление с ограничительными частицами возможно и при использовании союза *preto*, *lebo*, являющего по сути контаминацией союзов *pretože* и *lebo*, однако поведение клауз с этим союзом выходит за рамки настоящего исследования.

(15) *Peter meškal len preto, lebo si nenastavil budík.* ‘То же’ (Quest).

Употребление союза *kedže* с ограничительными частицами носителями не одобряется:

(16) \**Peter meškal len kedže si nenastavil budík.*

Ожидаемое значение: ‘Петер опоздал только потому, что не завел будильник’ (Quest).

\* *Dieťa plače len kedže chce spať.*

Ожидаемое значение: ‘Ребенок плачет только потому, что хочет спать’.

Под отрицанием может использоваться союз *pretože*, также только в расчлененном виде. Употребления союзов *lebo* и *kedže* под отрицанием в корпусе [SNK] не обнаруживается, и носителем подобные примеры не одобряются.

(17) *Áno, ale nie preto, že sa tak rozhodli.*

‘Да, но не потому, что они так решили’ [SNK].

### 3.3. Способность отвечать на вопрос ‘Почему?..’

Способность некоторых союзов вводить клаузу при ответе на вопрос отмечается в работе [Belyaev, 2015. С. 44–45] и считается признаком подчинительных клауз, ср. поведение временного союза *ked’* в словацком языке:

(18) *Kedy sa stáva krtko sadistom? Ked’ si nájde domov pod golfovým ihriskom.*

Когда крот становится садистом? Когда он находит дом под полем для гольфа [SNK].

Еще в работе [Kesselová, 2013. С. 46] отмечается, что союзы *lebo* и *pretože* способны вводить ответ на вопрос *Prečo?..* ‘Почему?..’, тогда как союз *kedže* не способен вводить ответ на этот вопрос, ср. также пример из анкеты (19).

(19) *Prečo mačky jedia ryby? Lebo sú veľmi chutné.*

<sup>OK</sup> *Prečo mačky jedia ryby? Pretože sú veľmi chutné.*

\* *Prečo mačky jedia ryby? Kedže sú veľmi chutné.*

‘Почему коты едят рыбу? Потому что она очень вкусная’ (Quest).

Отметим типологически нетривиальное с точки зрения формальных признаков сочинительности/подчинительности поведение союза *lebo*: в отношении одного фокусного признака (способности выступать с ограничительными частицами) он ведет себя как сочинительный, а в отношении другого (способность отвечать на вопрос ‘Почему?..’) – как подчинительный.

### 3.4. Семантические особенности

Рассмотрим возможность употребления словацких причинных союзов в различных семантических типах значения (в другой терминологии – уровнях интерпретации). При выделении данных типов мы следуем за известной работой [Sweetser, 1990]<sup>6</sup>, на которую в значительной степени опираются многие современные исследования причинных конструкций (среди наиболее поздних работ, ср., например, [Pekelis, 2022; Jędrzejowski, Fleczonek, 2023b; Frey, 2023]) и в которой выделяются такие уровни интерпретации, как содержательный (content level), эпистемический (epistemic level) и иллокутивный (speech-act level), ср. пример (20).

(20a) *John came back because he loved her.*

(20б) *John loved her, because he came back.*

(20в) *What are you doing tonight, because there's a good movie on* [Sweetser, 1990. С. 77].

В собственно-причинных конструкциях, соответствующих содержательному уровню, речь идет о причинно-следственных отношениях в реальном мире (20а). Так, любовь Джона является причиной его возвращения. В эпистемических (инферентивных) конструкциях утверждение в зависимой клаузе является причиной вывода в главной клаузе (20б): возвращение Джона является не причиной его любви, а причиной, на основании которой говорящий делает вывод о его любви. При иллокутивном употреблении причинных конструкций зависимая клауза является причиной речевого акта, выраженного в главной клаузе (20в): говорящий задает вопрос о планах слушающего, поскольку идет хорошее кино.

Связь возможности эпистемического и иллокутивного употребления причинных клауз с сочинительностью конструкции отмечалась в [Colson, 1993] для французских причинных союзов, [Galán Rodríguez, 1995] для испанских, [Scheffler, 2013] для немецких, [Belayev, 2015] для русских и в типологической перспективе. В частности, она обоснована тем, что клаузы в сочинительных конструкциях могут обладать собственной иллокутивной силой (например, вопроса или приказа) в отличие от подчинительных. Отметим, что на этот аспект дистрибуции причинных союзов исследователи словацкого языка обращали наименьшее внимание.

В словацком языке в собственно-причинном значении могут выступать клаузы, вводимые всеми тремя рассматриваемыми союзами:

(21) *Všetky ulice sú biele, lebo v noci snežilo.*

OK *Všetky ulice sú biele, pretože v noci snežilo.*

OK *Všetky ulice sú biele, keďže v noci snežilo.*

‘Все улицы белые, потому что ночью прошел снег’ (Quest).

(22) *Peter dovolil svojej dcére, aby odišla do mesta, pretože po tom veľmi túžila.*

OK *Peter dovolil svojej dcére, aby odišla do mesta, lebo po tom veľmi túžila.*

OK *Peter dovolil svojej dcére, aby odišla do mesta, keďže po tom veľmi túžila.*

‘Петер разрешил своей дочери уехать в город, потому что она этого очень хотела’ (Quest).

Как видно из приведенных примеров, все рассматриваемые союзы способны выступать как для обозначения собственно причины, обусловленной физическим устройством окружающего мира, так и мотива, т. е. в ситуации, при которой субъект главной клаузы обладает агентивностью и волиитивностью.

В эпистемических контекстах также могут выступать все три рассматриваемых союза, ср. примеры без модальных выражений неуверенности (23) и с модальными выражениями, часто встречающимися в таких контекстах (24)–(25). При этом действуют стандартные ограниче-

<sup>6</sup> Сама семантическая классификация адвербиальных клауз датируется 1977 годом, ср. историю этой классификации в [Jędrzejowski, Fleczonek, 2023a. С. 2].

ния на порядок клауз, при которых причинная клауза, вводимая союзом *lebo*, не может стоять в постпозиции (24).

(23) *Pršalo, pretože ulice sú mokré.*

OK *Pršalo, lebo sú mokré ulice.*

OK *Pršalo, keďže sú mokré ulice.*

‘Дождь прошел, потому что все улицы мокрые’ (Quest).

(24) \* *Lebo*/ OK *keďže učiteľ neprišiel do triedy, zrejme ochorel.*

‘Раз учитель не пришел в класс, наверное, он заболел’.

(25) *Možno nemal rád Južanov, lebo vzápätí namieril na nešťastné zviera svoju pištoľ.*<sup>7</sup>

‘Может быть, южан [опоссумов из южных штатов] он не любил, потому что он сразу направил на несчастное животное свой пистолет’ [SNK].

Рассмотрим теперь употребление словацких союзов в иллокутивных контекстах с императивной и вопросительной модальностью. В иллокутивных контекстах с императивной модальностью также возможно употребление всех трех рассматриваемых союзов, однако при постпозиции причинной клаузы (в рематической позиции) возможны лишь союзы *lebo* и *pretože*, но не *keďže* (26), а при препозиции причинной клаузы (в тематической позиции) возможны *keďže* и *pretože*, но не *lebo* (27). Таким образом, ограничения на порядок клауз в иллокутивных императивных конструкциях достаточно близки к ограничениям в собственно причинных клаузах.

(26) *Prestaň sa už chystať, lebo nestihneš vlak.*

OK *Prestaň sa už chystať, pretože nestihneš vlak.*

\* *Prestaň sa už chystať, keďže nestihneš vlak.*

‘Заканчивай собираться, а то не успеешь на поезд’.

(27) OK *Pretože tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!*

\* *Lebo tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!*

OK *Keďže tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!*

Раз здесь нет ничего интересного, пошли в другое место!<sup>8</sup>

Иллокутивные контексты с вопросительной модальностью допускают употребление союзов *lebo* и *pretože*, но не *keďže* (29)–(31).

(29) *Kedy sa skončí to predstavenie? Lebo už trvá veľmi dlho...*

*Kedy sa skončí to predstavenie? Pretože už trvá veľmi dlho...*

*Kedy sa skončí to predstavenie? \* Keďže už trvá veľmi dlho...*

Когда кончится спектакль, а то он очень долго идет?

(30) *Aké budú spomienky dnešných prvákov na školu, na učiteľov?* [elipsa = *pýtam sa preto*] *Lebo rastie počet mladých ľudí, ktorí pre školu a učiteľa nenájdu jediné slovo vďaka.*

‘Какими останутся воспоминания нынешних первокурсников об учебном заведении и учителях? [эллипсис = Я спрашиваю вот почему] Потому что растет количество мо-

<sup>7</sup> Эпистемических контекстов с союзами *pretože* (*preto, že*) и *keďže* в [SNK] с помощью тривиальных поисковых запросов обнаружить не удалось, что может быть связано с объективной редкостью таких контекстов среди других типов семантических контекстов.

<sup>8</sup> В приведенном контексте возможно также употребление показателя *ak*: (28) *Ak tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!* ‘Раз здесь нет ничего интересного, пошли в другое место!’, однако его рассмотрение остается за рамками внимания настоящего исследования.

лодых людей, которые для учебного заведения и учителя не найдут ни одного слова благодарности' [Kesselová, 2013. С. 46].

(31) *Za akých okolností by bol takýto podnik osožný pre oboch partnerov? Kto bude toto zariadenie kontrolovať? Ktorá firma?* [elipsa = pýtam sa] **Pretože** *vlastník transportného systému bude potom kontrolovať nigérijské nerastné bohatstvo účinnejšie než obyvatelia Nigérie.*

‘При каких обстоятельствах такое предприятие будет выгодно обоим партнерам? Кто будет управлять этим оборудованием? Какая фирма? [эллипсис = Я спрашиваю вот почему] Потому что владелец транспортной системы будет тогда контролировать минеральные богатства Нигерии более эффективно, чем народ Нигерии’ [Kesselová, 2013. С. 46].

Отметим, что возможность употребления в иллокутивных конструкциях с вопросительной модальностью Я. Кесселова приписывает лишь союзам *lebo* и *pretože*, сопоставляемым с союзом *keďže*. Эксплицитно автор при этом не постулирует запрета иллокутивно-вопросительных конструкций с *keďže*, однако его можно ожидать, поскольку для этого союза примеры таких конструкций не приводятся. Это подтверждается и запретом носителя (29).

#### 4. Обсуждение результатов

Подход, при котором разница между двумя грамматическими явлениями может быть описана не в виде шкалы, а в виде набора бинарных параметров, достаточно характерен для лингвистических исследований, ср. понятие переходности (противопоставленного непереходности) [Horper, Thompson, 1980], критерии слова, отделяющие его от других единиц [Haspelmath, 2011], критерии разграничения клитик и аффиксов [Zwicky, Pullum, 1983], критерии противопоставления дериватом и словоизменительных морфем [Мельчук, 1997]. Думается, что такой подход оправдан и при разграничении сочинения и подчинения, в частности, применительно к полипредикативным причинным конструкциям.

Резюмируем свойства рассматриваемых словацких союзов в виде таблицы, в которой значения параметров, связываемые с сочинительными свойствами, выделены темно-серым цветом, значения параметров, связанные с подчинительными свойствами оставлены без заливки, а промежуточный случай выделен светло-серым цветом<sup>9</sup>. Как видно, сочинительные/подчинительные свойства словацких союзов не устроены иерархично: из наличия одного сочинительного свойства не следует наличие другого.

Отметим, что каждый из трех рассмотренных причинных союзов демонстрирует признаки как сочинения, так и подчинения. Так, наибольшим количеством сочинительных свойств (пять из шести) обладает союз *lebo*, что, вероятно, связано с его происхождением из дискурсивных маркеров, употреблявшихся в сочинительных конструкциях, а наибольшим количеством подчинительных свойств обладает союз *keďže*. При этом союз *lebo* обладает нетривиальной особенностью – «рассогласованием» по параметрам, связанным со способностью клаузы занимать фокусную позицию: употреблению с выделительными частицами и возможностью ответа на вопрос ‘Почему?..’. Такой же особенностью обладают украинский союз *бо* и белорусский союз *бо*<sup>10</sup>, которые ранее функционировали как показатели с причинным значением в сочинительных конструкциях, а для русского союза *ибо* возможность употребления при ответе на вопрос зафиксирована в ограниченной степени [Pekelis, 2022. С. 1422]. Таким образом, можно предположить, что одни подчинительные свойства могут приобретаться сочинительным союзом раньше, чем другие. Союз *pretože* в отношении семантических параметров ведет

<sup>9</sup> Речь идет о препозиции причинной клаузы с союзом *pretože*, возможность которой крайне ограничена (см. раздел 3.1).

<sup>10</sup> В диалектах словацкого языка также существует союз *bo*.

## Сочинительные/подчинительные свойства словацких причинных союзов

## Slovak causal conjunctions in terms of coordination vs. subordination

Критерии сочинения/подчинения	<i>lebo</i>	<i>pretože</i>	<i>keďže</i>
употребление в эпистемических контекстах	+	+	+
употребление в иллокутивных конструкциях с императивной модальностью	+	+	+
употребление в иллокутивных конструкциях с вопросительной модальностью	+	+	–
препозиция причинной клаузы	–	–/+	+
употребление с выделительными частицами и под отрицанием	–	+	–
возможность употребления показателя при ответе на вопрос ‘Почему?..’	+	+	–

себя как сочинительный, а в отношении параметров, связанных с возможностью фокализации – как подчинительный. Отметим, что схожим образом ведет себя русский союз *потому что*, украинский *тому що*, чешский *protože*. Союз *keďže* ведет себя неоднородно в плане употребления в иллокутивных конструкциях: он может употребляться в конструкциях с императивной модальностью, но не вопросительной<sup>11</sup>, при том что во многих работах эти два свойства объединяются в один параметр варьирования, ср. [Sweetser, 1990; Colson, 1993] и др.

Перспективами данного исследования могут стать как дальнейшее исследование сочинительных и подчинительных свойств менее частотных словацких союзов, так и сопоставление дистрибутивных свойств уже описанных союзов и союзов других славянских языков. Предварительный анализ показывает<sup>12</sup>, что по крайней мере для славянского ареала наличие причинных союзов, сочетающих признаки сочинения и подчинения, вполне характерно.

## Список литературы

- Заика Н. М.** Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 7–32.
- Мельчук И. А.** Курс общей морфологии. Т. 1, Москва – Вена: Языки русской культуры // Венский славистический альманах. М.: Прогресс, 1997.
- Belyaev O.** Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination // Donvm Semanticvm. Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipvlis amicisqve Ros-sicis oblata. Аркадьев П., Капитонов И., Ландер Ю., Рахилина Е., Татевосов С. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2015. Р. 36–67.
- Colson J.** Bonnes raisons et causes douteuses: les propositions de cause en anglais et en français // Palimpsestes. 1993. Vol. 7. P. 55–71.
- Diessel H.** The ordering distribution of main and adverbial clauses: A typological study // Language. 2001. Vol. 3(77). P. 433–455.
- Dvonč L., Horák G., Miko F., Mistrík J., Oravec J., Ružička J., Urbančok M.** Morfológia slovenského jazyka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 1966.
- Gahér F.** O vetných spojkách: logika verzus lingvistika // Jazykovedný časopis. 2001. № 52 (1). P. 23–37.

<sup>11</sup> Таким же свойством обладает союз *потому что* в русском языке [Pekelis, 2022].

<sup>12</sup> Значение существенной части релевантных параметров типологического варьирования указаны в базе данных [Zaika, 2022].

- Galán Rodríguez C.** Las oraciones causales: propuesta de clasificación // Anuario de estudios filológicos. 1995. Vol. XVIII. P. 125–158.
- Guseva E. R.** Dialect new growths as result of interlingual interference: the conjugations in dialects of Russian North // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society. 2012. Vol. 6, Part 2. P. 4–15.
- Frey W.** Types of German causal clauses and their syntactic-semantic layers // Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023. P. 51–100.
- Haspelmath M.** The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // Folia Linguistica. 2011. Vol. 45 (1). P. 31–80.
- Hopper P. J., Thompson S.** Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56, no. 2. (Jun.). P. 251–299.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Outline of the volume // Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023a. P. 1–12.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Adverbial clauses and their variation. The case of causal clauses in German // Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023b. P. 15–48.
- Kesselová J.** Korpusová sonda do operátorov príčinného vzťahu v slovenčine // Сучасні тенденції славістики. Ужгород: Вид-во Олександрії Гаркуші, 2013. С. 41–53.
- Pekelis O.** On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses // Linguistics. 2022. Vol. 60 (5). P. 1399–1449.
- Scheffler T.** Syntax and semantics of causal denn in German // Proc. of the Fifteen Amsterdam Colloquium. Dekker P., Franke M. (eds.). Amsterdam: ILLC/Department of Philosophy, 2005. P. 215–220.
- Scheffler T.** Two-dimensional semantics: Clausal adjuncts and complements. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.
- SNK – Slovenský národný korpus** (<https://bonito.korpus.sk>). (accessed: 10.04.2024).
- Sweetser E.** From etymology to pragmatics: The mind-body metaphor in semantic structure and semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Zaika N. M.** Clausal Causal Markers in the Languages of Europe: A Database. 2022. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7434757>. (accessed: 10.04.2024).
- Žigo P.** Vedl'ajšie vety príčiny a vedl'ajšie vety účelu v slovenských nárečiach // Hrvatski Dijalektološki zbornik. 2003. Kn. 12. P. 181–188.
- Zwicky A., Pullum G.** Cliticization vs. Inflection: English N'T // Language. 1983. Vol. 59 (3). P. 502–513.

## References

- Belyaev O.** Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. Donvm Semanticvm. Opera lingvistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipvlis amicisque Ros-sicis oblata. Arkad'ev P., Kapitonov I., Lander Ju., Rahilina E., Tatevosov S. (eds.) Moscow, Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2015, pp. 36–67.
- Colson J.** Bonnes raisons et causes douteuses: les propositions de cause en anglais et en français. *Palimpsestes*, 1993, vol. 7, pp. 55–71.
- Diessel H.** The ordering distribution of main and adverbial clauses: A typological study. *Language*, 2001, vol. 3(77), pp. 433–455.
- Dvonč L., Horák G., Miko E., Mistrík J., Oravec J., Ružička J., Urbančok M.** *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied., 1966.

- Gahér F.** O vetných spojkách: logika verzus lingvistika. *Jazykovedný časopis*, 2001, № 52 (1), pp. 23–37.
- Galán Rodríguez C.** Las oraciones causales: propuesta de clasificación. *Anuario de estudios filológicos*, 1995, vol. XVIII, pp. 125–158.
- Guseva E. R.** Dialect new growths as result of interlingual interference: the conjugations in dialects of Russian North. *Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society*, 2012, vol. 6, part 2, pp. 4–15.
- Frey W.** Types of German causal clauses and their syntactic-semantic layers. *Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights*. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023, pp. 51–100.
- Haspelmath M.** The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*, 2011, vol. 45(1), pp. 31–80.
- Hopper P. J., Thompson S.** Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, 1980, vol. 56, no. 2. (Jun.), pp. 251–299.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Outline of the volume. *Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights*. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023a, pp. 1–12.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Adverbial clauses and their variation. The case of causal clauses in German. *Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights*. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023b, pp. 15–48.
- Kesselová J.** Korpusová sonda do operátorov príčinného vzťahu v slovenčine. *Suchasni tendencie slavistiky. Uzhgorod: Vid-vo Oleksandri Garkushi*, 2013, pp. 41–53.
- Mel'čuk I. A.** *A course of Russian Morphology*. Vol. 1, Moscow – Vienna: Jazyki ruskoj kul'tury, Venskij slavisticheskij al'manah, Moscow, Progress, 1997. (In Russ.)
- Pekelis O.** On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses. *Linguistics*, 2022, vol. 60(5), pp. 1399–1449.
- Scheffler T.** Syntax and semantics of causal denn in German. *Proc. of the Fifteen Amsterdam Colloquium*. Dekker P., Franke M. (eds.). Amsterdam: ILLC/Department of Philosophy, 2005, pp. 215–220.
- Scheffler T.** Two-dimensional semantics: Clausal adjuncts and complements. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.
- SNK – Slovenský národný korpus** (<https://bonito.korpus.sk>). (accessed on 10.04.2024)
- Sweetser E.** From etymology to pragmatics: The mind-body metaphor in semantic structure and semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Zaika N. M.** Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters. *Voprosy jazykoznanija*, 2019, № 4, pp. 7–32. (in Russ.)
- Zaika N. M.** *Clausal Causal Markers in the Languages of Europe: A Database*. 2022. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7434757>. (accessed on 10.04.2024)
- Žigo P.** Vedl'ajšie vety príčiny a vedl'ajšie vety účelu v slovenských nárečiach. *Hrvatski Dijalektološki zbornik*, 2003, vol. 12, pp. 181–188.
- Zwicky A., Pullum G.** Cliticization vs. Inflection: English N'T. *Language*, 1983, vol. 59 (3), pp. 502–513.

### Информация об авторе

**Заика Наталья Михайловна**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН

---

### Information about the Author

**Natalia M. Zaika**, PhD, Lead Researcher, Head of the Laboratory of Linguistic Typology at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редакцию 13.04.2024;  
одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 18.10.2024*

*The article was submitted 13.04.2024;  
approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 18.10.2024*

Научная статья

УДК 81'347.78.034

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-124-138

## Сервисно-инструментальная сущность перевода как основание для выдвигания новой переводческой концепции

Равиддин Мирзоевич Шамилов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»  
Нижний Новгород, Россия

raviddin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-4397>

### Аннотация

В центре внимания статьи находится природная сущность переводческой деятельности, которая заключается в том, что перевод существует в двух проявлениях: услуги, с одной стороны, и инструмента – с другой. Несмотря на то что эти две ипостаси перевода не вызывают серьезных возражений, поскольку их наличие подтверждается объективной действительностью, определение и описание специфики их проявления требует научного подхода. Для этого автор выходит за рамки лингвистики и обращается к результатам маркетинговых исследований, посвященных разным аспектам феномена «услуга» – от проблемы определения этого понятия до установления его отличительных характеристик. Путем экстраполяции результатов подобных исследований на перевод (письменный и устный) как на отдельную область в сфере услуг, имеющих своей целью принести пользу или помощь другому, была верифицирована применимость к нему традиционных характеристик услуги. Удалось выявить, что перевод нельзя отнести к числу так называемых «чистых» услуг, поскольку он обладает характеристиками, присущими и для товара, а именно: материальность (осязаемость), сохраняемость, отделимость (в случае письменного перевода) / неотделимость (в случае устного перевода) от исполнителя услуги и клиента. В то же время как услуга перевод характеризуется таким важным признаком, как вариабельность (непостоянство качества). Этой особенностью перевода как услуги объясняется и проявление второй ипостаси перевода – инструмента. Вариабельность качества выражается в том, что выступающий в роли инструмента продукт перевода в зависимости от потребности и ожидания конкретного инициатора и/или потребителя наделяется языковым оформлением, отличным от соответствующего оформления исходного текста. Цель иного языкового оформления, под которым понимается внесение определенных модификаций в текстовые характеристики объекта перевода в содержательно-смысловом и/или формально-структурном отношении, заключается в том, чтобы обеспечить продукт эргономичностью, т. е. удобоприменимостью для решения той самой задачи, для которой он предназначен. Очевидно, такой продукт в прямом смысле слова получается особым не только для инициатора и/или потребителя с точки зрения его языкового оформления, но предстает таковым и в сознании переводчика, как исполнителя услуги, отдающего себе отчет в том, что создаваемый им продукт – средство удовлетворения особой потребности вкупе с особым ожиданием. Именно потребность выступает в качестве ключевого понятия, которое дает название предлагаемой концепции – концепции потребностноориентированного перевода. Лежащее в основе концепции сервисно-инструментальное представление о переводе дает основание считать идею разграничения друг от друга перевода и иных видов языкового посредничества несостоятельной и признавать переводом всякий текст на переводящем языке, созданный с опорой исключительно на исходный текст независимо от его языкового оформления. Вместо традиционной дихотомии «перевод vs адаптивное транскodирование» предлагается дихотомия «конвенциональный перевод vs пекулярный перевод». К первой категории относятся случаи, когда продукт оказания переводческой услуги своим языковым оформлением будет повторять оригинал, т. е. случаи выполнения собственно перевода в его традиционном (стереотипном) понимании. Вторая категория объединяет случаи выполнения упомянутых ранее переводов, которые будут обладать особым языковым оформлением, обусловленным необходимостью удовлетворить особую потребность и особое ожидание инициатора и/или потребителя перевода.

© Шамилов Р. М., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 1

*Ключевые слова*

перевод как услуга, перевод как инструмент, потребность, эргономичность, потребностноориентированный подход, конвенциональный перевод, пекулярный перевод

*Для цитирования*

Шамилов Р. М. Сервисно-инструментальная сущность перевода как основание для выдвижения новой переводческой концепции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 124–138. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-124-138

## Translation Viewed as Service and Tool: Proposal of a New Translation Theory

Raviddin M. Shamilov

HSE University, Nizhny Novgorod  
Nizhny Novgorod, Russian Federation

raviddin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-4397>

*Abstract*

The paper focuses on the essential nature of translation activity which implies that translation (as well as interpreting) manifests itself in two hypostases, so to speak – a service and a tool. Although these translation hypostases do not cause serious objections, their very existence being confirmed by objective reality, it is appropriate to apply a scientific approach to describing the specificity of their manifestation. For this purpose, the author goes beyond linguistics and turns to the research in marketing dealing with the complicated phenomenon “service” – from its definition to its distinctive characteristics. Extrapolating the results of the research on translation / interpreting, which is a separate area in the service industry, aimed at offering a particular type of help or use, has made it possible to verify the applicability of a service properties to translation. It has been found that translation / interpreting can hardly be regarded as a “pure” service and should rather be treated as those numerous services which have characteristics shared by goods, namely: tangibility, storability (for further use and distribution), contemporaneity (in case of interpreting) / non-contemporaneity (in case of translation) of production and consumption. Still, translation / interpreting has a one-hundred percent service property which is variability, or inconstancy of quality. This characteristic of translation in its first hypostasis, i.e. service, is crucial since it helps to understand the manifestation of the second hypostasis of translation – that of a tool. The variability of quality consists in the fact that a product, a text in target language created when providing a translation service, acting as a tool, can be endowed with a linguistic composition different from that of the source text, given that the need and expectation of a particular initiator and/or consumer (user) have been met by a translator / interpreter. The purpose of a different linguistic composition, which means that certain modifications are to be introduced to the textual characteristics of the product in terms of its content, or form and structure, is to ensure that the product is ergonomic enough, i.e. its usability for accomplishing the task, it is intended for, has been provided. Obviously, such a product in the true sense of the word, turns out to be peculiar not only for the initiator and/or consumer (user) due to a different linguistic composition of the text, but also for the translator / interpreter who acts as a service provider, being aware that the product he is creating and endowing with a peculiar linguistic composition is a means of meeting a peculiar need and expectation. Since it is the need that triggers the entire translation process, the need is used as a key concept to give the name to a translation theory proposed in this paper – a needs-tailored theory of translation. The needs-tailored theory of translation, viewing it as a service and a tool as its bedrock, considers the idea of differentiating between translation and other types of language mediation offered in Russian translation studies inconsistent, and insists that any text in the target language created on the basis of the source text regardless of its linguistic composition is recognized as translation. Instead of the traditional in Russian translation studies dichotomy “translation vs adaptive transcoding” the needs-tailored theory proposes a dichotomy “conventional translation vs peculiar translation”. The first category includes cases of rendering a translation / interpreting service when the resulting product repeats the source text in its linguistic composition, i.e. cases of carrying out a translation / interpreting in its traditional sense. The second category, as the term suggests, combines the cases of rendering a translation / interpreting service when the resulting product has a peculiar linguistic composition to satisfy a peculiar need in accordance with a peculiar expectation of the initiator and/or consumer (user) of the translation.

*Keywords*

translation as a service, translation as a tool, need, expectation, ergonomics, needs-centered approach to translation, conventional translation, peculiar translation

*For citation*

Shamilov R. M. Translation Viewed as Service and Tool: Proposal of a New Translation Theory. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 124–138. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-124-138

## Введение

Перевод – это услуга. Такое утверждение вряд ли может вызвать серьезное возражение у кого-либо, сопричастного к переводческой профессии, прежде всего у переводчиков и переводоведов. Кажется, всякий соблазн выразить свое несогласие с этим утверждением, снимается тем, против чего действительно сложно возразить – окружающей нас реальной социально-экономической действительностью, сформировавшейся в России в течение последних тридцати лет. Переход к рыночной экономической системе (а если быть более точными, ее восстановление) предоставил возможность для представителей ряда профессий, в том числе переводческой, спустя довольно непродолжительное по историческим меркам время вновь осознать природную сущность выполняемой ими деятельности. Осознание пришло само собой с вовлечением переводчиков в систему отношений внутри появившегося в стране переводческого рынка, где перевод стал основным продуктом производства и потребления, создаваемым для удовлетворения потребностей и ожиданий объекта оказания услуги – потребителя переводческой услуги, а сами переводчики наделялись ролью субъекта – поставщика или исполнителя предоставляемой услуги. Можно сказать, что на практике произошло невольное признание того, на что справедливо указывает Дж. Бирн: «...если смотреть на перевод с профессиональной точки зрения, нам следует отдавать себе отчет в том, что перевод – это (все-таки) услуга, оказываемая профессионалами для клиентов, всецело полагающихся на умения, способности и решения переводчиков, к которым они обратились за оказанием этой услуги» [Burne, 2006. P. 254] (здесь и далее перевод мой. – *Р. Ш.*). Здесь нельзя не отметить, что принять новую реальность оказались готовы вовсе не все, и встречаются работы (см., например, [Чайковский, 2016]), в которых авторы стараются пойти против, казалось бы, естественного порядка вещей и приводить доводы – на наш взгляд, не всегда коррелирующие с действительностью – имеющие своей целью не допустить низведения перевода «до положения услуги в сфере обслуживания» [Чайковский, 2016. С. 16], т. е., как бы это странно ни прозвучало, не позволить переводу быть тем, чем он, собственно, всегда являлся, и защитить славный статус перевода как искусства. Позволим себе возразить словами Б. Озимо: «Результат любого труда, в том числе связанного с искусством, хотим мы того или нет, становится “продуктом”, как только он вовлекается в систему рыночных отношений» [Osimo, 2004. P. 6]. Несмотря на то что на практике перевод стал восприниматься как услуга со стороны переводчиков, его, так сказать, сервисная сущность, однако, не становится объектом пристального внимания теоретиков перевода. Сложно ответить однозначно, чем это может быть вызвано. Но тот факт, что перевод признается услугой и со стороны переводоведов (как показывает опыт, чаще всего это происходит в беседах друг с другом, чем, собственно, все и ограничивается), но при этом такое восприятие не переносится в теоретическую плоскость (не говоря уже о том, насколько это было бы важно с дидактической точки зрения!) их исследований, может послужить поводом усомниться в том, что новый (а на самом деле старый и естественный) статус перевода не вызывает у них чувства стеснения.

Тем не менее значимость теоретического осмысления сервисной природы перевода, которая заключается в возможности по-новому взглянуть на извечные переводческие проблемы, уточнить некоторые общетеоретические положения, а, быть может, даже и предложить ответы на частные вопросы отечественного переводоведения, все-таки осознается некоторыми исследователями, что побуждает их к разработке своей собственной концепции перевода (см., например, [Сахневич, 2009]). К разработке своей концепции, исходящей из сервисно-инстру-

ментального представления о переводе, недавно приступили и мы (см. [Шамилов, 2023а]). Настоящая статья будет посвящена выявлению и описанию характеристик перевода как услуги с позиции исследований в области маркетинга услуг и экономики, а также установлению механизма оказания переводческой услуги. Результаты исследования, безусловно, пополнят доказательную базу теоретических положений выдвигаемой нами потребностноориентированной концепции перевода.

### Перевод в свете маркетинговых исследований в сфере услуг

Если обратиться к Словарю русского языка С. И. Ожегова, для понятия «услуга» можно обнаружить следующее определение: «Действие, приносящее пользу, помощь другому» [Словарь русского языка С. И. Ожегова]. Можно с уверенностью утверждать, что применительно к переводу это определение справедливо на все сто процентов. Перевод как продукт, получаемый в результате выполнения определенного действия – перевода, или оказания переводческой услуги, действительно должен быть полезным для того, кому он предназначается. Полезность в отношении перевода следует понимать как возможность его применения для решения определенной задачи в рамках предметной деятельности. Такую полезность перевода можно приравнять полезности *инструмента*, в роли которого, по сути, продукт переводческой деятельности и выступает. Но поскольку о полезности инструмента следует судить по тому, насколько он удобен для выполнения прежде всего конкретного действия, а не в принципе (в том, что инструмент сам по себе полезен, сомневаться не приходится), то и о полезности перевода представляется целесообразным рассуждать аналогичным образом. Продукт, создаваемый в результате оказания переводческой услуги, должен быть удобным, или, если выразиться предлагаемой нами терминологией, *эргономичным* [Шамилов, Сдобников, 2019] для инициатора перевода, который при этом может и не являться конечным потребителем продукта (но не услуги как таковой!), или для ее непосредственного потребителя в решении конкретной задачи. Обеспечить требующуюся эргономичность возможно лишь при условии полного удовлетворения *потребности* потребителя, которая, в отличие от нужды, не зависящей от воли и сознания людей, всегда является субъективной и создается человеком [Беляев, 2005. С. 46–47], в полном соответствии с *ожиданием* в отношении продукта, которое может быть вполне осознанным и подразумевать оказание переводчиком услуги с выполнением предъявляемых в момент иницирования перевода требований. Отсюда следует вывод: если эргономичность обеспечена, то гарантирована *удовлетворенность* потребителя, а это значит, что услуга оказана качественно (подробнее см. [Шамилов, 2023а]).

Состоятельность представленных выше постулатов можно установить благодаря анализу сущности перевода как услуги с последующим выявлением его характеристик на основе достижений маркетинговых исследований. Если в толковых словарях, наподобие упомянутому выше Словарю русского языка С. И. Ожегова, «услуга» определяется более или менее одинаково и нередко определения просто совпадают друг с другом (ср., например, [Толковый словарь Д. Н. Ушакова]), в области маркетинга и экономики среди специалистов единого мнения по поводу того, что следует считать услугой, нет. Чтобы не быть голословными, приведем лишь некоторые из бесчисленного количества определений, которые можно найти в работах разных исследователей, в том числе зарубежных: а) действие или выгода, которую одна сторона предлагает другой. Как правило, не имеет вещественного выражения, а приобретение не приводит к получению чего-либо в собственность [Котлер, Армстронг, 2003. С. 36]; б) действие, приносящее удовлетворение потребностей [Намятова, 2012. С. 166]; в) определенные действия, которые могут быть оказаны на платной или безвозмездной основе, которые имеют целью удовлетворить определенные потребности как отдельных членов общества, определенных групп людей, так и общества в целом, которые являются результатом воздействия живо-

го или овеществленного труда, направленного на человека, его имущество или окружающие его условия [Христофорова, 2007а. С. 18]; г) изменение состояния экономической единицы [принадлежащего ей лица или товара], происходящее в результате деятельности другой экономической единицы [Hill, 1977. P. 336]. Довольно исчерпывающий анализ существующих дефиниций термина «услуга» проводится в статье Н. В. Фадеевой, в которой автором указывается на необходимость рассмотрения услуги не только как процесса, но и как конкретного результата ее оказания [Фадеева, 2011. С. 1143].

Услуга противопоставляется другому понятию из сферы обслуживания и маркетинга – товару. Но такое противопоставление не носит строгий характер, поскольку современная объективная реальность сферы услуг такова, что она продолжает усложняться за счет появления новых видов деятельности человека, результаты которых могут рассматриваться одновременно как услуга, так и товар. Сложность четкого разграничения услуги от товара или наоборот стала неопровержимым фактом для исследователей, наверное, с тех самых пор, как Л. Шостак еще в 1977 году выдвинула тезис о том, что «в действительности на рынке встречается мало, если вообще встречается, “чистых” товаров или “чистых” услуг» [Shostack, 1977. P. 74]. По мнению Л. Шостака, в продукте сочетаются признаки услуги и товара, причем в одном случае могут преобладать признаки услуги, в другом – товара. С учетом этого обстоятельства для формализации проявления в одном продукте (блага) свойств товара и услуги в разных комбинациях исследователем была предложена модель, впоследствии ставшая классической в области маркетинга и в специальной литературе получившая название «континуум товар – услуга», или «континуум Шостак». Место блага (продукта) на этом континууме предопределяется тем, какая из двух взаимоисключающих характеристик – осязаемость (*tangible dominant*) или неосязаемость (*intangible dominant*) – оказывается для него доминантной. Благо с ярко выраженной осязаемой ценностью будет стремиться к левому полюсу, т. е. к тому, чтобы считаться товаром, в то время как неосязаемость, или, другими словами, нематериальность выступает показателем наличия у блага сервисной составляющей, а это значит, что местом его расположения должна быть правая часть континуума.

Однако все по той же причине наличия огромного разнообразия благ, имеющих неоднозначную с точки зрения их материальности/нематериальности природу и, соответственно, не допускающих возможности более или менее строгого применения к ним критерия осязаемости/неосязаемости, континуум Шостак оказывается неполным. Как отмечает, в частности, И. Д. Котляров, в континууме Шостак не находится места для товаров, «ценность которых имеет нематериальную природу (таких, например, как скачанный из интернет-магазина фильм)» [Котляров, 2012. С. 148], или для услуг «со значительной материальной составляющей ценности – например, прокат автомобилей или пошив одежды на заказ» [Там же].

Есть основания полагать, что к услугам, ценность которых может включать определенную материальную составляющую, можно отнести и перевод. Перевод, как деятельность, направлен на объект перевода, коим выступает текст в письменной или устной форме, и, соответственно, выполняется письменно или устно, хотя нередки случаи, когда письменный текст может переводиться устно (например, перевод с листа), а устный – письменно (например, когда требуется представить в письменной форме информацию по конкретному интересующему вопросу, которая может содержаться в аудио-/видеоматериале на исходном языке, т. е. случаи так называемого выборочного (фрагментарного) перевода). Продукт, полученный в результате оказания переводческой услуги, может быть наделен осязаемостью за счет наполнения им конкретных материально-вещественных объектов, которые сами по себе уже являются товарами. Так, совершенно очевидно, что письменным переводом текста (художественного или специального) наполняется всякая печатная продукция (книга, руководство по эксплуатации, техническое описание, устав и т. д.), а аудио-/видеозапись какого-либо мероприятия на разных носителях может содержать и устный, например, синхронный, перевод, которым это мероприятие сопровождалось.

Упомянутая выше *нематериальность (неосвязаемость)* является лишь одной из четырех характеристик, традиционно выделяемых в качестве отличительных между услугой и товаром. Нередко эту совокупность обозначают формулой «4 Не», куда помимо нематериальности включают также несохраняемость, неотделимость от исполнителя услуги и клиента, непостоянство качества (вариабельность) [Христофорова, 2007б. С. 7]. Как уже отмечалось в одном из предыдущих абзацев, нельзя сказать, что эти характеристики носят универсальный характер, поскольку наличествует множество услуг, которые будут выбиваться из этой парадигмы как минимум по одной, а то, быть может, и по всем четырем параметрам. Для нас же интересным будем взглянуть на то, насколько с представленными параметрами коррелирует как услуга перевод. Поскольку относительно характеристики «нематериальность (неосвязаемость)» нами чуть ранее было установлено, что продукт перевода становится вполне материальным за счет вещественно-материального (а сегодня еще и электронного!) носителя, перейдем к трем другим параметрам.

*Несохраняемость.* Данная характеристика подразумевает, что «услуги невозможно складировать и сохранить для последующего использования, перепродажи и возврата» [Христофорова, 2007б. С. 9–10]. Продолжая рассуждения о причинах, по которым перевод, скорее, не соответствует, нежели соответствует параметру «нематериальность», мы можем установить, что практически по тем же причинам перевод выступает исключением и из этого правила. Думается, не требует доказательств тот очевидный факт, что перевод, будь то письменный или устный, вполне благополучно сохраняется и тиражируется как физический продукт любым доступным на сегодняшний день способом (в виде печатной продукции, в электронном формате, на аудио-/видеоносителях).

*Неотделимость от исполнителя услуги и клиента.* Эта характеристика предполагает, что во время оказания услуги присутствие клиента является обязательным условием. Этому критерию как услуги перевод удовлетворяет частично. Так, устный перевод действительно требует, пусть даже и не всегда непосредственного, а, например, посредством дистанционного подключения, обязательного присутствия потребителя услуги, и услуга в этом случае потребляется здесь и сейчас, в то время как перевод письменный практически всегда осуществляется без участия потенциального потребителя или инициатора перевода, а его потребление происходит постфактум.

*Непостоянство качества (вариабельность).* Указанная характеристика призвана отразить «сложность получения единообразного результата при каждом оказании услуги» [Христофорова, 2007б. С. 11]. К переводу как к услуге данный параметр применим в абсолютной мере, поскольку в создании продукта, получаемого в результате ее оказания, заметную роль играет инициатор и/или потребитель перевода. Эта роль выражается в возможности предъявления с их стороны, исходя из субъективной потребности, определенных требований к качеству продукта, которые в данном случае, разумеется, следует понимать именно как «совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность» [Словарь русского языка С. И. Ожегова], и эти требования, безусловно, учитываются переводчиком как исполнителем услуги. Подобные примеры, коих великое множество можно насчитать из личного профессионального опыта практикующих переводчиков, случаются как в письменном, так и в устном переводе. При такой несомненной клиентоориентированности перевода как услуги рассуждать о необходимости обеспечивать постоянство качества продукта не представляется возможным и, мягко говоря, необоснованно. Для удобства и наглядности результаты применимости основных характеристик услуги к переводу можно представить в виде таблицы.

Установление применимости в той или иной степени традиционных отличительных характеристик услуги к переводу дает нам основание заключить, что среди огромного множества определений понятия «услуга» в отношении перевода, наиболее точно и полно отражающей специфику перевода как услуги, является следующая дефиниция, представленная в «Слова-

Применимость основных характеристик услуги к переводу  
 Applicability of the Main Characteristics of a Service to Translation

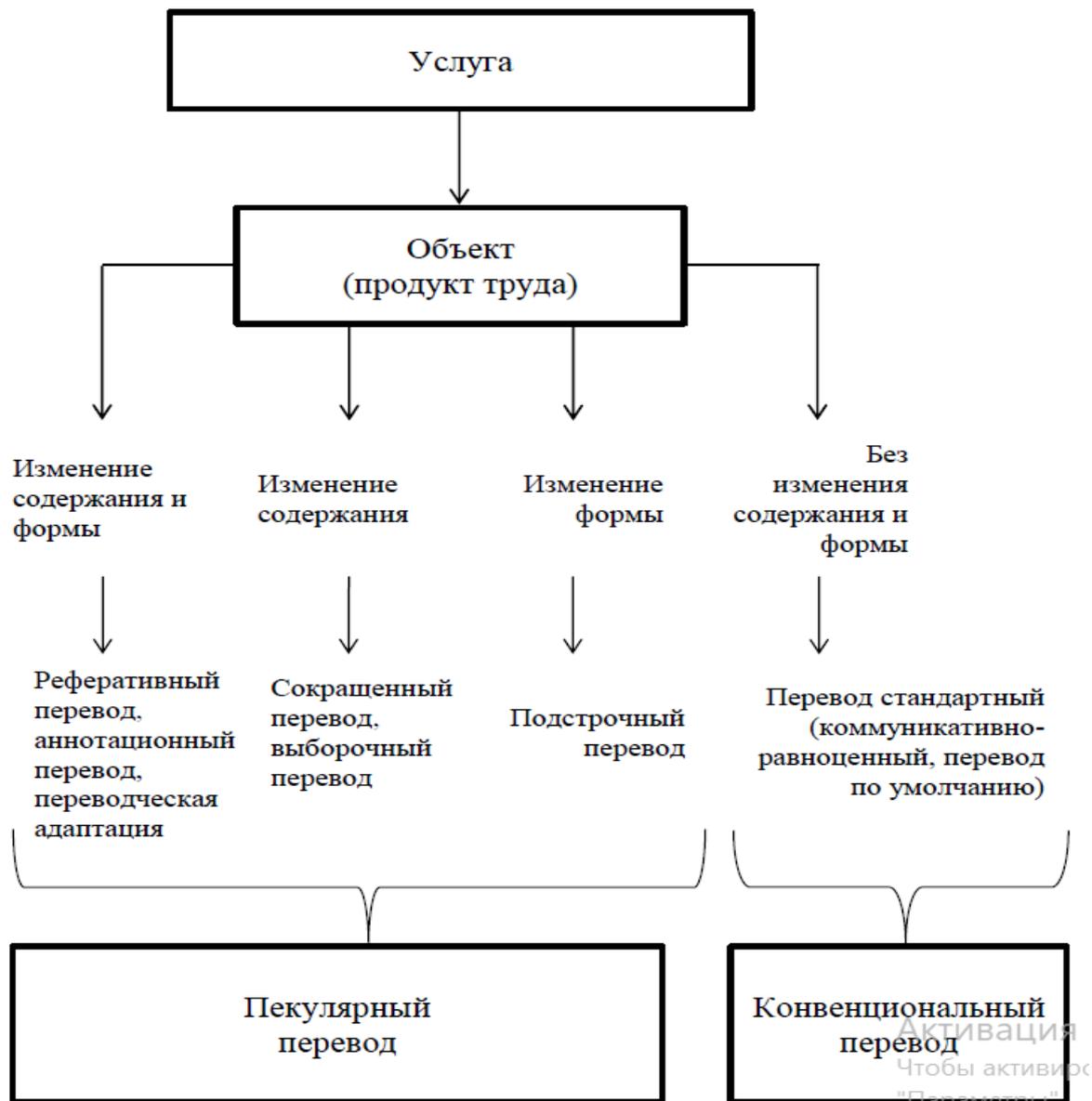
Характеристика услуги	Перевод	
	письменный	устный
Нематериальность (неосвязаемость)	нет	нет
Несохраняемость	нет	нет
Неотделимость от исполнителя услуги и клиента	нет	да
Непостоянство качества (вариабельность)	да	да

ре современных экономических терминов»: «Услуга – виды деятельности, работ, в процессе выполнения которых создается специально заказанный индивидуальный материально-вещественный продукт или изменяется качество уже имеющегося созданного продукта» [Райзберг, Лозовский, 2008. С. 393–394].

**Сервисно-инструментальная сущность как основа  
 потребностноориентированной концепции перевода**

Применимый к переводу фактор вариабельности качества, на наш взгляд, является фундаментальной характеристикой, учет которой позволяет с принципиально противоположной позиции подойти к ответу на, пожалуй, краеугольный вопрос переводоведения – следует ли разграничивать перевод от иных видов языкового посредничества, как было предложено В. Н. Комиссаровым в рамках лингвистической теории перевода [Комиссаров, 1990. С. 48–50]. Нашу точку зрения по этому вопросу мы уже выразили в одной из предыдущих работ, руководствуясь положениями потребностноориентированной теории перевода (см. [Шамилов, 2023б]), но попытаемся ответить на него попутно и в настоящей статье, продолжая наши рассуждения о переводе с опорой на исследования в области маркетинга и сферы услуг.

В продолжение развития мысли о детерминированности непостоянства качества услуги индивидуальной потребностью заказчика, заложенной в представленной в предыдущем разделе дефиниции, считаем целесообразным привести следующую цитату из работы Д. Е. Давыдянца, Е. А. Остапенко и Т. М. Скребцовой: «Услуга представляет собой результат труда в форме конкретного способа удовлетворения потребностей субъекта, который предназначен либо для достижения целевого содержания и формы объекта (продукта труда), либо для изменения содержания объекта (продукта труда), либо для изменения формы объекта (продукта труда), либо для перемещения в пространстве и во времени» [Давыдянец, Остапенко, Скребцова, 2019. С. 279]. Для наглядности передаваемой информации авторы приводят довольно репрезентативную, на наш взгляд, схему. Чтобы читателям было удобнее отслеживать ход наших дальнейших рассуждений, считаем резонным заимствовать эту схему и инкорпорировать в нее выводы и результаты настоящего исследования и представить ее в следующей версии (см. рисунок).



Особенности проявления сервисной сущности перевода  
Peculiarities of Manifestation of Translation as a Service

Представленный в цитате тезис, наверняка претендующий на то, чтобы быть универсальным для всех видов услуг, легко экстраполируется (за исключением разве что последнего пункта) на перевод, что подтверждается реальными случаями осуществления профессионального перевода. Так, объект труда – текст на исходном языке, или оригинал – подлежащий переводу, в зависимости от конкретной потребности инициатора и/или потребителя перевода может претерпевать изменения в его качественных – текстовых – характеристиках. Изменения в характеристиках отражаются на общем языковом (лингвистическом) оформлении объекта труда, т. е. текста на исходном языке (оригинала), и эти изменения, которые по своему характеру могут затрагивать либо формально-структурную, либо содержательно-смысловую сторону объекта и обусловлены именно конкретной потребностью, вполне ожидаемы со стороны инициатора и/или потребителя перевода, поскольку соответствующие требования к языковому оформле-

нию, как правило, предъявляются ими же на этапе инициирования перевода во время формулирования установки на перевод (или *translation brief* в терминологии К. Норд [Nord, 2018. P. 29]). Результирующий продукт отличается удобоприменимостью, т. е. тем, что мы предлагаем называть эргономичностью для решения конкретной задачи. В то же время всего вышесказанного может и не потребоваться, т. е. в отношении объекта труда – исходного текста – внесение модификаций (если не брать в расчет текстообусловленные, не зависящие, так сказать, от установки на перевод модификации, когда от переводчика требуется выполнения операций по внесению определенных поправок на «социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текста» [Швейцер, 1973. С. 242], как в случаях прагматической адаптации, или адаптации внутри перевода (в терминологии З. Д. Львовской [Львовская, 2008. С. 143])) не ожидается в силу отсутствия особой потребности, и объект труда будет практически без изменений в содержании и форме воспроизводиться на языке перевода. Очевидно, что от этого продукт перевода не станет менее эргономичным.

Применительно к вышеприведенной экстраполяции считаем необходимым сделать важную оговорку, дабы снять всякое подозрение, которое может невольно закрасться у читателей, в том, что мы намерены обесценивать перевод и готовы опрометчиво называть переводом абсолютно любой текст, созданный с опорой на оригинал. Скорее наоборот – одна из наших целей в рамках предлагаемой концепции заключается в том, чтобы добиться признания права именоваться переводом и для тех продуктов переводческой деятельности, которые этого права на сегодняшний день лишены и которых относят к иным видам языкового посредничества, но не к переводу. Без преувеличения, такое стремление в определенной степени роднит нас с теми исследователями перевода – прежде всего с представителями Лейпцигской школы перевода (см., например, [Jäger, 1975. S. 87–88] и авторами скопос-теории (см. [Reiss, Vermeer, 1996. P. 60]), – которые, руководствуясь теоретическими положениями выдвигаемых ими концепций, резонно приходят к выводу о целесообразности рассматривать в качестве перевода не только текст на языке перевода, коммуникативно и/или функционально эквивалентный оригиналу, но и любой результат двуязычной деятельности, не являющийся таковым. Под внесением изменений в соответствии с потребностью инициатора и/или потребителя перевода мы в ни коем случае не подразумеваем существенное модифицирование исходного текста внешне и по смыслу таким образом, что результат перевода становится, по сути, уже самостоятельным продуктом, сохраняющим связь с оригиналом лишь отдаленно (если вообще эта связь будет сохранена). Под изменениями мы имеем в виду лишь переименование исходного текста с сохранением без изменения смысла, но с определенной степенью нарушения принципа единства формы и содержания текста в его авторской задумке, что будет выражаться в принятии переводчиком мер (например, сокращение объема оригинала и перевод отдельных фрагментов, синтаксическая и лексико-семантическая компрессия для передачи информации в сжатом виде, подстрочный (пословный) перевод, адаптация текста в том числе с изменением его формы и структуры для конкретной аудитории и др.), обусловленных потребностью инициатора и/или потребителя и направленных на то, чтобы наделить текст тем, что мы склонны называть ожидаемым языковым оформлением, и сделать его настолько эргономичным, насколько это возможно в данной конкретной ситуации. С этой точки зрения все эти меры условно можно было бы назвать «изменениями» (модификациями), причем в большинстве случаев они, собственно, таковыми и являются.

Вышеизложенные рассуждения о переводе в сервисно-инструментальном измерении позволяют нам предложить следующее определение: «Перевод – это услуга, в результате оказания которой на языке перевода с опорой исключительно на подлинник создается текст (продукт) с заданным языковым оформлением, наделяющим его способностью удовлетворить потребность инициатора и/или потребителя перевода в полном соответствии с его ожиданием в отношении конечного продукта, своей эргономичностью призванного обеспечить инициатора/потребителя возможностью успешного решения конкретной задачи в рамках осуществления

его предметной деятельности» [Шамилов, 2023а. С. 128–129]. Благодаря такой формулировке определение, на наш взгляд, в равной степени оказывается приложимым ко всевозможным случаям выполнения перевода независимо от результата, и, что не менее важно, отражает принципиальное несогласие с идеей разграничения перевода и иных видов языкового посредничества.

Из нашей принципиальной позиции относительно дихотомии «перевод vs адаптивное транскодирование», однако, вовсе не следует, что мы категорически отказываемся от этого метода познания. Напротив, сама логика наших рассуждений на протяжении всего исследования подводит нас к тому, что без дихотомии все же не обойтись. Думается, что в качестве основных критериев для противопоставления двух элементов, коими, очевидно, должны выступить результаты оказания переводческой услуги, т. е. перевод как продукт, могли бы быть использованы: а) ключевое понятие потребностноориентированной теории перевода – потребность, о специфике которой переводчик узнает из установки на перевод (*translation brief*), получаемой от инициатора и/или потребителя перевода, и с которой, собственно, начинается весь переводческий процесс, и б) итоговое языковое оформление перевода, которое является очевидным отражением всей специфики коммуникативной ситуации, в которой этот перевод создавался. На основании этих критериев в нашей недавней работе [Шамилов, 2023а. С. 130–132] была предложена дихотомия из следующих двух категорий перевода: *конвенциональный перевод* и *неконвенциональный перевод*. Чтобы предложить номинации для категорий (типов) перевода, мы могли бы пойти, как нам кажется, двумя путями: а) противопоставить их через антонимические пары, в которых один их элементов в своем наименовании содержал бы приставку не-. Можно было бы рассмотреть, например, такие пары: традиционный – нетрадиционный, ординарный – неординарный. Но такие варианты представляются не совсем удачными. В первой паре прилагательное «нетрадиционный», которое довольно широко используется в сочетаниях, в том числе терминологических, в разных сферах общественной жизни (например, нетрадиционная медицина, нетрадиционная сексуальная ориентация и пр.) и, скорее, в сознании простых людей ассоциируется с чем-то, имеющим отрицательную коннотацию, нежели нейтральное или положительное значение, невольно вызвало бы у читателя желание подумать о таком переводе, как о переводе низкого качества. Во второй же паре такой нежелательный эффект вызвал бы первый элемент; б) предложить номинации иноязычного происхождения, что давно уже стало славной традицией в науке. Именно этот способ нам показался более эффективным и удобным.

**Конвенциональный перевод.** К этой категории перевода, наименование которой происходит от английского прилагательного *conventional*, имеющего значение “traditional, ordinary”, относятся переводы, которые создаются, если выразиться формулировками К. Норд, по «традиционному заказу» (*conventional assignment*) [Nord, 2018. P. 30]. Подобное наблюдается в случаях, когда отсутствует четко сформулированная со стороны инициатора и/или потребителя перевода установка, и она выводится самим переводчиком исходя из ситуации осуществления перевода [Там же]. Как отмечает Г. Фермеер, «если не указано иное, то стоит полагать, что технический текст, посвященный открытию из области астрономии, должен будет переводиться как техническая статья для астрономов...» [Vermeer, 1989. P. 183]. Для наглядности уместно провести аналогию с какой-нибудь другой услугой, например, с работой столяра, изготавливающего на заказ, скажем, стол. Думается, что в отсутствие особой установки и обращения к нему за заказом словами типа «Мне нужен стол» столяр наверняка изготовит стол с четырьмя ножками, т. е. стол в его традиционном – стереотипном, шаблонном – представлении. Применительно к переводческой услуге же можно сказать, что переводчик с высокой долей вероятности по умолчанию создаст продукт, который будет характеризоваться правильной, точной и полной передачей особенностей и содержания подлинника и его языковой формы с учетом всех особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики, в сочетании с безукоризненной правильностью переводящего языка [Нелюбин, 2003. С. 138]. Как перевод стандартный, при-

званный удовлетворить абсолютно всех, в том числе и тех, кто к самому факту появления перевода, казалось бы, не имеет прямого отношения, т. е. читателей в самом широком смысле этого слова, конвенциональный перевод может инициироваться любым из субъектов: автором исходного текста, заказчиком, конкретным потребителем, в некоторых случаях и самим переводчиком. Если проводить параллели с некоторыми другими теориями отечественного переводоведения, можно сказать, что конвенциональный перевод соотносится с понятиями «собственно перевод» (противопоставляемого адаптивному транскодированию) в терминологии лингвистического подхода к переводу [Комиссаров, 1990], перевод «при сохранении инвариантной концептуальной программы автора исходного текста» (противопоставляемый адаптации, где эта программа может быть изменена) в терминологии концепции З. Д. Львовской [Львовская, 2008]), «коммуникативно-равноценный перевод», а также в некоторых случаях, прежде всего связанных с переводом публицистических текстов, «терциарный перевод» в терминологии коммуникативно-функциональной теории перевода [Сдобников, 2015].

**Пекулярный перевод.** Своим названием эта категория перевода обязана работе А. И. Новикова и Н. М. Нестеровой, посвященной реферативному переводу научно-технических текстов, где реферативный перевод исследователи склонны рассматривать не как один из видов адаптивного транскодирования, а как особый вид перевода [Новиков, Нестерова, 1991. С. 11]. Может показаться, что выбор английского многозначного прилагательного *peculiar*<sup>1</sup> не совсем удачное решение, поскольку помимо вкладываемого нами в него значения “Belonging distinctively or primarily to one person, group, or kind; special or unique” [The Free Dictionary by Farlex], оно имеет и дефиницию “Not ordinary or usual; odd or strange” [Там же]. На самом деле наличие этого второго значения (а вернее, первого, если руководствоваться последовательностью, в которой они приводятся в словаре), скорее, является его преимуществом, а не недостатком, поскольку позволяет, так сказать, выразить отношение к таким видам перевода и со стороны сторонних лиц, не имеющих никакого отношения к созданию и потреблению продукта перевода. Для них такие переводы действительно могут показаться не «особыми, уникальными», а, скорее, «странными». В отличие от конвенционального перевода пекулярный перевод чаще всего выполняется в частном порядке по заказу конкретного потребителя (реже – заказчика) как средство удовлетворения прежде всего его – потребителя услуги – особой потребности и особого ожидания. Последнее выражается, как уже отмечалось ранее, в предъявлении конкретных требований формально-структурного и/или содержательно-смыслового плана к языковому оформлению продукта. Тут можно продолжить аналогию с работой столяра: в результате учета особой установки от клиента, скажем, в отношении количества ножек, у стола вместо четырех ножек, могут появиться три или всего лишь одна, но массивная ножка. Очевидно, от такой модификации стол не перестанет быть столом, и именно в таком качестве, будучи удобным (эргономичным) для решения конкретной задачи, он способен удовлетворить особую потребность потребителя, которая в свою очередь может быть обусловлена определенными жизненными обстоятельствами. К категории пекулярного перевода предлагаем относить продукты переводческой деятельности, которые по своим текстovým характеристикам (с точки зрения содержания и/или формы) имеют расхождения с исходным текстом и не претендуют на то, чтобы выступать его полноценной заменой, однако при этом с точки зрения инструментального назначения и ориентированности на удовлетворение потребности в полном соответствии с ожиданием в отношении языкового оформления также имеют право именоваться переводом. В частности, сюда можно включить реферативный перевод, аннотационный перевод, подстрочный перевод, а также переводческую адаптацию

<sup>1</sup> Для русского языка прилагательное «пекулярный» вовсе не новое. Например, его использование можно встретить в специальной литературе из области астрономии, в частности, в терминсочетании «пекулярная галактика» (от англ. *peculiar galaxy*), под которой подразумевается «галактика, которую невозможно отнести к определенному классу в последовательности Хаббла, поскольку она обладает ярко выраженными индивидуальными особенностями» [Словари и энциклопедии на Академикe].

и сокращенный перевод, которые в лингвистической теории перевода относят к адаптивному транскодированию (см. рисунок).

### Заключение

Проведенное исследование доказало научную обоснованность идеи заложения в основу потребностноориентированной концепции перевода его сервисно-инструментальную сущность. Тот факт, что во главу угла потребностноориентированной концепции ставится учет особенностей перевода как услуги, пусть даже, как выяснилось, не до конца вписывающейся в традиционное представление о том, что такое услуга (как, впрочем, и некоторые другие сложные по своему характеру услуги), но совершенно точно являющейся таковой с точки зрения механизма ее оказания, представляется ценным по следующим трем взаимосвязанным соображениям: а) снимается необходимость разграничения перевода и иных видов языкового посредничества и предлагается любой продукт переводческой деятельности независимо от его языкового оформления признавать именно переводом, который необходим для пользователя в качестве удобного инструмента для решения определенной задачи; б) сокращается разрыв между теорией и практикой перевода, который наблюдается сегодня в науке о переводе и с которым невольно приходится сталкиваться во время обучения переводческому ремеслу будущих переводчиков; в) появляется возможность пересмотреть и при необходимости скорректировать некоторые принципы обучения перевода, связанные с формированием у обучающихся неверного (стереотипного) представления о переводе и соответствующих профессиональных компетенций.

Полученные результаты дополняют и укрепляют теоретическую базу потребностноориентированного подхода и служат отправной точкой для продолжения его разработки как в общетеоретическом, так и в практическом отношениях. В частности, данные планируются использовать в исследованиях, перед которыми будет поставлена цель сравнить и сопоставить для выявления принципиальных отличий потребностноориентированную концепцию перевода с другими переводческими концепциями, прежде всего с теми, с которыми ее роднит общность некоторых общетеоретических воззрений; рассмотреть с позиции потребностноориентированной концепции отдельные ключевые понятия переводоведения (стратегия перевода, качество перевода, личность переводчика и др.) и сформировать собственный взгляд на них; описать в соответствии с указанной концепцией закономерности осуществления отдельных видов пекулярного перевода.

### Список литературы

- Беляев В. И. Маркетинг: основы теории и практики: учебник. М.: КНОРУС, 2005. 672 с.
- Давыдянец Д. Е., Остапенко Е. А., Скребцова Т. В. К определению понятий «услуга» и «качество услуги» // Kant. 2019. № 1 (30). С. 276–281.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга. 9-е изд. / пер. с англ. Т. В. Клекоты, Н. М. Макаровой, Н. Е. Метоль, Т. Н. Сторожук. М.: Вильямс, 2003. 1200 с.: ил.
- Котляров И. Д. Сочетание характеристик товара и услуги в продукте: попытка анализа // Вестник НГУЭУ. 2012. № 4. Т. 2. С. 144–153.
- Львовская З. Д. Современные проблемы перевода / пер. с исп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
- Намятова Л. Е. Термины рыночной экономики: Современный словарь-справочник делового человека. 4-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 198 с.
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- Новиков А. И., Нестерова Н. М. Реферативный перевод научно-технических текстов. М.: Ин-т языкознания, 1991. 149 с.

- Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш.** Словарь современных экономических терминов. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008. 480 с.
- Сахневич С. В.** Клиентоориентированный перевод. ЛитРес: Самиздат, 2009. 112 с.
- Сдобников В. В.** Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 464 с.
- Фадеева Н. В.** Анализ основных дефиниций сферы услуг с позиций процессного подхода к менеджменту качества // Вестник ТГТУ. 2011. Т. 17. № 4. С. 1131–1147.
- Христофорова И. В.** Специфические отличия услуги от товара. Ч. 1. Генезис базовых дефиниций сферы сервиса // СЕРВИС plus. 2007а. № 1. С. 11–19.
- Христофорова И. В.** Специфическое отличие товара от услуги. Ч. 2. Отличительные характеристики услуги – анализ адекватности существующей парадигмы // СЕРВИС plus. 2007б. № 2. С. 7–15.
- Чайковский Р. Р.** Свет и тени современного отечественного переводоведения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 4. С. 5–25.
- Шамилов Р. М.** Что такое потребностноориентированный перевод? // Вестник Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2023а. № 1 (61). С. 116–135.
- Шамилов Р. М.** К вопросу разграничения перевода и иных видов языкового посредничества: потребностноориентированный взгляд // Проблемы теории, практики и методики перевода. Серия: Язык. Культура. Коммуникация. 2023б. № 24. С. 50–58.
- Шамилов Р. М., Сдобников В. В.** Коммуникативная ситуация и лингвистическое оформление текста в специальном переводе: содержательно-смысловой аспект // Научный диалог. 2019. № 1. С. 165–177.
- Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Byrne J.** Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation. Dordrecht: Springer, 2006. 280 p.
- Hill T. P.** On Goods and Services. In The Review of Income and Wealth. 1977. Vol. 23. Iss. 4. P. 315–338.
- Jäger G.** Translation und Translationlinguistik. Halle: Veb Max Niemeyer, 1975. 214 S.
- Nord Ch.** Translating as a Purposeful Activity. Second edition. New York: Routledge, 2018. 154 p.
- Osimo B.** Traduzione e qualità: la valutazione in ambito accademico e professionale. Milano: Hoepli Editore, 2004. 178 p.
- Reiss K., Vermeer H. J.** Fundamentos para una teoría funcional de la traducción. Madrid: Ediciones Akal, 1996. 206 p.
- Shostack L. G.** Breaking Free from Product Marketing. In Journal of Marketing. Vol. 41, № 2 (April, 1977), P. 73–80.
- Vermeer H. J.** 'Skopos and commission in translational action'. In Chesterman, A. (ed) Readings in Translation. Helsinki: Oy Finn Lectura Ab, 1989. P. 173–187.

### Список словарей

- Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 17.10.2023).
- Словарь русского языка С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 17.10.2023).
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 17.10.2023).
- The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 17.10.2023).

## References

- Belyaev V. I.** Marketing: Basics of Theory and Practice: a Textbook. Moscow, KNORUS publ., 2005, 672 p. (in Russ.)
- Davydyants D. E., Ostapenko E. A., Skrebtsova T. V.** To the Definition of “Service” and “Quality Services”. *Kant*, 2019, № 1 (30), pp. 276–281. (in Russ.)
- Komissarov V. N.** Theory of Translation (Linguistic Aspects): a Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 253 p. (in Russ.)
- Kotler Ph., Armstrong G.** *Basics of Marketing*. 9<sup>th</sup> ed. / Trans. from English by Klepota T.V., Makarova, N.M., Metol’ N.E., Storozhuk, T.N. Moscow, Izdatel’sky dom “Vilyams”, 2003, 1200 p. (in Russ.)
- Kotlyarov I. D.** Product as a Combination of Goods and Services: an Analysis. *Vestnik NSUEM*, 2012, № 4, vol. 2, pp. 144–153. (in Russ.)
- Lvovskaya Z. D.** *Modern Issues of Translation* / Trans. from Spanish. Moscow, Izd-vo LKI, 2008, 224 p. (in Russ.)
- Namyatova L. E.** Terms of Market Economy: a Modern Guidance Dictionary of a Businessman. 4<sup>th</sup> ed, revised and expanded. Ekaterinburg, UrFU, 2012. 198 p. (in Russ.)
- Nelyubin L. L.** An Explanatory Dictionary of Translation Studies. 3<sup>rd</sup> ed., revised. Moscow, Flinta: Nauka, 2003, 320 p. (in Russ.)
- Novikov A. I., Nesterova N. M.** Gist Translation of Scientific and Technical Texts. Moscow, Institut yazykoznaniya, 1991, 149 p. (in Russ.)
- Rayzberg B. A., Lozovsky L. Sh.** Dictionary of Modern Economic Terms. 4<sup>th</sup> ed. Moscow: Ayris-press, 2008, 480 p. (in Russ.)
- Sakhnevich S. V.** Client-oriented translation. LitRes, Samizdat, 2009, 112 p. (in Russ.)
- Sdobnikov V. V.** Translation and Communicative Situation: a Monograph. Moscow, Flinta: Nauka, 2015. 464 p. (in Russ.)
- Fadeeva N. V.** Analysis of the Definitions of Core Service Terms from the Standpoint of Process Approach to Management of Quality. *Transactions TSTU*, 2011, vol. 17, № 4, pp. 1131–1147. (in Russ.)
- Khristoforova I. V.** Specific Features which Differentiate between a Service and a Good. Part 1. Genesis of Basic Definitions of Service Industry. *SERVIS plus*, 2007a, № 1, pp. 11–19. (in Russ.)
- Khristoforova I. V.** Specific Features which Differentiate between a Service and a Good. Part 2. Specific Characteristics of a Service – an Analysis of Adequacy of the Existing Paradigm]. *SERVIS plus*, 2007b, № 2, pp. 7–15. (in Russ.)
- Chaykovsky R. R.** Light and Shadows of Modern Translation Studies in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 22. Teoriya perevoda*, 2016, № 4, pp. 5–25. (in Russ.)
- Shamilov R. M.** What Is a Needs-centered Translation? *LUNN Bulletin*, 2023a, № 1 (61), pp. 116–135. (in Russ.)
- Shamilov R. M.** On Differentiating between Translation and Other Types of Linguistic Mediation: a Needs-centered Approach. *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda. Seriya “Yazyk, Kul’tura, Kommunikatsiya”*, 2023b, № 24, pp. 50–58. (in Russ.)
- Shamilov R. M., Sdobnikov V. V.** Communicative Situation and Linguistic Composition of a Target Text in Specialised Translation: Contextual and Conceptual Aspect. *Nauchnyi dialog*, 2019, № 1, pp. 165–177. (in Russ.)
- Shveitser A. D.** Translation and Linguistics. (Journalistic-informative and Military-publicistic Translation). Moscow, Voenizdat, 1973, 280 p. (in Russ.)
- Byrne J.** Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation. Dordrecht, Springer, 2006, 280 p.
- Hill T. P.** On Goods and Services. *The Review of Income and Wealth*, 1977, vol. 23, iss. 4, pp. 315–338.

- Jäger G.** Translation und Translationlinguistik. Halle, Veb Max Niemeyer, 1975, 214 S.
- Nord Ch.** Translating as a Purposeful Activity. Second edition. New York, Routledge, 2018, 154 p.
- Osimo B.** Traduzione e qualità: la valutazione in ambito accademico e professionale. Milano, Hoepli Editore, 2004, 178 p.
- Reiss K., Vermeer H. J.** Fundamentos para una teoría funcional de la traducción. Madrid, Ediciones Akal, 1996, 206 p.
- Shostack L. G.** Breaking Free from Product Marketing. *Journal of Marketing*, 1977, vol. 41, № 2, pp.73–80.
- Vermeer H. J.** ‘Skopos and Commission in Translational Action’. In *Chesterman A. (ed) Readings in Translation*. Helsinki, Oy Finn Lectura Ab., 1989, pp. 173–187.

### Dictionaries

- Dictionaries and Encyclopedias on Academic [Electronic resource]. URL: <https://dic.academic.ru/> (accessed on 17.10.2023)
- A Dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov [Electronic resource]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed on 17.10.2023).
- “An Explanatory Dictionary of the Russian Language” by D. N. Ushakov (ed.) [Electronic resource]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed on 17.10.2023).
- The Free Dictionary by Farlex [Electronic resource]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed on 17.10.2023).

### Информация об авторе

**Шамилов Равиддин Мирзоевич**, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород

### Information about the Author

**Raviddin M. Shamilov**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Professional Communication of the Faculty of Humanities, HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 10.03.2024;  
одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 16.08.2024*

*The article was submitted 10.03.2024;  
approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 16.08.2024*

Научная статья

УДК 811.111'25

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-139-154

## Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале мультсериала «Смешарики»)

Александра Меркулова<sup>1</sup>  
Анна Леонидовна Соломоновская<sup>2</sup>

Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

<sup>1</sup> a.merkulova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9112-3928>

<sup>2</sup> a.solomonovskaia@g.nsu.ru

### Аннотация

Статья посвящена проблеме перевода с русского на английский язык имен собственных (ИС) в русскоязычном анимационном сериале «Смешарики» (2003–2012). Во введении подробно обозначена проблема перевода ИС как класса реалий и ее актуальность в современном переводоведении. Там же описана цель данного исследования, его новизна в научной парадигме и дан краткий обзор литературных публикаций по заданной проблематике. В основной части статьи представляются результаты лингвокультурного анализа специфики и способов передачи ИС в процессе дублированного аудиовизуального перевода в рамках стратегий сохранения, адаптации и опущения ономастических единиц различного порядка. Дается краткая характеристика переводческих трансформаций (транспозиция, транслитерация, транскрипция, калькирование, полукалькирование, модуляция, контекстуальная или онимическая замена, компенсирующий перевод, подбор функционального аналога, генерализация, конкретизация, лексическое добавление и лексическое опущение, создание неологизма, описательный перевод), которые относятся к каждой из названных выше стратегий. Отдельно комментируются нестандартные комбинированные приемы перевода и примеры их реализации в дубляже анализируемого мультсериала. Наиболее продуктивной показала себя стратегия сохранения ИС, о чем свидетельствует больше половины представленных в статье примеров. Такая статистика объясняется важностью ИС в сюжетной структуре мультипликационного сериала, стремлением переводчика сохранить оригинальный смысл и замысел авторов исходного произведения, его национально-культурные особенности, которые в перспективе могли бы пополнить арсенал фоновых знаний аудитории из принимающей лингвокультуры. В заключительной части статьи авторы пришли к выводу, что для достижения адекватного и эквивалентного перевода ИС в дубляже требуется учитывать различные факторы, которые влияют на конечный выбор переводческого приема. Среди них наиболее важными являются ограничения аудиовизуального перевода, наличие традиционного словарного эквивалента ИС, степень визуализации и важности ИС в сюжете, уровень образованности и возрастные характеристики целевой аудитории, профессионализм и творческий потенциал переводчика.

### Ключевые слова

аудиовизуальный перевод, переводческий прием, имя собственное, оним, ономастическая единица, адаптация, опущение, сохранение

### Для цитирования

Меркулова А., Соломоновская А. Л. Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале мультсериала «Смешарики») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 139–154. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-139-154

© Меркулова А., Соломоновская А. Л., 2025

## Peculiarities of Transferring Proper Names in the Process of Audiovisual Translation (based on the material of the cartoon series “Smeshariki”/”Kikoriki”)

Alexandra Merkulova<sup>1</sup>, Anna L. Solomonovskaya<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Novosibirsk State University,  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>1</sup>a.merkulova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9112-3928>

<sup>2</sup>a.solomonovskaia@g.nsu.ru

### Abstract

The article discusses the issue of translating proper names from Russian into English in the animated series “Smeshariki / Kikoriki”, which came out in Russia between 2003 and 2012. The introduction provides a detailed description of proper name translation as a realia category and its significance in contemporary translation studies. The purpose of this research is also outlined as well as its novelty within the scientific paradigm. A brief overview of relevant literature sources on the issue is provided. The main part of the article presents the findings of a linguistic and cultural analysis that examines the specific features and methods used in translating proper names during the process of dubbing audiovisual content. Strategies for preserving, adapting, and omitting different types of onomastic units are discussed. Also, considered are translation techniques. Non-standard translation ways are looked at along with examples of their use in the dubbed versions of the animated series. The preservation strategy of proper names is found to be the most effective, as demonstrated by more than half of the examples cited in the article. Such statistics are explained by the significance of proper names in the plot structure of the animated series. The translator’s goal is to preserve the authors’ original meaning and intention as well as the national and cultural aspects of the work. This could enrich the background knowledge of viewers from the target language culture. In the final section of the article, the authors conclude that in order to achieve a successful and accurate translation of proper names, it is essential to consider various factors that affect the choice of a particular translation method. These are all possible limitations in audiovisual translation, lack of a unified strategy, existence of a dictionary equivalent for a translated proper name, level of visualization and significance of a proper name within the plot, educational level and age group of the audience as well as professionalism and creativity of the translator.

### Keywords

audiovisual translation, translation technique, proper name, onym, onomastic unit, adaptation, omission, preserving

### For citation

Merkulova A., Solomonovskaya A. L. Peculiarities of Transferring Proper names in the Process of Audiovisual Translation (based on the material of the cartoon series “Smeshariki”/”Kikoriki”) // *Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 139–154. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-139-154

## Введение

В настоящее время одной из актуальных проблем современного переводоведения является анализ способов передачи онимов русского языка на английский язык в процессе аудиовизуального перевода мультипликационного дискурса. Особо интересным представляется исследование на материале дублированного перевода, который считается наиболее популярным и продуктивным в большинстве стран мира, когда речь идет о работе с анимационными видео-вербальными текстами.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что перевод имен собственных (ИС) представляет собой комплексную задачу, которая связана с лингвистическими и экстралингвистическими факторами и находится на пересечении нескольких областей знаний: лингвистики, переводоведения и лингвокультурологии.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать характерные для русской и американской культуры способы перевода ИС. Исходя из заданной цели, в статье будет представлен комплексный лингвокультурный анализ указанных выше способов и их специфики в процессе аудиовизуального перевода (дубляжа) мультсериала с русского на английский язык.

В заключении анализа будут сделаны выводы о факторах, влияющих на выбор переводчиком тех или иных стратегий и переводческих приемов.

В связи с возросшей потребностью в анализе аудиовизуальных видеовербальных текстов количество научных работ этой тематики значительно увеличилось. Такой проблематичный аспект, как перевод ИС, был бы невозможен без монографий А. В. Суперанской [Суперанская, 1973], И. С. Алексеевой [Алексеева, 2004], Д. И. Ермоловича [Ермолович, 2001] и др. Опираясь на опыт ученых-предшественников, А. В. Суперанская и Д. И. Ермолович представили отдельно друг от друга свои типологии ИС, в которых они разделены на категории по тематическому принципу: антропонимы и прозвища, зоонимы, мифонимы, топонимы, космонимы и астрономимы, фитонимы, хрематонимы, хрононимы, документонимы, фалеронимы; названия средств передвижения (в том числе судов, космических кораблей и аппаратов), предприятий, учреждений, обществ, объединений, органов периодической печати, праздников, юбилеев, торжеств, мероприятий, кампаний, войн, произведений литературы и искусства, стихийных бедствий, а также торговые и фирменные названия.

Место ИС в общей структуре безэквивалентной лексики до сих пор не уточнено. Этот факт служит причиной споров ученых о включении онимов в поле реалий (В.С. Виноградов) или исключения их из указанной категории (С. Влахов и С. Флорин). Нам видится более разумным подход, при котором ИС все же входят в состав реалий, что упрощает их изучение и классификацию. Поэтому за основу в этой статье мы возьмем типологию В. С. Виноградова [Виноградов, 2001. С. 54], который относит к ономастическим реалиям антропонимы, топонимы, имена литературных героев, названия компаний, музеев, театров и др. Этот список может быть расширен за счет названий заводов, планет, сторон света, книг и газет, документов, премий и турниров, стилей восточных единоборств, учений и школ, войн и конфликтов, программ и т. п. Некоторые категории ИС, описанные в классификациях А. В. Суперанской и Д. И. Ермоловича, входят в противоречие со взглядами В. С. Виноградова (например, мифонимы в его типологии относятся к этнографическим реалиям), поэтому они не будут рассматриваться в рамках данной статьи.

Первые попытки в рассмотрении вопроса перевода культурно значимых ИС были сделаны нами в статьях, посвященных лингвокультурному анализу ИС в обеих частях мультипликационной франшизы «Мадагаскар» [Меркулова, 2022; Меркулова, Соломоновская, 2023]. Эти публикации позволили авторам сделать вывод, что доминирующей при передаче онимов с английского на русский язык является стратегия сохранения ИС, которая реализуется в таких приемах, как транскрипция, транслитерация и их сочетании с другими вспомогательными приемами. Следует учесть, что такой подход будет эффективным только при условии, что ИС входит в структуру фоновых знаний аудитории анимационного произведения.

Материалом для данного исследования послужили серии русскоязычного мультсериала «Смешарики» (2003–2012 гг.) производства студии компьютерной анимации «Петербург» в количестве 215 эпизодов. Методом сплошной выборки по полному тексту (транскрипту) на исходном (русском) и переводящем (английском) языке (общий хронометраж всех 215 серий – 1404 минуты 9 секунд, средний хронометраж одной серии – 6 минут 30 секунд) нами было выявлено 280 ИС.

В ходе работы нами были отобраны 142 серии формата 2D (хронометраж – 929 минут 39 секунд), содержащие ИС, согласно обозначенной ранее классификации В. С. Виноградова. Анализ проводился на основе оригинального сценария (мультипликационного скрипта) и его дублированного перевода, выполненного американской компанией «FUN Union Dub». В США сериал вышел под названием *Kikoriki*.

Новизна исследовательской работы заключается в обращении к анимационному видеовербальному тексту «Смешарики» как к объекту лингвокультурного анализа для описания способов и специфики передачи ИС с русского на английский язык. Из-за своей оригинальности, популярности, многоплановости и «феномена двойного адресата» [Максимова, Слау-

тина, 2019] данный мультипликационный сериал не единожды становился объектом анализа отечественных исследователей [см. Азнабаева, 2018; Венедиктова, 2021; Герасименко, 2017; Ершова, 2022; Корнилов, 2021; Максименко, Подлегаева, 2020; Максимова, 2019; Нешкова, 2020; Нильсен, Оганджян, 2022; Подлегаева, 2020; Саввина, 2016; Стольников, 2021; Топорова, 2020; Халлыева, 2022; Чистова, Экзархова, 2022; Шаммедова, 2023; Экзархова, 2020]. Тем не менее во всех перечисленных литературных источниках авторы обращались к анализируемому мультсериалу как к материалу для изучения других культурных и лингвистических аспектов. Отметим, что большинство существующих статей, описывающих способы перевода и этимологические особенности ИС, носят фрагментарный характер, так как упоминают имена исключительно главных персонажей анимационной вселенной «Смешариков», а не все группы ономастических единиц. Кроме того, в указанных публикациях доступны более ранние версии дублированного перевода, которые не являются актуальными на сегодняшний момент.

Учитывая все вышесказанное, приходим к выводу, что корпус практических исследований, посвященных переводу ИС именно в мультипликационном дискурсе в аспекте аудиовизуального перевода в целом, и рассматриваемого мультипликационного сериала в частности, все еще требует пополнения и детализации.

### Результаты исследования

Одной из проблем современного переводоведения является отсутствие единой фундаментальной классификации переводческих трансформаций. Отечественные языковеды (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, В. В. Кабакчи, Л. К. Латышев, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер и др.) разработали ряд типологий, на которые можно опираться при выполнении лингвистических исследований, но в любом случае надо понимать, что любое описание переводческих приемов условно, а многие из этих типологий пересекаются друг с другом. Наряду с этим специалисты по аудиовизуальному переводу часто практикуют различные сочетания переводческих техник для достижения максимально адекватной и эквивалентной передачи заложенного автором смысла исходного видеовербального текста.

В копилке переводчика глобально есть три основные стратегии работы с наименованиями: прямой (дословный) перевод, трансформация (замена) и нейтрализация. Следовательно, ИС может быть сохранено, адаптировано или опущено при переводе. Каждой из обозначенных стратегий присущи свои переводческие приемы.

В ходе данного исследования были отобраны ономастические примеры в количестве 280 единиц. Для отбора использовался метод сплошной выборки. Изучение и классификация собранного материала дали авторам статьи возможность установить, что наибольшее число ИС (122 из 280) сохранены, меньше половины ИС (101 из 280) адаптированы и лишь около 1/5 всех ИС (57 из 280) опущены. В общем смысле, такая градация стратегий объясняется важностью ономастической лексики в аудиовизуальных текстах.

Если называемое явление присутствует в поле фоновых знаний реципиентов, то стратегия «сохранения имени» [Кокунова, 2013. С. 36] оказывается эффективным методом перевода ИС. Она реализуется в таких переводческих приемах, как транспозиция (словарное соответствие), транслитерация и транскрипция (заимствование), калькирование и полукалькирование (гибридные образования) [Кабакчи, Белоглазова, 2012. С. 34].

Доминирующим приемом при переводе ИС в анализируемом мультсериале является **транспозиция**, т. е. подбор утвержденного словарного соответствия. Этот способ передачи ИС представляет для переводчика наименьшее количество сложностей и используется в основном при переводе топонимов и различных географических названий: *Африка – Africa, Парагвай – Paraguay, Перу – Peru, Антарктида – Antarctica, Яринакоча – Yarinacocha, Новая Зеландия – New Zealand, Арктика – Arctic, Бермудский треугольник – the Bermuda Triangle*,

Индокитай – *Indochina*, Бурунди – *Burundi*, Бужумбура – *Bujumbura*, Индия – *India*, Гренландия – *Greenland*, Монголия – *Mongolia*, Ангола – *Angola*, Константинополь – *Constantinople*, Мурманск – *Murmansk*, Магадан – *Magadan*, Рим – *Rome*, Стамбул – *Istanbul*, Бермудские острова – *Bermuda*, Калькутта – *Calcutta*, за Полярным кругом – *above the Arctic Circle*, Австралия – *Australia*. Кроме того, транспозиция применяется для перевода антропонимов, например, имен монархов, религиозных деятелей, знаменитостей и др.: Джоконда – *Gioconda*, Элеонора – *Eleanor*, Гертруда – *Gertrude*, Изольда – *Isolde*, Эмилия – *Emily*, Августа – *Augusta*, Джульетта – *Juliette*, Валерия – *Valerie*, Аврора – *Aurora*, Ядвига – *Hedwiga*, Тереза – *Theresa*, Мигель – *Miguel*, Хоце – *Jose*, Рапира – *Rapier* (псевдоним, выбранный персонажем Пино), Росинант – *Rocinante*, Гудини – *Houdini*, Моцарт – *Mozart*, Дон Кихот – *Don Quixote*. Названия космических объектов и планет (*Солнце – the Sun*, *Земля – the Earth*, *Плутон – Pluto*, *Луна – the Moon*, *Марс – Mars*), сторон света (*Восток – the East*), премий (*Нобелевская премия – the Nobel Prize*, *Нобелевка – the Nobel Prize*), способов кодирования (*Морзянка – Morse code*) также часто имеют традиционные, зафиксированные в словарях соответствия, от которых лучше не отходить в переводе.

Следует отметить, что иногда транспозиция используется в связке с другими приемами, например, с лексическим добавлением: *по имени Гудини – by the name of Harry Houdini*, *На Север – To the North Pole*. Такая комбинация позволяет переводчику уточнить какие-то детали или сделать перевод более поэтичным, органичным и адекватным для восприятия публики. Подобный принцип соблюдается при сочетании транспозиции с калькой: *старой и новой Зеландии – New Zealand, Old Zealand*; *До тебя, город Омск – To the city of Omsk*; или с модуляцией: *это где-то в Экваториальной (Гвинеи) – near the equator*.

Следующим переводческим приемом по количеству примеров является **транслитерация**, т. е. побуквенная передача ИС, например, космонимов (*Ансимар – Apsimar*) и антропонимов: *Корнелия – Cornelia*, *Инга – Inga*, *Амина – Amina*, *Фелиция – Felicia*, *Аделия – Adelia*, *Оделия – Odelia*, *Инара – Inara*, *Анжелика – Angelica*, *Нора – Nora*, *Эльвира – Elvira*, *Земфира – Zemfira*, *Вероника – Veronica*, *Ульяна – Ulyana*, *Ариадна – Ariadna*, *Эсмеральда – Esmeralda*, *Изабелла – Isabella*, *Кузя – Kuzya*, *Тузя – Tuzya*, *Биби – Bibi*, *Менделеев – Mendeleev*, *Попов – Popov*, *А.С. Попов – A.S. Popov*.

Отдельно дадим комментарий об имени одного из главных героев, которое также переведено с помощью транслитерации *Пин – Pin* или транскрипции [Топорова, 2020. С. 29]. В русскоязычном варианте Пин является сокращением от слова «пингвин». Интересно, что в ранних версиях перевода персонажа называли *Otto* или *Ottoriki* [Халлыева, 2022. С. 265], что в сочетании с его визуальным образом и «вербальными характеристиками немецкой речи» [Подлегаева, 2020. С. 106] прямо указывало на его немецкое происхождение. Таким образом, поменяв имя персонажа с Отто на Пин, переводчики перенесли акцент с немецкой культуры на визуальную зоологическую характеристику героя.

Принцип транслитерации долгое время был классическим в переводческой практике, но современный подход строится на принципах практической транскрипции, т. е. «нацелен на передачу звучания ИС, но в то же время включает в себя некоторые элементы транслитерации» [Ермолович, 2001. С. 20]. При использовании в письменной речи транслитерация помогает максимально облегчить понимание значения ИС.

Передача звуковой оболочки исходного слова выполняется с помощью **транскрипции** и чаще всего характерна для антропонимов: *Лили – Lily*, *Сусанна – Susannah*, *Глория – Gloria*, *Элизабет – Elizabeth*, *Виктория – Victoria*, *Мария – Maria*, *Мулентий – Moolenty*, *Мулечка – Moolechka*, *Муля – Moolya*. Особый интерес представляет последняя тройка имен, в которую входит имя быка-феодала, барина из Н-ской губернии, который с помощью машины времени переместился из 1808 г. в будущее в страну Смешариков. Имя Мулентий имеет латинское происхождение и означает «мул, осел» или «принадлежащий мулам». В Древнем Риме мул был ценным скотом, поэтому, вероятно, данное имя стало популярным среди римских аристокра-

тических семей. На Руси ценность представляли коровы, вокруг которых строилось домашнее хозяйство, а имя Мулентий было редким и сейчас звучит несколько старомодно. Предполагаем, что оно было выбрано для персонажа из-за ономатопоической составляющей (первый слог созвучен мычанию коровы или быка), причем в переводе этот смысл сохранен, так как английские коровы тоже делают «тоо». В мультсериале у быка Мулентия есть жена Муля, поэтому диминутив Муля в сознании русского зрителя может вызвать ассоциацию с советским фильмом «Подкидыш» (1939), в котором Фаина Раневская в роли Ляли произнесла в адрес своего мужа культовую фразу «Муля, не нервируй меня!». Разумеется, для американской аудитории эта отсылка останется незамеченной.

Одним из ключевых персонажей мультвселенной «Смешарики» является кролик Крош. Его имя перевели созвучно русскому – *Krash* путем транскрибирования и контекстуальной замены, так как. англ. «crash» означает «авария» или «громкий звук», что соответствует непоседливому характеру героя. В первых сериях Кроша звали *Jumper/Jumpy*, что происходит от англ. «to jump – прыгать» [Топорова, 2020. С. 29; Халлыева, 2022. С. 265] и подчеркивает характерное свойство кроликов – прыгучесть [Подлегаева, 2020. С. 105].

Авторский замысел может быть передан за счет сохранения смысла ИС [Ермолович, 2001] при переводе методом **калькирования**, т. е. замены составных частей (слов или морфем) исходной ономастической единицы на их лексические и семантические соответствия. Репертуар ИС для такого переводческого приема крайне разнообразный, что свидетельствует о богатом потенциале калькирования: антропонимы (*рыцарь Красное Сердце – the Knight of the Red Heart*, *великий Гудини – the Great Houdini*, восточные единоборства (*стиль бешеного кролика – Mad Rabbit style*), программы (*автоуборщик – auto cleaner*), учения (*учение трех лепестков – the Three-leaf School of Thought*), войны (*холодная война – The Cold War*).

Нередко калькирование выступает одним из элементов смешанного способа перевода, например, в сопровождении лексического расширения: в *Книгу нелепых рекордов – to the Guinea Fowl Book of Ridiculous Records*. В данном случае речь идет о серии «Нездоровый рекорд», в которой по сюжету торт Совуны был официально признан самым большим в мире. Лексическое расширение служит основой для игры слов, которую можно рассматривать на нескольких уровнях: *guinea fowl* (цесарка) – *owl* (сова), *fowl* (домашняя птица) – *foul* (отвратительный, дурной, глупый). Если некая часть ИС кажется переводчику избыточной или не соответствует требованиям АВП, то она опускается в дубляже: *Омский радиозавод имени Попова – the Omsk Radio Factory*.

Еще одним возможным переводческим симбиозом является калька в сочетании с функциональным аналогом: *Лунный заяц – Moon Bunny*, *Kanuman Отчаяние – Lieutenant Despair*. В первом примере прагматическая цель переводчиков выглядит логично: заменить нейтральное слово «заяц» (англ. «hare») на детский вариант слова «кролик» (англ. «bunny»), что соотносится с жанровой и возрастной спецификой переводимого аудиовизуального произведения. Во втором случае необъяснимой и даже ошибочной выглядит замена капитана на лейтенанта, при условии, что офицерские звания практически полностью совпадают в языковой картине мира российских и американских военнослужащих [Дидык, Фахретдинова, Лешин, 2020. С. 39].

В первой части серии «Проверка» Крош объясняет Ежику, что за квантограббером (специальный прибор) охотятся пираты с *созвездия Стрекозы – the Dragonfly Nebula*. Перевод в данном случае выполнен с помощью калькирования и функционального аналога, так как англ. «nebula» дословно означает «туманность». Тем не менее во второй части упомянутой серии используется просто калька: *созвездие Стрекозы – the Dragonfly Constellation*. При аудиовизуальном переводе важно соблюдать принцип преемственности, т. е. переводить ИС одинаково на протяжении всего мультсериала, чтобы не провоцировать непонимание зрителей.

Менее распространенным, но употребляемым, способом передачи ономастической лексики является **полукалькирование**, т. е. частичное заимствование, при котором корень слова

передается калькированием, а остальные части могут быть заменены. Оно встречается, к примеру, при переводе антропонимов: *Мулечка – Moolenty, Тигрица – Tigress*.

Представитель старшего поколения «Смешариков» ворон *Карыч* в американской версии носит имя *Carlin*, что учитывает звукоподражание при изменении только конечного суффикса. Некоторые авторы указывают здесь в качестве способа перевода функциональную замену [Топорова, 2020. С. 28]. В любом случае этот вариант ИС кажется более адекватным, чем его ранняя версия *Bigoriki*, которая звучит громоздко и непонятно для детского восприятия в плане смысловой нагрузки [Халлыева, 2022. С. 265], хоть и указывает на возраст и жизненный опыт персонажа [Подлегаева, 2020. С. 106].

Как и другие приемы, полукалька может применяться совместно, допустим, с лексическим добавлением: *Мулечка – my Mooly, darling*.

Стратегия «адаптация» предполагает замену ИС эквивалентом из принимающей лингвокультуры. Такого рода замена может находить отражение в таких приемах, как прономинализация, контекстуальная замена, компенсация, функциональный аналог, генерализация и конкретизация, создание неологизма, описательный перевод, лексическое добавление и опущение.

**Прономинализация** или замена существительного местоимением является простейшим видом грамматической трансформации [Лисицына, Арутюнов, 2014] и применяется при переводе ИС в том случае, когда исходное ИС заменяется на логически связанное с ним слово или словосочетание. Большинство примеров в мультсериале «Смешарики» следовали схеме замены ИС на личное местоимение: *мадемузель Лили – she, Биби – he, Ньюша – she, Ежик – he, Лосяш – he, Пин – he, Что это там Лосяш застрял? – What’s taking him so long?, Ежик верит во всякую ерунду – I fell for your story, Ежик верит во всякие глупости – I’m gullible, Или не Бараш.. – I mean... aren’t I? Maybe I’m not, Теперь понятно, почему твой Хрум заболел. – Well, then I think I figured out what’s wrong with him*. В некоторых случаях применялся обратный механизм, который позволял сделать реплику более понятной для аудитории: *он – the Moon Bunny, мы решили – Wally and I have decided, Вот дождемся, пока солнце сядет, и спать. – Chiko and I really want to see the sun go down*. Третий вариант предполагал замену одного местоимения другим: *аллея имени меня – Our Alley, Он мне сообщил – They told me*.

При создании имен главных героев мультсериала «Смешарики» использовался способ онимизации апеллятива [Азнабаева, 2018. С. 303] и «почти все имена персонажей образованы по существующим словообразовательным моделям» [Венедиктова, 2021. С. 65], однако при их локализации на американском рынке применялись разнообразные переводческие приемы и их комбинации. Большинство из них подверглись **контекстуальной замене**, т. е. замене исходного ИС на межъязыковое окказиональное соответствие, которое продиктовано условиями контекста, в том числе характерного для аудиовизуального текста.

К младшему поколению «Смешариков» принадлежит лучший друг Кроша – *Ежик*, который в англоязычной версии носит имя *Chiko*. Существует несколько версий такого неочевидного выбора. Начнем с того, что в США это имя довольно распространено и в переводе с испанского означает «славный парень», что вполне соотносится с характером персонажа. С другой стороны, такое имя может быть связано с увлечением Ежика – коллекционированием кактусов. Упоминание этих растений может вызывать у англоязычной аудитории ассоциации со странами Латинской Америки. По другой версии, происхождение этого имени не испанское, а японское, и означает «обет, обещание». Здесь уместно вспомнить серию «Обещание», в которой именно Ежик пообещал Ньюше найти ее потерянную игрушку по имени Тузя. В ранних переводах сериала героя зовут *Joshi*, что является отсылкой «к имени популярного персонажа серии видеоигр японской компании Nintendo – дружелюбного динозаврика *Yoshi*, что можно расценивать как ассоциацию по фоносемантическому признаку и сходным чертам характера» [Подлегаева, 2020. С. 106]. В работах других авторов этот пример относят не к контекстуальной, а к функциональной замене [Топорова, 2020. С. 28].

Аналогично запутанная история с переводом имени *Бараша*, который в процессе дублинга получил имя *Wally*. Если придерживаться словарной справки, то англ. «wally» означает «простофиля, болван». Поэтическая душа Бараша действительно бывает наивной в некоторых эпизодах, но все-таки это имя не вполне отражает характер персонажа. В ранних версиях перевода встречаются разные вариации имени героя: *Wolliriki*, *Wallie*. Исследователи пишут, что *Wallie* – это сокращенная форма имени *Wallace*, которая произошла от англ. «peaceful ruler», т. е. «мирный правитель» и перевод выполнен методом функциональной замены [Топорова, 2020. С. 29], в то же время очевидной и более логичной выглядит отсылка к англ. «wool», что означает «шерсть» и напрямую ассоциируется с баранами [Подлегаева, 2020. С. 105].

Морфологические признаки русского отчества (суффикс мужского рода *-ыч*) в имени медведя *Копатыча*, разумеется, отсутствуют в его американской версии. Это объясняется отсутствием в США категории отчества как таковой. Обращение по отчеству без имени в русскоязычной культуре характерно для разговорной речи, особенно для сельской местности, что имплицитно указывает на его сферу интересов (сельское хозяйство) [Подлегаева, 2020. С. 106]. Переводчики подобрали для персонажа имя *Barry* (в ранних версиях – *Boboriki*), фонетически близкое англ. «beag», означающему «медведь» [Подлегаева, 2020. С. 106; Халлыева, 2022. С. 265]. Взаимосвязь прослеживается и на других уровнях, если учесть, что по данным некоторых источников сети Интернет имя Барри является вариантом имени Барретт, имеет кельтское происхождение и означает «медведь» или ирландское происхождение и означает «маленький медведь». Существует также предположение, что это имя связано с сельским хозяйством и землей, поскольку его гэльский корень означает «урожай, плодородная земля». Позволим себе не согласиться с А. И. Топоровой, которая утверждает, что здесь применялся описательный перевод, а семантика имени связана с англ. «bury» – рус. «закапывать» [Топорова, 2020. С. 28–29]. Противоречие заключается в том, что англ. «bury», скорее, означает «хоронить».

Что касается *Лосяша*, то его имя в адаптированном для США мультсериале звучит как *Dokko* или *Doctoriki* (в ранних версиях). Как замечает А. И. Топорова в своей работе, ИС передано с помощью описательного перевода [Топорова, 2020. С. 28]. Дело в том, что по сюжету Лосяш занимается наукой, мечтает о Нобелевской премии и даже имеет ученую степень, о чем упоминается в серии «Торжество разума» [Подлегаева, 2020. С. 105].

Один из женских персонажей в мультсериале представлен розовой свинкой *Нюшей*, которая в переводе именуется *Rosa*, а в ранних версиях – *Rosariki*. По мнению А. И. Топоровой, ИС передано с помощью описательного перевода [Топорова, 2020. С. 28]. В данном случае все авторы сходятся во мнении, что определяющим фактором для выбора имени стала отличительная черта внешности героини, т. е. ее цветовая характеристика [Подлегаева, 2020. С. 106; Халлыева, 2022. С. 264].

Второй женский персонаж зовут *Совунья*, которую в английском переводе все зовут *Olga*, а в ранних версиях был вариант *Olgariki*. Перевод выполнен методом функциональной замены [Топорова, 2020. С. 28]. Данное ИС распространено во многих странах (чаще всего в заимствованном из скандинавских языков варианте *Хельга*) и подбиралось по фонетическому созвучию с англ. «owl», что означает «сова» [Халлыева, 2022. С. 265]. Интересно, что выбрали именно древнеславянскую форму *Ольга*, хотя «никаких визуальных маркеров «русскости» у этого персонажа нет» [Подлегаева, 2020. С. 106]. *Совунья* олицетворяет образ пожилой умудренной опытом дамы, что соотносится с тем, что во многих культурах сова – универсальный символ мудрости и знаний. Стоит отметить, одно из значений имени *Ольга* – «мудрая» в переводе со скандинавского языка. В одной из реплик *Карыча* используется контекстуальная замена с лексическим добавлением: *Совунья* – *our dear friend Olga*.

Кроме имен главных героев, контекстуальную замену можно наблюдать в таких примерах: *Хрум* – *Crunch*, *коварный Крольчище и Ежище* – *the menacing Krash and Chiko*, *Плутон* – *Mars*, *Ловелас* – *the masked minstrel*. Этот способ передачи ИС также имеет право на существование

в сочетании с лексическим добавлением: *Ловелас – The masked minstrel* и лексическим опущением: *Красная книга – Endangered Species I*.

При невозможности точного воспроизведения смысла возникают переводческие потери, которые могут быть восполнены путем применения **компенсации**, т. е. переводом исходного ИС другими средствами и иногда в другом порядке. Часто этот перевод совершенно никак не связан с исходным ИС. Пример такого компенсирующего перевода есть в реплике Совуны из первой части серии «Спасение улетающих»: *Нюша, ну где скажи на милость, мы возьмем веревку длиной 300 км? У **Копатыча** что ли? – Rosa, where in the world are we supposed to get 186 miles of balloon string? **That's 982 080 feet!** Культурные различия подвергаются адаптации, если в принимающей культуре отсутствуют такие ИС (личные имена, приметы, фразеологизмы и др.): *Гюльчатай – Jennifer*, *Солнце в облака садится – это к дождю. – What do we do now, you guys? Don't do anything. Упертый как **Барааш**. – Luckily, I'm as creative as... something.* Культурные ассоциации не сохраняются, как и комический эффект исходного произведения. Английский перевод оригинального видеовербального текста становится нейтральным, теряя образность, смысл, эмотивность и экспрессивность. Такой выбор метода может быть связан с нежеланием АВ-специалистов перегружать мультсериал, ориентированный, в первую очередь, на детскую аудиторию. В некоторых ситуациях переводчику не удается сохранить аллитерацию: *Понятия не имею. И спасение **Сириуса**, и стыковку на орбите **Сатурна**. – Beats me, I don't know, but it's just as fun here as it would be anywhere else, right?* Сочетание компенсации и транспозиции обеспечивает исходный юмористический подтекст и сохранение аллитерации: *У него сейчас в созвездии **этого Козинака, Козерога, срочные дела**. – He had to back to uh... **What do you call it? Corner capra... Capricorn. Something like that.** Компенсация помогает сделать перевод более метафоричным и поэтичным или лексически апеллировать к актуальной повестке: *Солнце цистерну нагревает. – That steel's hot enough to fry a caterpillar. **Ежик, может, махнем на Луну?** – Let's go see if it's really made of cheese. Эх, **Ежидзе, с тобой хоть на край света!** – Heu, good idea! Now I don't have to take a selfie.* Так или иначе, компенсация позволяет избежать переводческих лакун и сделать адаптированные реплики понятными для принимающей аудитории.**

Перевод по аналогии или **функциональный аналог** предполагает замену ИС в языке оригинала на приблизительно соответствующее ей ИС в языке перевода. Эквивалент должен быть семантически близким исходному ИС и вызывать сходную реакцию у реципиента: *Полкарп – Efrain*, *Теодора – Diana*, *Александр Степанович – Mr. Pоров, по шкале **Цельсия – degrees Fahrenheit***, *Мусечка – Crunchkins*, *Третий том «**Занимательной физики**» – The third volume in “Physics for Dummies”*. Иногда подбора аналога бывает недостаточно для соблюдения количества слов и сохранения ритмического паттерна в дублированной реплике. Тогда переводчик добавляет необходимые для хронометража и липсинка языковые единицы с помощью лексического расширения: *Баю-баю-баю-бай, **Мусечка мой, засыпай**. – Rocka, rocka, rockabye, **precious little tootsie pie**.*

Интересной иллюстрацией этого приема является серия «Завтрак из 6 букв», в которой Карыч пытается вспомнить имя коня Дон Кихота, чтобы разгадать кроссворд: ***Конек-Горбунук**. О, подходит, горбу... – Is it **Trigger?** Тьфу ты, ну при чем здесь **Горбунук?** – **Oh, that's good! T-R-I-G... that doesn't fit. Буцефал? – Fury?** Очевидно, что американская аудитория не знакома с литературным наследием П. Ершова, поэтому переводчик ссылается на жеребца Триггера, который прославился многочисленными съёмками в американских вестернах в 1938–1965 гг. Примерно в это же время (с 1955 по 1960 г.) на канале NBC транслировался американский телесериал-вестерн «Figu», названный так по кличке коня, который являлся там одним из главных действующих лиц. В переводе не удалось пойти по пути транспозиции и сохранить кличку лю-*

<sup>1</sup> Полный вариант перевода должен звучать как *Endangered Species List* или *Endangered Species Book*, но в данном случае последнее слово подверглось лексическому опущению.

бимого коня Александра Македонского *Vucephalus*, которая являясь универсальной исторической реалией, скорее всего, известна взрослой аудитории. В обоих примерах подбор функциональных эквивалентов аргументирован хронометражем и липсинком, и подбирался с учетом того, чтобы количество слогов в дубляже не превосходило исходное ИС.

В подавляющем большинстве случаев ИС обладает «национально-языковой принадлежностью» [Ермолович, 2001. С. 21], которую следует учитывать при переводе. Отсутствие в англосаксонской лингвокультуре референциальной отсылки постфикса *-дзе* в фамилии к грузинскому этносу [Подлегаева, 2020. С. 110] привело к необходимости подбора функционального аналога, при котором Ежик из грузина превратился в итальянца: *Я родственник Ежика – Ежидзе. – I mean buon giorno! I am Chikorini. But you're not Chiko. No, I am cousin.*

Принцип приблизительного перевода по родовидовому соответствию дает переводчику возможность использовать одну из разновидностей контекстуальной замены – **генерализацию**. Спектр ее применения в контексте ИС довольно широкий, но чаще всего этот прием характерен для антропонимов (в том числе клички животных и имена литературных персонажей): *Джордано Бруно – Ancient philosophers, Гагарин – spaceman, Тузя – Dog, Дедушка Гидромет – Weatherman on TV, Чипо – Dweeb<sup>2</sup>, Копатыч, ты куда? – We're gonna get you, pal!* и топонимов: *У нас в Фатерляндии – Where I come from, кусочек Африки – a greenhouse, на берегу Невы – upon the riverbank.* Возможен также вариант обобщения в соединении с лексическим добавлением: *Коль ума куда, кому, надо ехать в Кострому! – If it's smart you need right now, head on down to brainy town.*

Обратный генерализации переводческий процесс называется **конкретизацией** – заменой общего слова на конкретное ИС с целью подбора более точных соответствий и оттенков значений, подходящих по контексту произведения: *Никому ни звука, это секрет! – But you can't tell anyone. Crunch is a secret. По четным дням с драконом Ньюша, по нечетным – Крош. – Here's your custody schedule. Rosa gets Crunch on even days and Krash on odd days. Хм, хорошенькая у нас с тобой получается история... – Hm, that would be great for the history of Barry... Ты не помнишь, как давно у нас поселился Бараш? – That was right around the time that one of our friends moved to Kikoriki, Wally.*

**Лексическое добавление** может использоваться не только как вспомогательный метод перевода, но и как самостоятельный. Большинство примеров из анализируемого мультсериала действуют в русле добавления антропонима (обращения) к исходной реплике: *Дружище! – Crunch, my friend! Я про вечную славу. – You see, Carlin, ... А откуда тебе это известно? – Can you believe it, Chiko? Кстати с годом зайца тебя! – By the way, merry Bunnymas, Krash. Слушай, ты это хорошо, конечно, придумал с оранжевейей у Копатыча, но... – Hey, uh, Pin. It's great that you made that plant paradise for Barry. But... Слушай, Пин говорит, что он ничего не может ... разобрать в твоих чертежах. – Listen, Pin said he doesn't understand your... anything that you've written, Dokko. Эх, Копатычу-то хорошо: ему в спячке есть не надо – он лапу будет сосать, а мы? – Barry's really lucky. He doesn't need to eat anything. He'll just suck on his paw. So what about us, Dokko?* Иногда добавление может быть в виде целого предложения: *А нас, твоих лучших друзей, даже не вспомнят. Да? – And won't even remember us, your best friends. Is that what you want, Barry?* или его части (придаточного предложения): *Так вот, на самом деле, всем давно известно, что Земля плоская и лежит на трех слонах, а те, в свою очередь, стоят на большой черепахе. – Take a look, everyone knows that the Earth is flat like a giant cookie, that's on top of three elephants and they stand on a polka-dotted turtle, whose name is Henry.*

В отличие от лексического расширения **лексическое опущение** менее распространенный прием, но в рамках дубляжа он имеет некоторый потенциал в ситуациях, когда требуется

<sup>2</sup> Выбранный нами новейший вариант перевода предполагает передачу ИС *Чипо* (сокращ. от Чиполлино) через сленговое слово *dweeb*, которое означает физически и социально неуклюжего и неуверенного в себе человека, аналог рус. «слабак», «ботаник». В более ранних версиях перевода серии «Клон» придуманное одним из персонажей ИС *Чипа*, имеющее высшую степень эмотивности, было опущено без замены [Подлегаева, 2020. С. 88].

уложиться в заданный хронометраж реплики: *лишить Плутон статуса планеты Солнечной системы*. – *The decision's to withdraw Pluto's status as a planet*.

Системы диминутивов русского и английского языков в части образования ИС имеют свои особенности. Многие отечественные лингвисты [см. Буряковская, 2008; Исакова, 2006; Лескина, Слабко, 2015; Либерт, 2012; Хилтунен, 2009] говорят о том, что морфологический способ создания уменьшительно-ласкательных форм ИС является общим для обозначенных языков, но в английском языке категория диминутивности носит более узкий характер. По этой причине при переводе диминутивных ИС одним из продуктивных способов их передачи будет создание **неологизма**: *Хрум* – *Crunchy*, *Муреночек* – *Mooly-Dooly*, *Мусечка* – *Crunchy Poooh*, *Мусечка* – *Crunchy Cakes*.

Если ИС совершенно незнакомо реципиентам или не обладает для них эмоциональной нагрузкой, то переводчик может прибегнуть к **описательному переводу**: *Да уж ты дал жару, меня чуть Кондратий не хватил*. – *Yeah, gee whiz, too much. You nearly gave this bear heart failure*. *Потренировать, что ли, удар Громобоя?* – *Maybe I should practice my famous cue ball thunder strike*. В серии «Последняя радуга» специалистам по переводу пришлось воспользоваться описательной стратегией в совокупности с лексическим добавлением: *«Правда» – это другая газета, а наша – чтобы скучно не было*. – *True? Pure truth's for a different newspaper. Our newspaper is for interesting truth!* Недостатком этого способа является многословность, что может не совпадать с условиями аудиовизуального перевода, в котором доминирует принцип синхронности.

Наименее частотны случаи использования стратегии «**опущения**» (нейтрализации), т. е. полного отсутствия ИС в репликах героев адаптированной серии. Структурно реализация этой стратегии возможна в нескольких ракурсах.

Во-первых, ИС звучит в оригинале, но опущено в переводе: *Ежик, ты чего?* – *Hey, what's up?* Таким образом передано абсолютное большинство реплик (54 из 57), причем лидируют антропонимы (45 из 57): *А теперь прослушайте Лунную сонату Бетховена*. – *It's best to stay inside by the fire if you can*. Далее идут топонимы (7 из 57): *У обитающих в Азии и Африке пустынных ежей уши немного длиннее, а иголки – короче*. – *Hedgehogs have poor eyesight, so they rely on their senses of smell and hearing*. Пара примеров встречается среди названий планет (2 из 57): *Это что ж значит, мы не можем лететь на Марс?* – *What does that mean? Земля круглая, (ветер) когда-нибудь вернется*. – *You knows the wind. Here one day, gone the next. But don't worry, someday the wind will return*.

Такая статистика преобладания антропонимов объясняется тем, что зрителю чаще всего из контекста понятно, к кому именно обращается говорящий персонаж, поэтому нет необходимости в повторе имени или фамилии в дублируемой реплике. Получается, что значение ИС можно определить из контекста или видеоряда: *Веришь, Совунья, от поклонников проходу нет*. – *I can't with all these boys bothering me*. В данном примере из серии «Рецепт счастья» визуально понятно, с кем общается Ньюша, потому что разговор происходит в доме Совуньи и других персонажей в комнате нет.

Если ИС уже упоминалось в сюжете ранее, то его значение определяется тема-рематическим принципом и тоже может быть опущено в конечной версии перевода: *Да, Лосяш, и захвати, пожалуйста, шиферные гвозди там, в ящике!* – *Hey, while you're at it, give me some more nails. They're over in that box for the brushes. Thanks, pal*.

Переводчик может «пожертвовать» ИС для сохранения ритма и рифмы, творчески осмыслив реплику: *Если избегать еды, то не миновать беды, слушай Ньюша, слушай, кушай, Ньюша, кушай*. – *If you choose to avoid the food, it will lead you to nothing good. Eat, Rosa, eat, for I will cook you something sweet. Говорят, что в Костроме всякий при своём уме!* – *They say and you're sure to find everyone's got a brilliant mind*.

В некоторых высказываниях передача прагматического смысла ИС является невозможной, и тогда ИС опускается, а адекватность перевода достигается другими способами: *Если не дал*

Бог ума, не поможет **Кострома!** – *If you've got no brains to start. Теперь мы можем называть тебя **Маланья**, что означает черная. – I guess everyone should call you by your new name now. One that means «covered in mud.»*

Во-вторых, ИС не слышно в исходной версии реплики, но оно присутствует в переводе:

*Должна признаться, что, несмотря на обилие жирной пиццы, Масленица – мой любимый весенний праздник. – I must admit **Rosa**, I do love the Pancake Week celebration, though truth be told I sometimes go overboard with the goodies. Это же был важнейший символ Масленицы! – **Rosa's right. The harvest gods are going to be so angry! It's not even funny!** Здесь переводчик, возможно, хотел сделать перевод более точным и синхронным, поэтому добавил ИС, подходящие по контексту.*

В-третьих, перевод всей реплики, включая ИС, полностью отсутствует: *Генриетта ... – перевод отсутствует.*<sup>3</sup> Такой переводческий вектор объясняется тем, что ИС критическим образом не влияет на содержание и смысловую нагрузку аудиовизуального произведения и не играет в нем важной роли.

На основании вышеизложенного, рассматривая ИС как структурный компонент языковых реалий, можно сделать вывод о том, что при переводе их с русского на английский язык в дубляже аудиовизуального анимационного продукта применяются разнообразные переводческие приемы в рамках трех основных стратегий: сохранение, адаптация или опущение ИС. Комплексный анализ материала показал, что в подавляющем большинстве ситуаций переводчики стремятся к сохранению исходного ИС. Если невозможно задействовать эту стратегию, то привлекаются адаптационные практики. В самых редких случаях используют опущение. Метод параллельного подключения, т. е. эксплуатация нескольких переводческих трансформаций одновременно, также показал себя довольно эффективным при передаче ИС на иностранный язык.

### Заключение

Анализ особенностей и способов передачи ИС в процессе аудиовизуального перевода мультсериала «Смешарики» с русского на английский язык показал, что доминирующей стратегией в дубляже является сохранение ИС. Это объясняется намерением переводчиков передать глубокий авторский замысел произведения, не нарушая систему образов, стилевые черты и национально-культурные особенности оригинала. Адаптивный вариант имени мультипликационного героя должен учитывать смысловое значение образа и строиться на подчеркивании ключевой характеристики этого персонажа [Халлыева, 2022. С. 265]. Вместе с тем важным параметром ИС в аниматографе «является благозвучие, а при передаче оригинальных онимов на других языках – сохранение максимально возможного фонетического тождества» [Азнабаева, 2018. С. 304].

Среди доступных и наиболее продуктивных методов перевода ИС на иностранный язык в дубляже отечественного мультсериала первенство сохраняют традиционные способы, такие как транспозиция, транслитерация и транскрипция, которые чаще всего применяются в сочетании с лексическим добавлением и другими вспомогательными приемами. Наличие значительного количества топонимов обусловило широкое использование транспозиции, а многие известные универсальные антропонимы переводились побуквенным или звуковым переносом.

Если следование словарной традиции в переводе ИС невозможно или зрители не обладают высокой степенью осведомленности о таком ИС, то переводчик вправе адаптировать смысл этой ономастической единицы и предложить свой вариант, реализуемый через различные переводческие трансформации, или вовсе опустить ИС в конечной реплике. Между тем, следует

<sup>3</sup> В серии «Ее звали Нюша» уставший Крош произносит это имя в конце долгой цепочки других имен Нюши и на порядок тише, чем остальные, поэтому оно опущено в переводе. Дальше уже перечисление имен идет от лица Ежика.

помнить, что перевод ИС в мультипликации имеет свою специфику, так как накладывает ряд серьезных ограничений на выбор переводческого приема. В противоположность литературным произведениям в дубляже нет возможности пользоваться комментариями, сносками и другими способами объяснения незнакомого для публики онима. Более того, в аудиовизуальном переводе значительная роль отводится аудиовизуальным признакам (хронометраж, артикуляция и липсинк (синхронизация движения губ и звукового ряда), согласование текста с картинкой на экране и аудиорядом), а также учитывается контекст мультфильма или сериала, специфика принимающей культуры и целевой аудитории, их возрастные рамки и прочее.

В широком смысле выбор общей стратегии и конкретного способа передачи ИС в дубляже анимационного фильма определяется многими факторами: наличием закрепленного в словаре эквивалента перевода; необходимостью принимать во внимание национальные особенности языка-оригинала ИС, специфику языка происхождения ИС на всех уровнях (от фонетического до стилистического), исторически сложившиеся традиции перевода ИС, категорию и семантическую оболочку ИС, степень образованности и знакомства зрителей с культурой страны-первоисточника, степень визуализации ИС непосредственно на экране, важность ИС в структуре мультипликационного произведения.

Перспективой дальнейшей исследовательской работы может стать лингвокультурный анализ особенностей и способов передачи ИС на материале других мультфильмов и сериалов франшизы «Смешарики», других анимационных видеовербальных текстов массовой культуры, а также сопоставительный анализ перевода ИС в языковых парах, значительно отличающихся друг от друга в плане лингвокультурологических деталей, что позволит сделать более достоверными выводы о выборе переводческих стратегий и приемов для передачи онимов в дублированном аудиовизуальном переводе.

### Список литературы

- Азнабаева А. Ф.** Личные имена персонажей мультипликационных фильмов в ономастическом пространстве языковой личности ребенка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4 (82). Ч. 2. С. 301–305.
- Алексеева И. С.** Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
- Венедиктова С. И.** Языковые особенности мультсериала «Смешарики» // Сб. тр. XV Всерос. студ. конф. «Кино. Речь. Культура», СПб., 19–20 ноября 2020 г. СПб.: СПбГИКИТ, 2021. С. 63–69.
- Виноградов В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- Дидык Б. В., Фахретдинова Э. А., Лешин А. Г.** Особенности перевода званий военнослужащих ВС РФ и США как основы для установления статусно-ролевых отношений между ними // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 9. С. 35–43.
- Ермолович Д. И.** Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
- Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В.** Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.
- Кокунова Ю. В.** Перевод культурнозначимых имен собственных в кино // Эрратология: теория ошибок и переводческих несоответствий. Методика преподавания. Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. Вып. 9. С. 35–39.
- Лисицына В. О., Арутюнов Э. К.** Виды грамматических трансформаций при письменном переводе // Международ. журнал экспериментального образования. 2014. № 10. С. 165–167. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6060> (дата обращения: 25.12.2024).

- Максимова Л. А., Слаутина М. В.** Языковая игра как средство создания характера персонажа в мультсериале «Смешарики» // Молодежный научный форум. Электронный сб. ст. по материалам XLII Студ. международ. науч.-практ. конф. М.: МЦНО., 2019. № 12 (42) / [Электронный ресурс] – URL: [http://www.nauchforum.ru/archive/MNF\\_interdisciplinarity/12\(42\).pdf](http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/12(42).pdf) С. 30–34.
- Меркулова А.** Особенности перевода культурно значимых имен собственных в мультипликационных фильмах // Сб. тез. в 2 ч.: 1 ч. XLVII Науч.-практ. конф. студентов «Мир культуры глазами молодых исследователей» 18–23 апреля 2022 г. / под ред. А. Ю. Мельниковой. Пермь, 2022. С. 422–426.
- Меркулова А., Соломоновская А. Л.** Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале англоязычного мультфильма «Мадагаскар») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 156–167.
- Подлегаева Е. П.** Анимационный видеовербальный текст: проблемы перевода и интерпретации: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 175 с.
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
- Топорова А. И.** Особенности перевода имен собственных в детских мультсериалах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов VII (XXI) Международ. науч.-практич. конф. молодых ученых (16–18 апреля 2020 г.). Вып. 21. Томск, 2020. С. 26–30.
- Халлыева А. К.** Перевод имен собственных в мультипликационных произведениях на английский язык // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы X Международ. науч.-практич. конф. студентов и магистрантов, Витебск, 22 апреля 2022 года. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. С. 263–265.

## References

- Alekseeva I. S.** Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Introduction to the Translation studies: A textbook for students of philol. and lingv. fac. of the higher studies establishments]. Saint Petersburg: Philological faculty of SPbGU; Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004, 352 p.
- Aznabaeva A. F.** Lichnye imena personazhei mul'tiplikatsionnykh fil'mov v onoma-sticheskom prostranstve yazykovoï lichnosti rebenka [Personal names of cartoon characters in the onomastic space of the child's linguistic personality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2018, no. 4 (82), ch. 2, pp. 301–305.
- Didyk B. V.** Osobennosti perevoda zvanii voennosluzhashchikh VS RF i SShA kak osnovy dlya ustanovleniya statusno-rolevykh otnoshenii mezhdu nimi [Peculiarities of the translation of ranks of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation and the USA as the basis for establishing status-role relations between them] / B. V. Didyk, E. A. Fakhretdinova, A. G. Leshin. *Vestnik MGLU, Gumanitarnye nauki*, 2020, no. 9, pp. 35–43.
- Ermolovich D. I.** Imena sobstvennykh na styke yazykov i kul'tur [Proper names at the intersection of languages and cultures]. Moscow, R. Valent, 2001, 200 p.
- Kabakchi V. V.** Vvedenie v interlingvokul'turologiyu: ucheb. posobie [Introduction to interlinguoculturology: study guide] / V. V. Kabakchi, E. V. Beloglazova. Saint Petersburg, izd. SPbGUEF, 2012, 252 p.
- Khallyeva A. K.** Perevod imen sobstvennykh v mul'tiplikatsionnykh proizvedeniyakh na angliiskii yazyk [Translation of proper names in animated works into English]. *Molodost'. Intellect. Initsiativa: materialy X Mezhdunar. nauch.-praktich. konferentsii studentov i magistrantov*, Vitebsk, 22 April 2022. Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova. 2022, pp. 263–265.

- Kokunova Yu. V.** Perevod kul'turnoznachimykh imen sobstvennykh v kino [Translation of culturally significant proper names in the cinema]. *Erratologiya: teoriya oshibok i perevodcheskikh nesootvetstviy. Metodika prepodavaniya. Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*, 2013, no. 9, pp. 35–39.
- Lisicya V. O., Arutyunov E. K.** Vidy grammaticheskikh transformacij pri pis'mennom perevode [Types of grammatical transformations in written translation]. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 2014, no. 10, pp. 165–167. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6060> (date of reference: 25.12.2024).
- Maksimova L. A., Slautina M. V.** Yazykovaya igra kak sredstvo sozdaniya kharaktera personazha v mul'tseriale «Smeshariki» [Language game as a means of creating a personality of a character in the animated series “Smeshariki”]. *Molodezhnyi nauchnyi forum. Elektronnyi sbornik statei po materialam XLII stud. mezhdunarodn. nauch.-prakt. konferentsii*. Moscow, MTsNO publ., 2019, no. 12 (42), pp. 30–34. URL: [http://www.nauchforum.ru/archive/MNF\\_interdisciplinarity/12\(42\).pdf](http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/12(42).pdf) (date of reference: 29.06.2024).
- Merkulova A.** Osobennosti perevoda kul'turno znachimykh imen sobstvennykh v mul'-tiplikatsionnykh fil'makh [Features of the translation of culturally significant proper names in animated films]. *Collection of theses in 2 parts: 1 h. XLVII Scientific and Practical conference of students “The World of culture through the eyes of young researchers” April 18–23, 2022* (ed.) A. Yu. Melnikova. Perm, 2022, pp. 422–426.
- Merkulova A., Solomonovskaya A. L.** Osobennosti peredachi imen sobstvennykh v pro-tsesse audiovizual'nogo perevoda (na materiale angloyazychnogo mul'tfil'ma «Madagaskar») [Features of the transfer of proper names in the process of audiovisual translation (based on the material of the English-language cartoon “Madagascar”)]. *Vestnik NGU Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 156–167.
- Podlegaeva E. P.** Animatsionnyi videoverbal'nyi tekst: problemy perevoda i interpretatsii [Animated video verbal text: problems of translation and interpretation]. Mytishchi, 2020, 175 p.
- Superanskaya A. V.** Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [The general theory of the proper name]. Moscow, Nauka publ., 1973, 367 p.
- Toporova A. I.** Osobennosti perevoda imen sobstvennykh v detskikh mul'tserialakh [Features of the translation of proper names in children's animated series]. *Actual problems of linguistics and literary studies: collection of materials of the VII (XXI) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (April 16–18, 2020)*. Tomsk, 2020, iss. 21, pp. 26–30.
- Venediktova S. I.** Yazykovye osobennosti mul'tseriala «Smeshariki» [Language features of the animated series “Smeshariki”]. *Sb. trudov XV Vseross. stud. konferentsii «Kino. Rech'. Kul'tura»*, St. Petersburg, 19–20 November 2020. SPb. izd. SPBGIT, 2021, pp. 63–69.
- Vinogradov V. S.** Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translation Studies (general and lexical issues)]. Moscow, izd. RAO, 2001, 224 p.

### Информация об авторах

**Меркулова Александра**, аспирант Новосибирского государственного университета

**Соломоновская Анна Леонидовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, кафедры английского языка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

### Information about the Authors

**Alexandra Merkulova**, post-graduate student at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

**Anna L. Solomonovskaya**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Department of English at Novosibirsk State University

### Вклад авторов

**Александра Меркулова** – отбор и анализ материала, разработка концепции исследования, написание исходного текста.

**Анна Леонидовна Соломоновская** – анализ и обобщение материала, формулирование выводов, редактирование и подготовка окончательной версии текста.

### Contribution of the Authors

**Alexandra Merkulova** selected and analyzed the material, developed the methodology and approach, prepared the first draft of the article.

**Anna L. Solomonovskaya** analyzed and generalized the material of the study, helped the student draw final conclusions, edited the text and prepared the final draft of the article.

*Статья поступила в редакцию 10.09.2024;  
одобрена после рецензирования 26.12.2024; принята к публикации 27.12.2024*

*The article was submitted 10.09.2024;  
approved after reviewing 26.12.2024; accepted for publication 27.12.2024*

## Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом  $190 \times 270$  мм =  $\frac{1}{6}$  авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

## Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

*Обязательным требованием* является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

### *Образец оформления статьи*

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

### **Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация**

**Иван Иванович Иванов**

Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

*Аннотация*

*Ключевые слова*

*Финансирование*

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

## **The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization**

**Ivan I. Ivanov**

Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

*Abstract*

*Keywords*

*Funding*

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей  
Список источников  
References  
List of Dictionaries  
List of Sources  
Информация об авторах/Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

### *Образцы составления библиографического описания*

#### **Авторская монография:**

**Ильиш Б. А.** История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

#### **Коллективная монография**

**(все авторы должны быть упомянуты):**

**Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х.** Теория и методика ономастических исследований: моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

#### **Статья в сборнике:**

**Черкасова Г. А.** Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

#### **Статья в ученых записках (ученых трудах):**

**Скрипка А. С.** К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

#### **Статья в журнале:**

**Кириллов Д. А.** Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

#### **Автореферат:**

**Яньшин П. В.** Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

#### **Рецензия:**

**Панин Л. Г.** [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенных для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

### **Требования к содержанию публикуемых материалов**

*Требования к теме исследования, заявленной в статье.* Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, nml.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

*Требования к объектной и предметной новизне исследования.* Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

*Требования к описанию объекта исследования.* Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

*Требования к характеристике предмета исследования.* Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

*Требования к формулировке названий статьи.* Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

*Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье.* Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

*Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье.* Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследова-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

*Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте.* Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

*Требования к использованию цитат.* Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

*Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании.* Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

*Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования.* В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

*Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению.* Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

### **Доставка материалов**

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии  
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур  
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: [lingua@vestnik.nsu.ru](mailto:lingua@vestnik.nsu.ru)